

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 12 (87)

декабрь, 2023

Литературно-исторический журнал
12+
старше
12 лет

S. NIKAS

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот и завершился сложный 2023 год. Несмотря на противоречия, это был очень продуктивный год для «Александра»: у издания появились новые друзья. Вот и завершить этот год мы решили необычно, познакомив с творчеством талантливых людей, посвятивших себя театру и реализующих интересные, неординарные, яркие проекты, к исполнению которых присоединилась и редакция журнала.

Декабрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ» целенаправленно и последовательно идёт к достижению своей основной, изначально выбранной цели – открывать новые таланты и сохранять память о прошлом, что просматривается в содержании журнала, мало изменившемся на протяжении семи лет, в устойчивом подборе названий и направлений литературных рубрик.

Мы констатируем факт, что русские авторы пишут литературные произведения, а это значит, живёт и развивается русская литература.

Редакция журнала «Александръ» желает авторам неиссякаемого вдохновения, хороших тем, актуальных репортажей, шедевральных идей, отличных рифм и, конечно, каждому найти своего читателя. Ну а дорогим читателям – новых литературных открытий и не разочаровываться в авторах.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Здравствуйте, дорогие читатели. Мне выпала честь быть соавтором новогоднего номера журнала «Александръ». А это значит, что номер будет немного волшебным и сказочным.

С самого детства театр был для меня чем-то особенным. Помню, как мама и я гуляли по Страстному бульвару и направлялись во МХАТ. Эта атмосфера, запах осени, корицы и, конечно же, «Синяя птица». А затем – предновогодний «Щелкунчик». Волшебное королевство принцессы Пирлипат и крёстный Дроссельмейер. Вот так для меня, ещё очень маленькой девочки, начинался театр. И с тех пор росла моя внутренняя потребность принести миру пользу посредством гармонии и красоты. Я верю, что человек разумный должен стремиться к миру и добру. Человек обязан созидать. К какой бы профессии он ни принадлежал. А искусство, театры, культурные центры, литературные салоны должны просвещать и приобщать наше общество к богатому наследию музыки, живописи, литературы и архитектуры. Чайковский, Пахельбель, Бах, Свиридов – от мира музыки, Петрарка, Шекспир, Сумароков – от литературы, Рафаэль, Айвазовский, Казаков – от мира живописи и архитектуры... Имена великих предшественников, которые вдохновляют и помогают двигаться дальше. Классические произведения – это столпы искусства. И путь развития вкуса и ума нашего общества.

Но время не стоит на месте, и также считаю важным быть в курсе современных тенденций и технологий, таких как NFT и другие виртуальные формы искусства. Я часто посещаю концерты классической музыки в различных залах и замечаю, что публика

состоит в основном из людей старшего поколения. Молодёжь тоже присутствует, но не в таком большом количестве, как бы хотелось. Думаю, что это вызвано, в частности, формой представления искусства, которая может быть не очень привлекательной для молодых зрителей. Мы должны делать искусство более доступным и интересным для молодых людей, без необходимости быть экспертами в музыке или искусстве.

Мой сын начал сопровождать меня на концерты с четырёх лет, и я всегда старалась выбирать программы, которые были бы интересными и лёгкими для него. Мы даже уходили в антракте, когда я понимала, что ребёнок перегружен. Важно не отбивать у него интерес к искусству на раннем этапе.

Приобщение молодёжи к размышлениям, созерцанию и творчеству – важное наследие, которое взрослые должны передать. Инструменты для этого довольно просты: создание команды профессионалов и людей, которые разделяют страсть к искусству и желание просто заниматься своим делом.

Очень важный аспект нашего с вами общества – это инклюзия. Мы с командой сотрудничаем с Театром «Открытое искусство» и сообщаем стремимся к созданию среды для совместного творческого продукта.

Инклюзия – это не просто слово, это наше обязательство перед обществом.

В мире, насыщенном множеством проблем, социализация играет ключевую роль в формировании связей и укреплении нашего места в обществе. Для людей с различными синдромами и особенностями ментального

развития это становится ещё важнее. Открытие для них дверей в мир социализации – это путь к расширению горизонтов, развитию навыков и созданию более инклюзивного общества.

Социализация – это не только общение, но и способность понимать и быть понятым. Для многих людей с синдромами и подобными состояниями это может быть вызовом из-за особенностей когнитивного и коммуникативного развития. Тем не менее с поддержкой и инклюзивной средой они могут с лёгкостью внести свой вклад в разнообразие общества.

Участие в международных фестивалях инклюзивных театров, конкурсах и олимпиадах обогатит опыт и поможет поднять престиж государства в этой области.

Заметьте, как много в нашей жизни строится вокруг наших потребностей и проблем. Однако настоящая ценность жизни кроется в более глубоких и значимых поступках – взаимопомощи и поддержке. Этот взгляд на мир – ключевой момент, который объединил нашу команду.

Хочу поздравить дорогих читателей с наступающим Новым годом и пожелать мира и любви. Встречайте Новый год с книгой в руках, ходите в театры, музеи, слушайте красивую музыку. И пусть мир придёт в ваш дом через искусство, ведь это чувственное и эмоциональное познание жизни.

Екатерина ЧЕКАНОВСКАЯ,
автор и создатель центра ис-
кусств «Столичный театрограф»,
артистка балета и дирек-
тор «Театра цыганского танца»

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 7 Екатерина Чекановская.
Сон, сон, полусон

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 9 Марта Виталь.
Связанные с театром
14 Инна Милорадова
16 Елена Осминкина

МЕТАМОРФОЗЫ

- 19 Инна Милорадова.
Белый кролик

ЖИТЕЙСКОЕ

- 22 Никас.
Найдёныши

ПОЭЗИЯ

- 29 Ольга Даранова.
Моя пора
32 Анатолий Арестов.
Пространство жизни
34 Валерий Румянцев
36 Александр Семячков

ПРОЗА

- 37 Валерий Маслов
Иван Бунин и Лев Толстой
40 Дачный роман

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 44 Екатерина Пермякова
46 Сергей Белов.
Фёдор Ушаков
50 Михайло Ломоносов
51 Игорь Белкин-Ханадеев

ВОСПОМИНАНИЯ

- 54 Александр Малышев.
Времена морских странствий

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 70 Вадим Кулинченко.
Сверчок

ДЕБЮТ

- 75 Светлана Леонтьева.
Я верю Плутарху
80 Сергей Луцан

ПАМЯТЬ

- 82 Валерий Аршанский.
Пановские самоцветы

КРИТИКА

- 85 Николай Переяслов.
Ищите правду под красотой

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

- 88 Анатолий Труба.
Чехов в мире почтовой миниатюры

СКАЗОЧНОЕ

- 91 Арина Яшкова.
Асила – библиотечная нимфа

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Александр Сергеев.
Казачи и «Александръ»

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (87), декабрь 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 20.12.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

СОН, СОН, ПОЛУСОН

Екатерина ЧЕКАНОВСКАЯ

«Сон, сон, полусон... – шепчу я, ещё не совсем проснувшись, – три сна, полусон». Прищурившись, я смотрела на искусно сделанную ёлочку из папье-маше и скорлупок грецкого ореха. Она была миниатюрной и стройной кокеткой родом из Санкт-Петербурга. Всегда с аристократической осанкой и задумчивым молчанием. На её красивом золотисто-зелёном одеянии было одно-единственное украшение – серебряная звезда из бисквитного фарфора и парчи.

Рядом с ёлочкой сидел мышонок-циркач. Бархатный чёрный цилиндр и атласный бант на шее делали его похожим на волшебника, а объёмный бархатный же малиновый комбинезон клоуна с россыпью алых блестящих пайеток добавлял образу парадности и важности. В задачи мышонка входило не прозевать начало декабря и вовремя разбудить ёлочку, коснувшись её волшебной палочкой, которая была пришита к его правой лапке.

За окном чирикнула птичка, заставив меня резко открыть глаза. А вдруг это всё мнится мне и это лишь плод рассветных игр теней и моего воображения?.. «Сон, сон... полусон... три сна, полусон», – твержу я опять про себя. Нет, музыка не может ошибаться. И первое ощущение после сна – ощущение сказки и че-

го-то давно забытого и ушедшего – оно самое верное. Его нельзя предать. Иначе оно обидится и больше не придёт. Это как старый сон из детства, о котором ты помнишь много-много лет подряд. Но попроси кто-нибудь тебя его пересказать – ничего не выйдет. Не найдётся нужных слов, форм, ощущений. И сон рассыпается, буквально как неверно доказанная теорема. Лучше молчать, лучше штрихами, ведь нельзя вонзать в сердце памяти бытовой набор слов.

И так в моём доме поселяется декабрь.

НЮАНСЫ... МИМАНСЫ...

Зимний московский двор, мягкий свежий снег заботливо укрыл тебя, не оставив даже оконца на водопроводном люке. Верно, вчера вечером тебе было отчего-то страшно. Ты плакал и жаловался прохожим, оставлял на их одежде узоры своих слёз. Но чудо, наутро не осталось и следа от вчерашнего уныния. Тяжёлый плед серо-голубого цвета с рисунком птичьих следов и кошачьих лапок украсил тебя.

На плите забурлила турка, и кухня наполнилась ароматом кофе: «Эх, хозяйка!» – и напиток пролился на плиту. Ну вот, снова я прозевала этот момент! «Цык, цык, цык...» – ответили мне кухонные часы. Только этим добрым цыканьем можно одновременно и пожуричь, и пожалеть. Мягкое отстукивание ваше (я знаю, я проверяла) вводит

любого человека, оказавшегося в эти утренние часы у моего кухонного окна, в состояние безвременья и спокойствия. О, это неудивительно, ведь в моём доме живет сама Поэзия, и это кухонное окно придумала она сама.

Всё было так. Как-то утром особенно раскаркались вороны, я открыла балконную дверь и с негодованием обратилась к ним: «У, мнемосины, разгалделись!» Птицы в одно мгновение затихли, и наступила тишина. Молчала я, молчали птицы. И даже на всегда оживлённой площади было почти пусто. Только странный человек в широкополой шляпе, высоких ботфортах и с пакетом в руке медленно расхаживал под уличными часами. Наверно, на детский праздник опаздывает, почему-то подумалось мне. За моей спиной тихо скрипнула балконная дверь, я отвлеклась от загадочного персонажа и когда посмотрела на то место, где он был секунду назад, то никого не увидела. Как сквозь землю провалился.

Я посмотрела на свои босые ноги и сделала шаг в комнату. Ступнями я ощутила тёплый деревянный пол и замерла. Как тепло, как хорошо! Я оглядела комнату. Выглянувшее солнце озарило её терракотовыми и розовыми цветами. На стенах, доказывая струнную теорию формирования Вселенной, скакали тени от жалюзи. Шторы от гардеробной, имитирующие театральный занавес, зашелестели от сквозняка, и из складок выглянул портрет Вольтера. Он улыбался мне глазами, как бы спрашивая: «Avez-vous remarqué, Mademoiselle? Entrez dans la cuisine. Vous y trouverez une surprise».

«Нюансы-мимансы, мандарины-мнемосины», – нараспев сказала я и поспешила на кухню.

...Жёлтые, розовые, малиновые, голубые мотыльки заполнили всю кухню. Они порхали под старинным абажуром, под потолком и даже умудрились попасть под стол. Турецкие лампочки, которые висели над столешницей, весело светились, раскачиваясь в разные стороны. Прошлогодние вербочки в оливковой вазе светились серебряными огоньками и тонко звенели. А стёкла моего окна были подменены на слюду.

Я подошла ближе и посмотрела в окно. За ним что-то мелькало, танцевало, светилось. Но ничего было не разобрать. Только нечёткие образы, но так близко... Это было окно в бесконечное количество замыслов. Вот сейчас я всё узнаю, сейчас разгадаю, увижу... И тут зашипел кофе.

Как, опять? Опять мне мыть плитку. А ведь ещё торт надо успеть испечь, подарки купить, мандарины... мнемосины, нюансы, мимансы...

СТАРИННЫЙ АРОМАТ

Удивительно, но как только заканчивается Старый Новый год, меня начинает преследовать горький запах старой книги. Знаете, такой с привкусом касторового масла и застоявшихся в воде хризантем. Игрушки и гирлянды почему-то утрачивают свою волшебную суть и становятся просто игрушками. Ёлка теряет свой хвойный аромат, а я – последние надежды стать принцессой для Щелкунчика. Что бы хоть как-то заполнить эту сказочную несправедливость, надо начать разбирать ёлку. Хотя этот способ не самый лучший, ведь, когда заворачиваешь игрушки в старые газеты, вкус и запах, смешиваясь с датами давно минувших дней и воспоминаний, становятся ещё более осязаемыми и резкими.

Но идёт время, и настырный сквозняк уносит последнюю ноту этого старинного аромата. А ближе к Масленице я об этом даже не вспоминаю. Всё мелькает в суете и каждодневных хлопотах, приобретая другой, солнечно-сливочный запах. На кухне летают пылинки от муки, в миске набухает опара, подсолнечное масло горит янтарным блеском. Солнце начинает играть оранжевыми тонами, предрекая нам скорую весну.

А снег? Мой милый, добрый, старый снег. Он становится каким-то прошлогодним, брошенным, беспомощным. О, как мне жаль его!..

И вот опять в воздухе начинает присутствовать горький запах книги. Но книги новой, весенней. Украшенной нотками влажной пробуждающейся земли и мягких пушистых вербочек. А значит, скоро грачи прилетят, ручьи побегут, капель заискрится и... И я забуду в суматохе дня о том, что ещё вчера оплакивала прошлогодний снег.

Марта ВИТАЛЬ

Поэт. Участник и подвижник творческой группы столичного центра «Театрограф». Преданный поклонник театрального искусства.

Родилась в живописном и аутентичном г. Йошкар-Оле Республики Марий Эл. Стихи пишет с детства от переизбытка эмоций. После двадцати лет разлуки стихи вновь неожиданно вернулись и стали терапией души, позволяющей выгрузить все эмоциональные переживания от столкновения с прекрасным. Стихи создают для неё особое пространство жизни, исцеляющее, наполняющее и чувственное. Искренне верит, что «мир красотой спасётся». Возможно, её стихи найдут отклик у ищущих читателей, помогут вернуть им ощущение внутренней радости и гармонии.

Связанные с театром

НАВЕЯНО ДЖОНОМ КЕЙДЖЕМ – «4'33»

Давайте слушать Тишину,
В ней очень много разных звуков,
Не второпях, не на бегу,
А созерцательно и близоруко:
Вот хаос тридцати секунд –
Как вакханалия сознания;
Минута сорок – блудный звук
К себе привлёк наше внимание.
Вот две минуты двадцать три –
Безмолвием
Вдруг заполняется пространство,
И это всё – четыре, тридцать три.
Спокойствие –
Всегда иллюзия непостоянства.

ТРАГИКОМЕДИЯ

Трагикомедия всей жизни –
Желание не быть собой
И жить из чувства укоризны –
Не мочь сыграть чужую роль.
В попытках тщетных измениться
Мы чтим актёрства мастерство.
Нам вечно есть куда стремиться,
Ломать с надрывом естество.
По Станиславскому, с усилием,
Чтобы однажды так легко
Мы оказались в главной роли
Цветного своего кино.
Давно все явки, все пароли
Известны. За нас всё решено –
Раскрыть таланты силой воли
В кругу сансары суждено.
Поэтому искусства силу
Используем душе во благо,
И забываем всё, чему учили,
Освобождаемся и ждём аншлага!

СПЕКТАКЛЬ «Я ДОЛЖНА»

Внезапно поняла, что гложет,
Как будто неисполненный есть долг,
Лекарство никакое не поможет,
А как его отдать, я не могу взять в толк.
И чувство ноющее я не в силах
Ни заглушить, ни вырвать из груди.
Оно саднит, вытягивает жилы,
Цинично норовит с ума свести.
Привыкла я и даже подружилась,
Умею делать вид, что всё о'кей,
Но вдруг с эмоцией столкнулась,
И всё рассыпалось на тысячу частей.
Я временем в одну картину снова
Все пазлы собираю не спеша,
И через лет так несколько готова
Играть в спектакле «Я должна».

ВПЕЧАТЛЯЯСЬ

На лебединый взмах крыла
Похож пуантов звук на сцене,
Движением сказка ожила,
И... заискрилась кровь по вене.
Вплетает танец в свой узор,
Воображение балуя,
Ума я чувствую укор,
Но сердцем радостно ликую,
Что не утратила душа
Способность дивом восхищаться,
Ведь всё, что требует она, –
Любить, творить и вдохновляться!

ИЗ ЦИКЛА «ИСЦЕЛЕНИЕ КРАСОТОЙ»

СКВОЗЬ ВУАЛЬ

Смотрю на мир я сквозь вуаль,
И оттого он дымчато-прекрасен,
Мне строгих черт его совсем не жаль,
В размытых контурах он не опасен.

И в мягком, приглушённом свете
Вдруг всё меняется вокруг.
Как облака, предметов силуэты
Теплом теней свой замыкают круг.

И в этом акварельном мире
Всё гармонично и легко,
И всё сбывается на самом деле,
И красотой вдохновлено.

В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ

Иначе дышится в начале сентября,
Свободней и чуть-чуть прохладней,
Прозрачный воздух с самого утра
Вдохнёшь – и на душе отрадней.

Дарует осень обновление,
Круженье лёгкости листвы,
Глобальное приготовление
Уютных пледов для зимы.

Активность постепенно угасает,
Лениво мысли облекаются в слова.
А за окном природа засыпает,
Смыкает крепче каждый день глаза.

В невероятно сладкой полудрёме
Мы проведём три месяца с тобой,
Расклеивая фотографии в альбоме,
На сердце ощущая благодать и покой.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Как же сказочно зимой,
Когда вокруг укутано всё снегом,
Тебя баюкает под пледом
Снежинок вальс над головой.

Ты смотришь из окна такси
На фонари сквозь поволоку снега
И мысли хочется сказать: «Смотри!
Остановись! Не бегай!»

ЧУДО СНЕГОПАДА

Какой чудесный снегопад,
Он в детство сердце переносит,
Кружат снежинки невпопад
И тают на лице у носа.

Их языком ловить забавно,
Чтобы узнать холодный вкус,
И на душе становится отрадно,
Как будто снег уносит грусть.

ПРИСУТСТВУЮЩЕЕ ЛЮБЯЩЕЕ РЯДОМ

Всё расцветает от прикосновения
Присутствующего любящего рядом,
Так Красота в дыхании мгновенья
Творит Любовь одним лишь взглядом.

Будь любящей, любимой и прекрасной
И легкой поступью верши дела,
Будь нежной, взбалмошной и страстной,
Чтобы пульсировала жизнь твоя!

Танцуй, дыши, не будь удобной,
Капризы, глупости – всё позволяй!
И непременно будь свободной,
Шали, как ветер, птицей вверх взмывай!

Люби себя и мир весь без остатка,
Живи сейчас, энергией Любви творя,
И пусть на сердце будет сладко
От жажды жизни, цвета и огня!!!

МОЛЧАЛИВОЕ ИСКУССТВО

У Бога много способов общаться с нами,
Но самый выразительный – руками!
Так скульпторы становятся Его глазами,
Создатель разговаривает их мечтами.

Скульптура – молчаливое искусство,
Возможность красотой наполнить то, что пусто,
Для размышлений созерцательных и грустных,
С самым собою диалогов безыскусных.

ЗАВЕСА ДОЖДЯ

Дождём деревьям сделан маникюр,
Покрыт листочек каждый лаком,
Дождь, как искуснейший гравёр,
Их полирует каждой каплей.

До глянца сахарным сиропом
Их поливает, силы не щадя,
По улицам несётся он галопом,
Чтобы успеть в другие города.

Он лёгкой свежестью проходит,
Всех умывая на своём пути,
Стеснительный, боится потревожить,
Наслышан он о нашей нелюбви.

Во влажной дымке завесы дождя
Приходят осознания и смыслы,
Под стук дождя уходит суета
И ясность обретают мысли.

За чистоту дождь можно полюбить,
За одиночество тотального ненастья,
За мастерство внезапно приходить,
Дарить минуты истинного счастья.

Дождь – про принятие момента,
Про неуместность, как всегда,
Дождь – про тебя и про меня,
Что есть сейчас, а не тогда.

ПРИЗНАНИЕ ДОЖДЯ

Бесцветная вода
Льётся сверху на меня,
Аккуратно, как всегда,
Касается лица.

Словно пёрышком
Едва прохладным,
Сползает по стеклу,
Суетится так нескладно,
Примостившись на щеку.

Соскользнула на ключицу
И в ложбинку на груди,
Опустилась на ресницы,
Норовит до губ дойти.

Трепетание касания
Невидимки из дождя,
Это как в любви признание –
Шёпотом, едва дыша.

НАС ВЫБРАЛА КРАСИВАЯ ДУША

Нас выбрала красивая Душа,
Чтобы нести свет Мироздания,
Случаться жизни, говорить ей «да»
И проявляться в лучшем созидании.

Когда своим лучом касаемся других,
Они отчётливо всё начинают видеть:
Себя, свой Путь среди чужих своих,
Способность чувствовать, предвидеть.

Так в красоте преображения
Танцует вальс наша Душа,
Одаривая силой осмысления
Всех тех, к кому притянется она.

Присутствия Божественной Любви,
Чтобы идти по выбранной дороге,
Сопровождения Божественной руки,
Синхронизации Его и нашей воли!

РАДОСТИ МИЛЫХ МЕЛОЧЕЙ

Как много радости в деталях,
В приятных, милых мелочах.
И требуется порой так мало –
Увидеть счастье в солнечных лучах.

Увидеть в маленькой дождинке
Красивой радуги изгиб,
А в каждой кружевной снежинке –
Повтор, в который смысл вшит.

Глазами нежного ребёнка
Мир жизнью смотрит на тебя,
Фиксирует, как киноплёнка,
События. Твой фильм, твоя игра.

РАЗГОВОР МАСТЕРА С ТВОРЕНИЕМ

Слышите, Мастер разговаривает с творением?
Этот внутренний диалог?
Он мучим пожирающим изнутри
вдохновением,
Топотом мыслей из тысячи ног.

Он глины касается, как кожи любимой,
И трепетно гладит изгибы её лица,
Водой умывает, страстью гонимый,
Благоговеет у ног своего венца.

И есть ощущение, что подглядываешь
За чем-то очень за гранью сознания,
Одной душой едва угадываешь
Невыносимую тяжесть Призвания.

КРУЖЕВНОЙ БУДУАР ФЕВРАЛЯ

Кружевом белым вплетается в дни
Тихая радость холодной зимы.
Скоро закончатся снег и метель,
Будет весна, птичья трель и капель.

Февраль – будуар в полудрёме Весны,
Ленивой девицы в полузабытьи,
Проснуться желает, а может, и нет,
Он вечно страдает и ищет ответ.

БЕЗУЧАСТНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ

Искрится белый падающий снег
Как символ бесконечного Начала,
О, как пред ним ничтожен человек!
Как понимания всего в нём мало.

А снег идёт без правил, по желанию,
Неотвратимому велению своему,
И вопреки сомнительным преданиям
Его не приручить, не подчинить уму.

И только в безучастном созерцании
Мы можем наблюдать его движения
И чувствовать падение молчанием,
На время отпустив сомнения.

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Разлетались на небе ангелы,
Играют в снежки, не спят.
И порою такие нескладные,
Только перья от крыльев летят.

Узор виден в каждой снежинке,
Белым кружевом вьюжит земля,
И из самой малюсенькой льдинки
Бог с любовью глядит на тебя.

Как красиво в безмолвии белом,
Как спокойно, как тихо внутри,
Словно сахарной пудрой умело
Бог посыпал вокруг всё. Смотри.

Солнце светит отчаянно в дымке,
Но не греет в морозном плену,
Только отблеском в каждой снежинке
Преломляется тонко на льду.

Нет ажурных узоров на стёклах,
На резиночках варежек нет,
И не сушатся валенки, взмокнув
От баталий твоих эстафет.

Но, как прежде, ждёшь радио утром,
Когда диктор озвучит прогноз,
Чтобы знать, что привычным маршрутом
В школу ты не пойдёшь. Мороз!

РОЖДЕСТВО

Пусть фонарик робкий Чуда
Путь рождественский осветит,
Праздник Жизни, значит, будет,
Под звездой его отметим.
Радуйся, ликуй, Душа,
Торжества Любви начало.
Ты для любви воплощена,
Ты начинаешь всё сначала.
Жаль, невозможно всё объять,
Увидеть, восхититься удивлённо,
И звёзды с неба не содрать,
Чтоб ночь увидеть обнажённой.
Мы засыпаем, чтобы пробудиться,
Мы умираем, чтобы вновь родиться,
Чтобы успеть обняться с облаками
И улыбнуться Рождеству стихами!

СОЧЕЛЬНИК

Ликует душа в предвкушении
Прекрасного торжества
И радуется в Сочельник,
Как чуда ждёт Рождества!
Как это простое событие
Вдруг всё изменило – смотри:
Важнейшее в жизни открытие –
У каждого Бог внутри!
Однажды мы делаем выбор
В пользу Добра и Любви!
Нет больше лишних вопросов,
Весь смысл в светлом Пути!

Инна МИЛОРАДОВА

Актриса, режиссёр, драматург, поэт.

В 1992 году окончила Школу-студию МХАТ (мастер – И. М. Тарханов); в 2000-м – Институт современного искусства, курс кинорежиссуры (мастер – Леонид Пчёлкин).

Автор пьес «Любовь по системе Станиславского», «Репетиция надежды».

В 2007 году организовала Театральный центр «Инновация», в котором является генеральным директором и продюсером. С 2014 года – режиссёр Open Art Theatre (театр «Открытое искусство») для людей с ментальными особенностями развития. Является активным участником инклюзивного направления «Столичный театрограф».

* * *

Я вдохновение в себе пробуждаю,
Мои наслаждения в тебе порожаю,
Себя – обнажаю, тебя – обожаю,
Как зеркало, солнечный свет отражаю..
Какой непонятный ноябрьский вечер,
И будет ли встреча, не будет ли встречи –
Одно! Рай дарован при жизни навечно!
Ты мной очарован, я в мыслях – беспечна!
Потушены свечи, опущены плечи...

* * *

Всё обусловлено нашим сознанием,
К счастью приколото воспоминание.
В жизни даровано – не отворовано.
Каждому – дарено,
К сердцу – приварено.
Памятью названо.
Мыслями издано.
С новым любимым –
Оно переиздано...

* * *

Я допиваю чёрный чай – скучаю!
Фонарь уныло тусклый свет качает..
И над окном твоим луна гуляет вольно,
В кафе за окнами зима, и мне довольно!

Здесь полумрак, тепло, уют... Всё больше –
пары,
Не говорят, вино лишь пьют – звенят бокалы..
От тусклых ламп и от свечей припухли веки,
Среди людей погрязла я в зиме навеки...

Картонно-фартучный вокруг царит порядок
Официанточно-надменных переглядок.
Заходят многие – назад никто не вышел,
И шум за окнами Москвы совсем не слышен.

Что ты? Где ты? Сидишь, иль тихо бродишь
По комнатам пустым, иль тихо гонишь
Тоску свою, как я, таким же чаем
И так же, как и я, сейчас печален?

Как близки, далеки твои мне окна..
Автомобильная Москва и в них промокла.
И я за окнами кафе такую ж сырость
И ощущаю, и гоню... с тобою близость.

* * *

Когда чужой наденешь грим,
Костюм, парик, чужую душу,
И побредёшь, как пилигрим,
К мечтам, порвав нутро наружу,

И, в заблуждение входя,
Перед толпой сыграешь драму,
А охладевши, погода,
С коллегами да по сто граммов...

Получишь истинный экстаз –
Освободив чужую душу
Своей души начнёшь показ,
Выпячивая всё наружу.

И побредёшь, и побежишь
Ты вперемежку с тою ролью,
Которую вручила жизнь
И навязала вместе с болью.

Которую прожить нельзя
Так честно, чтобы не страдала
Душа его, душа твоя...
Одной, Господь, нам жизни мало!

Ведь нам хотелось бы сыграть
Любовь и смерть, беду, разлуку,
Себе протягивая руку,
Подножку тут же подставлять.

Себя любить, и ненавидеть,
И изменять, и покорять,
Себя жалеть, себя обидеть,
Себя навеки прославлять!

Хотелось бы нам на сто баллов
Сыграть красиво с жизнью роль...
Хотелось бы! Но всё пропало,
Забыли к счастью мы пароль!

* * *

Опушка леса – чаша.
А в ней три беса спящих.
Один – талант, другой – покой,
И третий – парень неплохой...

Свернула девочка с пути:
«Куда идти? Там – не пройти...
Пойду туда – не пропаду,
Дорогу я домой найду...»

Пошла «туда» и не вернулась.
Что ж ты назад не оглянулась?!

Елена ОСМИНКИНА

*Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.*

С. Есенин

Отчего-то лунность ночи
в русском сердце грусть рождает,
словно что-то нам пророчит,
прежде чем в рассветах тает.

И в серебряную реку
обронила верба где-то
слёзы, вновь (как в прошлом веке!)
вдохновив собой поэта.

И в таинственные луны
ворожит листва на клёне,
стоит ветру только дунуть
на зелёные ладони.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДОМ

*Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.*

С. Есенин

Потемнело облако над полем,
Высланным печальным ковылём.
В бедности, в сетях из старой боли
Одряхлевший деревенский дом.

Возведён был в радости когда-то,
А теперь от старости скрипит,
Почернел. Вихрастые ребята
Не украсят сиротливый быт.

Выросли, в столице дальней ныне —
Доживает век усталый дом,
Тишиной пропахший и полынью.
Дед сидит за маленьким окном.

Ртом щербатым усмехнулась доля:
Все вокруг — «в буржуи напролом»...
Выплакалось облако над полем
С шепчущим молитвы ковылём.

*Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.*

Сергей Есенин

А над степью синь без края
тянет, манит в глубь глаза,
где таятся лики рая
и сияют образа.

В белом облаке — как будто
строгий профиль и крыла,
и на горку тропка круто
за собою повела.

И, вбежав туда, вдыхаю
синь высот и белизну,
и шепчу, и в чём-то каюсь,
руки к небу протянув.

*Снова я вижу родную околицу,
Через метель — огонёк у окна.*

С. Есенин

По деревне гуляют ветер
И сибирский лихой мороз,
Тускло месяц горбатый светит
С горстью мелких промёрзших звёзд.

И застыл молоком из крынки
Снег повсюду, куда ни глянь:
Во дворах, на заборных спинках
И на крышах — поди, достань.

И мерцает во тьме округи
Робкий свет у пяти домов.
В деревеньке с названьем Луки
Не слышать молодых шагов.

Проживают февраль неспешно
Позабытые старики,
Затерялись в лесочке здешнем
Снегом вытканые деньки.

Никас Сафронов. Театр в женском облике

Никас Сафронов. Легкость бытия или Иллюзия танца. Х. м. 41 х 62, 2009

Никас Сафронов. Театральное представление с масками. х. м. 50 х 77. 2006

БЕЛЫЙ КРОЛИК

Когда попадаю в Петербург, всегда одержима. Одержима походами по улицам, музеям... Если умела бы ходить вертикально, была бы одержима походами по домам, по их фасадной стороне, и наслаждалась бы разглядыванием лепнин, мозаик, барельефов... И в окна тоже бы непременно...

Мне мало лет. Ещё Ленинград. Зима, но очень много солнца – повезло невероятно, удивительно, видно, за всё хорошее...

Моё второе посещение «колыбели Петра» ещё эмоциональней первого. Я – гость, ориентирующийся в пространстве... У меня маршрут, выбранный мною самостоятельно, и цель – стать актрисой: узнать, подышать, посмотреть, расспросить и поступить!

Мороз. Брожу пешком с утренней темноты. Мама нарядила меня немодно, некрасиво, но тепло, особенно голове – на ней белый «кролик». Тем не менее к 11 утра ходить было уже нечем и не на чем!

Угол Литейного и Невского. Рюмочная, или пельменная, или два в одном. Этому заведению соответствую во всём – и внешне, и внутренне, и финансово-морально! Перед входом упала. Это нормально. Я падаю. Кто не привык – того раздражает, кто привык – того веселит. Поставила галочку – и тут я валялась! Одно неприятно – мало того что одета, как бабка Гарпунья, так ещё и грязная! А приятно то, что соответствие человека месту приблизилось к совершенству.

Зашла. Не только месту, но и контингенту – никто и бровью не повёл. Скользко. Елки-палки, мрамор! Столики высокие, тепло – в углу пытит, трещит прапрадедушка нашего кондиционера. Витрина. Пельмени трёх сортов: с маслом, с майонезом, со сметаной. Бутербродики – съем и умру молодой!

Три интеллигентных старика именно их и кушают. Рискнуть? Нет! У них на столе прозрачный антидот в графине, да и мама говорила: «Не делай культа из еды». Настоящая ленинградская интеллигенция! И килечка на чёрненьком, и лимончик... Молодцы! Разговор о театре... Соседний столик пуст. Я – чай с лимоном, картошечку с селёдкой – компромиссное блюдо – и к ним... Приспособилась с подносом, «кролику» – уши наверх – положить или повесить бывшего зверя совершенно некуда. И слушать, слушать... Но прения о спектакле закончились. Воцарилась тишина. Старики чокнулись, но пить медлили, видимо, первая. А обсуждение – это сознательное оттягивание удовольствия. Ну не похмеляться же мы сюда пришли! Выпили... Закусывают... Молодцы!

И я ем с удовольствием – нагуляла аппетит, а чай суррогатный – гадость! В «кролике» жарко – лоб вспотел! Долбанный «кролик»! И зачем я всю осень просила у мамы белую шапочку?

Старики налили по второй. Маленький, в шапке из серого брата моего кролика, вдруг испугал тишину:

– Лидочка критиковать меня будет... – и опрокинул первым.

У меня – мурашки! Как сказал! Это же не «моя лохудра пасть разинет», а «Лидочка критиковать...». Сейчас расплачусь – суррогат подсолю... Жаль, не вижу его лица... Воссоздам образ по спине. Граф! Истинный князь, аристократ! Как же повезло Лидочке! Лидочка, дорогая, не критикуйте его, пожалуйста! Я его уже люблю! Но не претендую. Он ваш и только ваш! Он любит, ценит и уважает только вас! Я вам желаю умереть с ним в один день! Я и вас уже люблю! Почему я не ваша родственница?! Приехала бы с вокзала прямо к вам, а не к маминной подруге. И уже от вас пошла бы гулять по Ленинграду и любовалась бы им изнутри, а не как сейчас, снаружи. И если ходила бы вертикально, то первые окна, в которые я заглянула, были бы ваши...

– Как Лидочка? – спросил «красивый», стоящий напротив меня.

Пришлось переместиться левее, чтобы разглядеть его лицо. Говорили тихо, но я отчетливо слышала каждое слово – басистые, хорошо поставленные голоса.

– Ну что вы! Она удивительная!

Прелесть! Может, он не понял вопроса? Или понял? Если о здоровье, то ответ исчерпывающий, я его перевела как «борется». Если о профессии, то: «А вы в ней сомневаетесь?». Если об их отношениях, то: «Она моё всё!» Всё!

И чай-компот, и кролик душевный! Спасибо маме – не холодно, не жарко! А впереди ещё половина графина... Я приняла решение выйти отсюда с ними вместе. По домам вертикально похожу вечером, а в театральном люди учатся допоздна...

Выпили за Лидочку. Молчат. Закусывают и не подозревают, что я уже присоединилась к их компании. Буфетчица вышла из-за прилавка, подошла и поставила на стол «первое». Да, это их место!

– Спасибо, Галочка, драгоценная! – сказали почти хором. – Вы прекрасная женщина!

Почему я не Галочка?! И что за гадость я пью, и что за белый ужас у меня на голове?! Я говорила маме, что хочу быть буфетчицей!

Я люблю простые профессии. Я люблю сферу обслуживания! Это же общение, наблюдение, размышление – творчество! И перспектива личной жизни, при условии, что хороша собой... Но мама отговорила, убедила, навязала любовь к искусству. Как опытная, красивая и умная женщина, она была права, уловив подноготную моей тяги к простому – страшную нелюбовь к средней школе. Спасибо ей, но почему обязательно, если белая шапочка, то «кролик»?!

– Я маму похоронил. Три дня как, – произнёс «красивый» с еле уловимым намёком в голосе. – Удивительная история!

– Неужели?! – приятели вздохнули.

В этом «неужели» прозвучало сочувствие и уважение к некой «великой» маме, которая, как и моя, беспокоилась о своём престарелом, но ребёнке, заставляя его в холодную погоду надевать что-то ему вопиюще ненавистное. И ещё... Мне показалось, что у него нет семьи... Остался один... Ужас! И ещё что-то не то... Что-то не то в их манере общения. Что же? Да! Они на «вы» и по имени-отчеству! Невооружённым глазом видно, что эти люди знакомы давно, но... Степень уважения! Нельзя так красиво похмеляться! «Вы!» Уходящая эпоха! – кто вы?.. Вот бы знать!

– Удивительная история! Прощание было в морге. Пришли все... – Стал перечислять, попадались известные фамилии. – Отпевают... Я поодаль – не могу видеть маму в гробу. Ко мне подходят сначала «те»: «Милый вы наш, как же мама изменилась... Просто не узнать маму!..» Спросить, хуже или лучше мама стала, мне неудобно, сам же не видел... «Да нет, – говорю, – такая же мама...» Другие подходят, плачут. «Маму, – говорят, – не узнать! Мучилась, наверное, в последние дни?...» – «Да нет, – говорю, – слава Богу». Третьи: «Что смерть с людьми делает... Кто бы мог подумать?! Святая женщина! Так что же случилось?...» – «Да ничего, – говорю, – не случилось! Умерла мама, и всё...» – «Держитесь, наш дорогой, и знайте, что мы... всегда...»

Я ловлю себя на том, что смеюсь. И он улыбается. А его приятели, что спиной ко мне,

те – нет! У них спины трясутся. Стыд! Какой стыд! А слушать дальше невозможно! Он рассказывает историю маминых похорон как анекдот! Его голос, интонация, улыбка, наконец! Вот так нужно читать басню на вступительных! Интригуя слушателей, набирая темп, вести всё к концу, а затем выдать финал. Моя подруга рассказывала, как её дети хоронили рыбку. Её муж досмеялся до сердечного приступа. Дети со свечкой долго отпевали рыбку в ванной и убивались не по-детски! А когда она позвала их смотреть мультфильм, мгновенно спустили рыбку в унитаз...

Красивый продолжил... Я с подносом направились к столику «Грязная посуда». Спасительная вещь – самообслуживание! Суррогат оставила на столе, чтобы моё место не заняли. Возвращаясь, я увидела лица мужа Лидочки и третьего старика, который за время нашего завтрака ничем себя не проявил. Они беззвучно смеялись до слёз! Вернувшись к своему столику, я снова встретила взглядом с рассказчиком, который стал уже вещать и на мою территорию...

– Мамина подруга, тетя Лёля, ей, кажется, лет сто... подошла и сказала, что мамина прелесть в том, что она всегда была разная, а теперь её вообще не узнать!

Друзья «красивого» стали медленно стекать под стол.

– Мой ровесник Кира Н. (не разобрала фамилии), у которого когда-то, видимо, был роман с мамой, сказал: «Она, как всегда, глупо не похожа на себя». Тут я заинтересовался... Думаю, пойду посмотрю на маму. Встал в очередь. Все, кто от гроба отошли, ждут меня – хотят рассказать о чувствах к маме и о том, как она сильно изменилась. Люди идут и идут, я – последний всегда – пропускаю всех вперёд, почти все – дамы...

Наше трио от смеха плачет! Старики – в платки, я – в «кролика», сгอดился-таки зайчик!

– Удалось подойти к маме. Скорблю. Смотрю на маму, а это не мама! Абсолютно другая женщина – не мама! Что делать?.. Все, буквально все попрощались! Таинство свершилось. Её

всё равно запомнят такой, какой знали... Все смотрят на меня. Ну и я попрощался, с кем – не знаю, чтобы не подумали, что я не любил маму. Смелости всё же набрался... Подошёл к персоналу: «Простите, любезнейшая, а где же моя мама?..»

Чем всё закончилось – не знаю! Стою на улице – смеюсь в голос. Мама, дорогая! Живи всегда и не меняйся никогда, слышишь!

В театральных институтах люди учатся вечно, бесконечно... В прямом и переносном смысле! Время – шесть часов вечера, тишина, все на занятиях. Вахтёр – любимая профессия, простая. Я к нему:

– Кто набирает, когда?

– В учебную часть нужно, но там уже никого. Приходите завтра.

Нет! Я не бабка Гарпунья, я – Фрося Бурлакова. «Кролика» держу в руках – как же без него хорошо!

По центральной лестнице кто-то спускается... Пожилой человек. Подхожу... Холодею! «Красивый!» Чуть не сорвалось: «Вы маму-то нашли?!» Оробела. А он в гардероб – пальто взял и... Даже «кролика» надеть не успела, чтобы узнать! Бегу к гардеробщику:

– Кто это?

– Это?

– Да, кто он, кто?

– Вообще-то он здесь не работает...

– Вы его знаете? Кто он?

– Он, деточка, сын Михал Михалыча Зощенко!

Всё встало на свои места: и жизнь, и слёзы, и любовь! Только таким нелепым образом жена великого сатирика могла уйти из жизни, и только таким нелепым образом их общий сын мог рассказать эту трагическую историю!

Северный ветер Московского вокзала сбил с ног. Где мой «кролик»? Нет «кролика»! Остался на гардеробной стойке... Ну и бог с ним! Значит, ещё вернусь! Не вернулась. Поступила в Москве. Шапка... вроде вещь, но и у неё есть судьба! Мой белый «кролик» слушает голоса ленинградских педагогов, а я – московских. Учимся параллельно!

НАЙДЁНЫШИ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «НИКИТКА»

По деревенской улице мимо разрушенных и сожжённых домов шли два мальчика трёх с половиной – четырёх лет. Оба были одеты в ватники, подвязанные рваными платками. Около полуразрушенной избы они остановились, и один из них сказал:

– Андрюшка, давай зайдём, может, что найдём покушать.

– Идём, Ника. Я устал и спать хочу.

Они, оглядываясь, зашли в полуразрушенный, обгоревший дом.

У большой печки стоял стол, а на нём лежала зачерствевшая краюха чернушки и стояло маленькое блюдце с солью. Никитка попытался разломить эту краюху.

– Я сейчас, – сказал он брату и пошёл в сени в надежде найти какой-либо твёрдый предмет, которым можно было бы разбить на куски зачерствевший старый хлеб. В сенях он нашёл железяку и банку с компотом. Видно, жильцы, покидая этот дом, не смогли забрать с собой всё.

Никитка вернулся к столу, взял кусок чёрствого хлеба и резким ударом разбил сухую чернушку на несколько кусочков.

– Андрюшка, поищи кружки. Во, компот нашёл.

Андрюшка соскочил со скамейки и побежал в сени, откуда недавно вышел брат с трофеем. Он пошарил глазами по полкам, залез в кухонный шкаф и закричал радостно:

– Никитка, нашёл, нашёл! – вернулся в комнату и поставил небольшие жестяные кружки на стол.

Мальчики молча поели, что послала им судьба, и полезли на печь. Усталость брала своё, и они быстро уснули.

Их разбудил громкий говор мужчин и женщин. Женский голос говорил:

– Видела, товарищ майор, двух сорванцов, которые залезли сюда. Я не знаю их. Раньше их здесь не было.

– Сержант, осторожно обыщите дом и найдите пацанов. Надо их спасать.

– Есть, – ответил сержант и принялся обследовать все углы.

Искать пришлось недолго.

– Нашёл, товарищ майор. Они на печи спали.

– Выводи наружу. Сейчас «козлик» подъедет, отвезём их в приют.

Когда подъехала машина, которую майор назвал почему-то «козлик», сержант стоял с двумя пацанами, держа их за руки. Лица у них были в грязи и в саже, но родство этих бездомных мальчишек не вызывало сомнения.

Из «козлика» выскочила капитан медслужбы.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? Капитан медслужбы Найдёнова, – представилась она. – Где ваши найдёныши?

– Найдёнова за найдёнышами прибыла, – усмехнулся капитан. – Прекрасный каламбур родился. Надо записать. Да вон, около избы с сержантом стоят, сиротинки. Куда вы их отвезёте?

– Отсюда – на Новогрудок, а потом в Лиду. Ну, идёмте посмотрим на ваших пацанов, – сказала капитан Найдёнова.

Они подошли к сержанту. Мальчики стояли рядом с ним. Женщина присела на корточки и стала разглядывать мальчиков.

– Как тебя зовут? – спросила она одного из них.

– Никитка, – не смущаясь, ответил стоящий с сержантом пацан.

– А тебя? – обратилась капитан ко второму мальчику.

– Я Андрюшка, – улыбнувшись, ответил мальчик.

– А где ваши папа и мама? – поинтересовалась она.

– Не знаем, – ответили вместе Никитка и Андрюшка. – Мы прятались, когда дядьки в дом бомбы кидали. Мы давно одни ходим. Нам тётя, где мы были, сказала: «Идите, сиротинки. Может, примет кто, я уже старая, не смогу помочь вам».

У капитана на глаза навернулись слёзы. Она смахнула их и, через силу улыбаясь, сказала:

– Вон стоит маленькая машинка. Вы поедете на такой, только с красным крестиком.

НИКАС (Николай Герасимов)

Поэт, писатель, публицист, художник, член-корреспондент Академии науки и искусств, Академии поэзии России, член МАПП, Международного союза писателей и журналистов России, Союза сельских писателей Литвы. Вице-президент РО МАПП в Беларуси. Официальный представитель РО МАПП в Беларуси, член Международного союза писателей им. Святых Кирилла и Мефодия (Болгария).

Печатался в республиканских, российских сборниках и литературных изданиях. Издал сборники стихов, повести и книгу «Легенды о ВКЛ», за что получил диплом конкурса «Золотое перо Руси». Участник международных фестивалей духовной поэзии «Покрова» в Каунасе. Участвовал в художественных выставках Литвы, Беларуси, России. Автор десяти книг поэзии и прозы. Печатался в международных альманахах, изданиях России, Беларуси, Литвы. Автор проекта и главный редактор Международного альманаха «Созвездие» (Беларусь). Создатель гильдии литераторов и художников Vingis, а также Международного четырёхязычного альманаха Vingis («извилины, поворот») в Литве (Вильнюс).

– На машинке! На машинке! – закричал Андрюшка, но Никитка его одёрнул:

– Не кричи. Раз надо, поедем.

Ждать пришлось недолго. Шустро подкатил армейский «козлик». Из него выскочил молодой лейтенант со «змеяками» в петлицах. Он подбежал к офицерам и представился:

– Лейтенант Козлов прибыл.

– Козлов на «козлике» примчался, – скалабурил майор. – Вот и второй каламбур родился, – улыбнулся он. – Вот что, лейтенант Козлов, доверяем вам драгоценный груз – этих мальчишек, которые, когда подрастут, заменят нас с тобой в вооружённых силах. Понял? Вези их в Ново-грудскую комендатуру к подполковнику Соснину.

– Есть! Разрешите выполнять?

– Он разберётся, что к чему. Да, вот и бумаги ему передашь, – сказал майор.

«Козлик» рванул с места и покатил по дороге, забитой пехотинцами и техникой. Изредка где-то вдалеке раздавались выстрелы и слышался гул летящих самолётов.

Путь был неблизкий, поэтому мальчишки быстро уснули и не чувствовали колдобин, оставшихся от взрывов. Лейтенант прикрыл их шинелью водителя, чтобы не продуло в дороге. Через час «козлик» остановился у Ново-грудской комендатуры. Спрыгнув на землю, лейтенант вбежал по ступенькам, открыл дверь и пропал за ней. Вернулся через несколько минут.

– Ну что, орёлики! – весело воскликнул лейтенант. – Пойдём оформляться. Заводи, – обратился он к водителю и назвал улицу и дом.

Теперь уже ехали недолго. Когда подъехали к небольшому крыльцу деревянного дома, возле него уже стояли две женщины и часовой.

Лейтенант спрыгнул с машины и, поздоровавшись с женщинами и поприветствовав часового, пропал внутри дома. Ждать пришлось недолго. Андрюшка и Никитка с любопытством оглядывались вокруг, сидя на заднем сиденье «козлика». Перед ними стоял одноэтажный деревянный дом. Остеклённое крыльцо находилось с торца дома. Сам дом был длинный, похожий на барак, но изнутри слышны были детские звонкие голоса.

– Вот и приехали, ребята, – весело сказал лейтенант. – Здесь вы будете жить, пока не решится дальнейшая ваша судьба. А это ваша мама Клава, – показал он рукой на женщину, которая вышла вместе с лейтенантом.

На крыльцо вышла ещё одна женщина, нянечка, и повела мальчиков в дом. Их завели в белую комнату, помогли раздеться, снятую одежду сразу же куда-то унесли. Пришла ещё одна нянечка, которая сказала, что её зовут тётя Катя. Мальчики увидели большие тазы, около которых стояли ведра с водой. Из одного ведра шёл пар. Тётя Катя сказала, чтобы мальчики стояли спокойно.

– А что в этом ведре? – спросил Андрюшка.

– А там очень горячая вода. Не зацепите его.

Мальчиков подстригли наголо, а потом отмыли от грязи, одели в пахнущую хозяйственным мылом одежду и повели в одну из комнат, откуда раздавались детские голоса и смех.

Когда тётя Катя открыла дверь в комнату и вошла с братьями, дети перестали играть и повернулись к вошедшим.

– Вот, дети, я привела к вам братишек. Их зовут Андрюшка и Никитка.

Дети подошли поближе и стали разглядывать вновь пришедших братьев.

– О, они одинаковые! – вдруг воскликнул Вовчик, самый взрослый мальчик.

– Да, они братишки-близняшки, – ответила на вопрос тётя Катя. – Принимайте их в свои группки и играйте.

Братья очень быстро влились в семью таких же, как и они, сирот. Андрюшка больше водился с девочками, а Никитка своей смышлённостью завоевал авторитет у сверстников.

На следующий день няня привела братьев к маме Клаве.

– Мальчики, расскажите, где вы были, где ходили, пока вас не нашли дяди военные? Только по одному, хорошо?

– Мы, – начал Андрейка, – играли за хлевом.

– Где стояла наша корова, – вставил слово Никитка.

– Пришли дядьки с автоматами, кидали бомбы и стреляли. Одна бомба упала в дом, а вторая рядом.

– Половину амбара разрушила, и он стал гореть. Мы лежали за сараем, а потом побежали, когда дядьки ушли.

– Когда амбар горел, там сгорела и корова, – вставил слово Никитка.

– А где ваши мама с папой? – спросила мама Клава.

– Мама была в хате, а татка на войне, – сказал Никитка.

– А фамилию вы помните свою? – задала вопрос мама Клава.

– Ласимовичи, – дружно ответили Никитка и Андрейка (*мальчики не выговаривали некоторые буквы, поэтому фамилию было трудно разобрать.* – **Авт.**).

Мама Клава что-то писала в своём журнале. За её улыбочивой внешностью пряталось сострадание к этим сиротам.

«Хорошо, что сами не погибли, не успев пожить, – подумала Клавдия Ивановна, заведующая Новогрудским детским приютом-распределителем. Уже скольких мальчишек и девчонок привезли бойцы отдельного подразделения сюда, в распределитель для детей-сирот. – Государство думает о подрастающем поколении. Им строить будущее после ужасной войны».

Когда все записи были готовы, она позвала няню, и ребят отвели в общую комнату к детям.

Лето 1948 года выдалось очень жарким. Страдали и взрослые, и дети. Их обливали водой из шланга с самодельной насадкой-сеточкой, сделанной дедом Фёдором.

В помещении было душно, поэтому воспитатели с детьми были на воздухе под навесом, который сделал тот же дед Фёдор – сторож, истопник, дворник в одном лице.

Вечер долго не хотел занимать свои позиции, но уставшая от игр и жары детвора после вечернего ужина уже клевала носом. По команде воспитательницы Нины Ивановны все направились в спальню. Расстелили свои постельки, разделись и легли в кровати. Кто-то лежал поверх простыни, не накрываясь, кто-то – укрывшись. Но долго не мог так лежать и сбрасывал простыню. Жара не спадала.

– Быть большой грозе, – сказала нянечка тётя Варя. – Александра Васильевна, – обрати-

лась она к докторше, – может, принести в тазике холодной водички, чтобы освежать личики детишек, если кому-то станет плохо?

– Обязательно принесите. Я поставлю к этой кровати табуретку. Сюда и поставите таз с водой, да, и полотенце не забудьте.

Через несколько минут няня принесла тазик с водой и вафельное полотенце. На небе появились тучи, которые сгущались, неумолимо приближались. Потянуло ветерком, стало немного прохладнее.

– Слава Богу, – перекрестившись, промолвила няня Варя. – Жара спадёт, и будет легче.

Ветер усиливался. Небо медленно затягивалось серыми тучами. За ними ползли тёмно-серые, а следом – чёрные. К одиннадцати часам до полудня небо полностью заволокло тучами, и слышались отдалённые перекаты грома, сопровождаемые всполохами. Медленно и верно эти всполохи приближались. Няня кинулась закрывать распахнутые створки окон. Она обошла все кровати, в которых спали дети. Старшему было лет пять, остальным – от трёх лет и больше. Среди них были и Никитка с Андрюшкой, которым весной исполнилось по четыре годика. Первые раскаты недалёкого грома после яркой вспышки молнии пробились сквозь шторы. За ним сразу последовала следующая вспышка – одна, другая, третья... Никитка и Андрюшка сели в кроватках и, не сговариваясь, вскочили, бросились к двери, открыли её и побежали, ища место, где можно было бы спрятаться. Андрюшка заметил небольшую дверь и, открыв её, ринулся вглубь. Никитка последовал за ним. Это оказался чулан, где хранились тазики, санки и старые игрушки. Мальчики забились в угол и, обнявшись, сели на санки. Даже в чулане был слышен раскат грома. И вдруг он прогремел очень сильно, как будто рядом взорвалась бомба. Испуганные братья сжались и заплакали.

– Это была бомба? – дрожащими губами сквозь плач спросил Андрюшка.

– Не-е-е знаю, – дрожащим шёпотом ответил ему Никитка.

Они ещё крепче прижались друг к другу. Прогремел ещё один раскат грома. Они

со страхом пригнулись. Дом затрясло от этого громового удара. Было ощущение, что он развалится на щепки, но ничего, выдержал. Ещё несколько раз трясло дом, но вскоре грохот стал тише и замер вдали. От пережитого, прижавшись друг к другу, братья мгновенно уснули.

Сразу же после сильной грозы в спальню прибежала няня Варя. Она обвела взглядом лежащих, свернувшихся в комочек детей и обнаружила отсутствие двоих. Она побежала к заведующей.

– Клавдия Ивановна, Андрюшка и Никитка пропали! Их нет в кроватках!

– Варя, не кричи, объясни, что случилось.

– Близнецы пропали, – плача говорила няня.

– А ты пробовала их искать? Может быть, они под кроватью спрятались? Идём, вместе поищем.

Выйдя из кабинета, женщины пошли по коридору.

Прошло полгода. Однажды в холодный зимний день в комнату, где играли дети, зашла няня Варя. Она позвала к себе братьев и повела их с собой. Они подошли к комнате с красивой дверью. Няня Варя постучала и вошла с мальчиками. За столом сидел дядя в военной форме. Он посмотрел на братьев, потом на бумагу, которая лежала перед ним. Братишки робко стояли, прижавшись друг к другу. Рядом с военным дядей стояла мама Клава. Она улыбалась:

– Можно, чтобы ребята поехали в хороший детский дом в Лиде? – спросила она.

Военный кивнул.

– Ребятки, вы поедете с этим дядей военным в другой город. Ведите себя там хорошо, не балуйтесь, чтобы вас не наказывали за шалости. Договорились?

Мальчиков одели в тёплые пальтишки, укутали платками и повели к большой машине со стёклами.

– Вот на этом автобусе мы поедem в город Лиду, – сказал дядя военный. Он шёл хромая и держал мальчиков за руки. Няня Варя принесла к автобусу два небольших узла. Шофёр принял их, а затем и самих мальчиков. Военный сел рядом с шофёром, а ребята устроились у окна.

Перед ними открывался новый мир, ждали новые друзья.

Автобус после трёхчасового пути, скрипя тормозами, остановился около двухэтажного кирпичного дома. Военный дядя помог мальчикам выпрыгнуть из автобуса, взял за ручки, и все пошли к дверям дома. Войдя, они по лестнице поднялись на второй этаж и подошли к белой двери с табличкой. Постучав в дверь, военный, оставив мальчиков в коридоре, вошёл в кабинет. Он пробыл там совсем недолго. Дверь открылась, и вместе с военным вышла полная тётя. Она, улыбаясь, присела перед мальчиками и сказала:

– Здравствуйте, братишки. А как вас зовут?

– Андрюшка, Никитка! – одновременно закричали мальчики.

– Тише и по одному.

– Я Андрюшка.

– А я Никитка.

– А сколько вам лет?

– Наверно, три и половина, – показал растопыренные пальчики Никитка.

– А вы знаете, когда вы родились? Было тепло или очень холодно? – спросила полная тётя.

– Был снег, солнышко, говорила баба, и лужи текли. Мама говорила, что весна.

– Тётя, а мы здесь будем жить?

– Да, ребятишки, вы здесь будете жить, а я буду у вас главная мама. А у меня есть помощницы: воспитательницы и нянечки. Они все добрые. И ребята у нас хорошие, не любят драться. А вы любите драться?

– Нет, мы не умеем, – в один голос опять ответили братья.

– Вот и хорошо, – продолжая улыбаться, сказала главная мама. – Сейчас придёт нянечка, и вы пойдёте в группу, где познакомитесь с ребятами, которые будут вам братишками и сестрёнками.

Как только Андрейка и Никитка вошли в большую светлую комнату, ребята бросили свои важные дела и подошли к братьям. Знакомство было недолгим, и дети разбрелись по своим делам, продолжая игры. В них включились и Андрюшка с Никиткой.

Прошло несколько месяцев. Дети занимались не только своими делами, но и тем, чему

учили их тётки-воспитательницы. Ребята готовили игрушки на ёлку к Новому году.

В комнатах было тепло. За этим следил дедушка Федот. У него была борода с проседью, тулуп и шапка-треух, которая никогда не была завязана. Он носил охапки дров, ронял их, что-то бурчал под нос. К нему бросались мальчишки и старались схватить дрова и принести к печке. Когда печка была наполнена дровами и дед подносил спичку, мальчишки с восторгом глядели на огонь, начинающий свою пляску. Но дед закрывал дверцу и фиксировал её. Няня разгоняла любопытных по углам, и занятия, игры продолжались до следующего появления деда.

Перед Новым годом дед Федот занёс в большую комнату огромную ёлку. Она была ещё в снегу, который от тепла быстро таял, оставляя на полу лужи.

Детвора радостно кричала, прыгала. Никитка и Андрюшка стояли в стороне. Они не понимали этого радостного состояния. Они никогда не видели новогодней ёлки и ничего не знали о Новом годе.

Прошло ещё несколько дней, и в приюте стали говорить о том, что будут стричь мальчиков и проверять волосы у девочек на гниды. Вот и наступил этот день, когда дяди и тётки в белых халатах стали готовить мальчиков и девочек. Для мальчиков принесли старое кресло, на подлокотники положили доску, накрыли белым полотенцем. Всех мальчиков построили в ряд – очередь. У девочек происходило то же самое. У них тётенька в белом халате проверяла волосы, расчёсывала и смазывала какой-то вонючей жидкостью.

У мальчишек были свои заморочки. Всех, кто садился на стул при помощи дяди, накрывали белой простынёй. Оставалась только голова. Сначала всё было спокойно. Потом мальчики стали морщиться. Когда очередь дошла до братьев, Андрюшки и Никитки, они стали кричать и плакать. Воспитательницы как могли успокаивали мальчиков. Никитка стоял впереди брата. Ему помогли сесть на доску. Накинули простыню. Дядя прожёл огнём ручную машинку для стрижки, подул на неё и стал стричь. С первых проходов Никитке было неприятно чувствовать боль от вырываемых волос. Он терпел. Когда стрижка

практически подходила к концу, он вдруг вскочил и с размаху влепил дядьке в глаз.

Тот взвыл, схватился за ударенное место и стал оседать на пол. Никитка соскочил со стула и ещё раз ударил мастера. Его лицо было искривлено злобой. Мастер от боли и обиды стал что-то кричать. Из бессвязных и незнакомых для детей слов все поняли его слова:

– У-у, сволочи безродные...

Услышав такое, мальчишки какое-то мгновение стояли как вкопанные. Вдруг Никитка рванул к этому дядьке и стал снова молотить его своими маленькими, но крепкими ручонками. К нему присоединились другие мальчишки. Воспитательницы пытались оттащить мальчиков, но это было бесполезно. Только дед Федот смог очень быстро охладить мальчишеский пыл. Он принёс ведро воды и вылил в эту кучу-малу. Мокрые ребята быстро разбежались в разные стороны. Мокрому и избитому мастеру помогли подняться, и дед Федот, бурча, велел горе-парикмахеру побыстрее убираться. На следующий день приехал другой мастер, который быстро подстриг оставшихся. Он много шутил и уехал провожаемый добрыми взглядами, дети помахали ему ручками, которые могут быть и прекрасным оружием для защиты. Прошла пара дней, и дети, загруженные подготовкой к Новому году, забыли о произошедшем.

Новый год! Каким он сказочным был тогда! Светлая, тёплая большая комната. Сверкающая ёлка, украшенная самодельными игрушками. Встреча Деда Мороза. (Снегурки тогда ещё не было.) Праздничный стол. Это был первый радостный праздник для приютских детей и для Никитки с Андрюшкой.

Прошло несколько месяцев. В приют стали приезжать какие-то тётки и дяди. Они смотрели на ребят, улыбались, привозили вкусности. Потом стало уменьшаться количество детей. Но они это не очень замечали. Иногда кто-то спрашивал:

– Мама Галя, а где Миша?

– Он поехал в больницу. У него болит животик.

Тем и заканчивались вопросы.

Однажды проснувшись, Никитка не увидел на соседней кровати брата. Он заплакал и стал кричать:

– Где Андрюшка-а-а-а?! Где Андрюшка-а-а-а-а-а?!

Прибежала нянечка и стала успокаивать Никитку:

– У Андрюшки разболелся сильно животик, и его отвезли в больничку. Не плачь. Он поправится и приедет.

Пришёл апрель. Свисавшие с крыш сосульки начали таять. Солнышко пригревало. Детей чаще стали выводить на улицу. В небе зазвенели птичьи трели, почки набухли и готовы были вот-вот раскрыться. Дети в одинаковых пальтишках играли, не доставляя хлопот нянечкам и воспитателям. Никитка играл отдельно, но играть одному ему совсем не хотелось. Он бросил своё занятие и подошёл к воспитательнице.

– Мама Галя, а когда приедет Андрюшка? – спросил он, глядя ей в глаза.

– А Андрюшки уже нет, Никитушка.

– Почему нет? Где он? – вдруг взвился Никитка. Он двумя ручонками схватился за рукав воспитательницы и заревел.

Мама Галя освободилась от цепких ручек мальчика, прижала его к себе и сказала тихо, чтобы слышал только он:

– Понимаешь, Никитка, твоего братика больше нет. Он умер. Успокойся. Вы долго голодали, были простужены. Это сказалося на его здоровье, понимаешь? Он сильно заболел, так что ты остался жить за себя и за Андрюшку. Понял? Будь молодцом, успокойся.

Через несколько дней, когда дети обедали, мама Галя вдруг сказала громко:

– Ребята, сегодня у вашего братика Никитки день рождения. Давайте вместе поздравим его.

Дети повскакали со своих мест и подбежали к столу, за которым сидел Никитка. Его стали обнимать, кое-кто из девочек поцеловал его. Перед полдником мама Галя собрала детей в хоровод, а именинника поставили в центр.

На Никиткин день рождения

Испекли мы каравай

Вот такой вышины,

Вот такой ширины.

Каравай, каравай,

Кого хочешь выбирай...

Игра в каравай продолжалась, пока не накрыли на стол. Полдник был праздничным. На тарелочках лежали печеньки, конфетки и яблоко – сочное, румяное. В кружках было молоко. После полдника детей одели и вывели на улицу. Солнце пригревало. Никитка как-то стал забывать об Андрюшке, успокоился, свыкся с мыслью, что братика больше нет...

Подходило к концу лето. На улице было тепло. В один из таких тёплых дней, когда дети были ещё в помещении, к ним в комнату зашла главная мама и тётя с дядей офицером. Сидевший в сторонке Никитка посмотрел на вошедших, бросился к военному с криком:

– Мой татка приехал, татка приехал. Таточка, заberi меня с собой!

Офицер подхватил Никитку на руки, крепко прижал к себе и сказал:

– Ну вот, сынок, я тебя нашёл. Заберу, обязательно заберу, и мы уедем с тобой. Ты немного потерпи, через недельку мы заберём тебя.

Все дети стояли в стороне и с завистью смотрели на Никитку.

Дни тянулись очень медленно. Наконец нянечка отвела его в кабинет главной мамы. За столом сидел знакомый офицер и рядом с ним – красивая темноволосая тётя.

– Вот, – сказала главная мама, – это твои мама и папа.

Она не успела договорить, как Никитка освободился от руки няни и бросился в объятия офицера с криком:

– Таточка, ты приехал за мной?

– Да, сына, мы приехали за тобой.

Офицер и красивая женщина подошли к столу, подписали какие-то бумаги, взяли за руки Никитку и уже приготовленный маленький чемоданчик и пошли к двери. Он в последний раз оглянулся, увидел улыбающиеся лица главной мамы и мамы Веры и подбежал к воспитателям. Поцеловал их и вернулся к новым родителям. У дверей дома, где Никитка прожил полтора года, стояла чёрная машина. Папа открыл дверцу, впуская мальчика, подождал, пока сядет новая мама, сел сам, и машина тронулась. У мальчика начиналась новая жизнь.

Ольга ДАРАНОВА

Поэт, член Союза писателей России, председатель правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

Родилась и живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова, историко-филологический факультет. С 1980 года работает в Ульяновской областной научной библиотеке. Учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В. И. Ленина, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия, заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Финалист Всероссийской премии «Чеховский дар» (2010), победитель Международного конкурса поэтической декламации «О, сто моих колец: посвящение Марине Цветаевой» (2017), финалист VIII Международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2023).

Публикации в разных журналах. Вышла в свет книга стихов и малой прозы «Флейта осени» (2018).

Моя пора

ПОКРОВ

Моя пора! Октябрь мерцает
Опалом пёстрых, гулких дней.
В лесу тропинка всё видней,
А позолота угасает...

Фламандским бархатом свисая,
Листва укрыла спуск Венца.
Заволжским далям нет конца,
И так прекрасна жизнь земная!

Все чувства сдержанны, и счастье
В груди теснится со слезой...
Мне этой влажною порой
Приятно и само ненастье!

Защита нам земля, и небо,
И всё, что в этом мире сущно,
Пусть сбережётся в дне грядущем,
Пусть светом будет, будет хлебом...

Каштан сорит созревшим плодом,
Рябина слаще и красней,
Дни кратки, ночи всё длинней...
И мы готовимся к исходу

Осенних дней, ноябрь встречая.
И Божья Мать омофором
Над волжским благодным простором
Добро сокроет, сберегая.

ПОЛЁТ

Октябрь последний лист роняет
В поклон седому ноябрю.
Закат прошила птичья стая,
Опередившая зарю.
Летит! С надеждой возвращенья
В свои нежаркие края.
Здесь родина как исцеленье.
Неяркая. Одна. Своя.
Не так ли мы? Тем коридором
Между началом и венцом
Летим, восторг впитавши взором,
И падаем, уже слепцом...
Слежу грачиную мерешку
По кромке гаснувшего дня
И дум осеннюю тележку
Пущу с откоса, не храня.
Рedeют птичьи караваны,

Чернеет обнажённый лес.
Зимы глухие барабаны
Звучат с остуженных небес.
Ноябрь, какой ты? Снежной лаской
На всякий случай шлешь привет,
Чтоб не забыли белой краски,
Чтоб сквозь сиротство брезжил свет!
И эта немощная нега
Вдруг страстно к жизни позовёт...
И новорожденного снега
Случится утренний полёт!

ОСЕННЕЕ

Смотрю на осень... Вот она, пирует!
Возьми, художник, кисть, и обмакни
В её дерев расцвеченные струи,
И холст над горним миром подними.

Люблю не золото, а хрупкую прозрачность,
Сквозь редкий лист белеющую даль,
И зрелой осени немую многозначность,
И лёгкую, щемящую печаль...

Я слышу, чувствую её дыханье,
Прикосновенье влаги октября,
И птиц отлёт, их шумное прощанье,
И пёрышек дрожанье воробья...

Смотрю на осень, слышу птичью стаю,
Я вместе с ними на одном крыле!
И чувствую, как сердцем прикипаю
К моей рождением избранной земле.

Звучит, звучит осенняя валторна!
Не знаю, знак ли это, голос ли?
Господь бросает дождевые зёрна,
Чтобы любовью вешней проросли.

ЕЁ ТАРУСА

Ты любила рябину – и платье,
Алым-алое, подлинно – кровь.
Выделялась неженскою статью,
Дерзко выгнув упрямую бровь.

Сколько стрел тебе метили в спину!
Разобраться б, кто враг, а кто друг...
...В пальцах вновь зажимает Марина
Деревянный потёртый мундштук.

В клубах дыма задумчивый профиль,
Руки глухо звенят серебром,
Боль рождённых стихов, горький кофе,
И одна среди всех – напролом.

Разлетелись, как по полу бусы,
Твои дни в разорённой стране.
Лишь в родной, не предавшей Тарусе
Свет рябиновый светит в окне.

Помнишь игры под старою ивой?
Ты и Ася, и солнечный день...
На балкончике прятали сливы...
А с балкончика – прямо в сирень!

Было столько сокрыто желаний
В тайной пристани трепетных век...
Ледяной чередой расставаний
Отзовётся тревожный твой век.

Мир ещё – только тайны, загадки,
Первый всполох мятежной крови...
Здесь на краешке узкой кровати –
Тени детства и тени любви.

В свой последний приезд на пригорок
Попрощаться с родною Окой
Вышла ты. Как же памятен, дорог
Край, куда прислонилась душой!

Здесь лишь камень тебе, не могила,
И такая уютность ветвей!..
Это взгорье тебя окружило
Материнской любовью своей.

Пахнет дальним кострищем и сеном
В «доме Тью» тени бывших грустят...
Над Окой поминальным рефреном
Журавли ровным клином летят.

* * *

Моя Родина в ноябре...
Моя Родина в той поре,
Когда ночь нестерпимо длится,
И луна за окном, и птица
Молча грезят о майском дне...
Моя Родина в ноябре...

Ей и плачется, и грустит.
Дни летят, как гусей вереницы,
Нужен Родине оберег,
Божья помощь и белый снег...
И носки завершают спицы,
Чтобы снова кудели длиться,

Чтоб согрет был в окопе дальнем
Мальчик в возрасте минимальном.
Потому что он Родине – брат,
Потому что он – сын, солдат.
Греет руки ему письмо,
Греет тёмною ночью окно.

Далеко, но оно – горит,
И за ним его мать не спит.
Моей Родины труден путь,
Потому что нельзя свернуть,
Потому что у слова «честь»
Лишь в России прописка есть.

Но придёт и любовь, и снег.
А за снегом – и новый век,
И на круги своя вернётся
Всё, что жизнью вновь назовётся.
Дом, деревья, родня, страна,
Оглушительная тишина...
Будут музыкой наши сны,
Без потерь и дорог войны.

* * *

Как передать свою жалость негромкую
К этой объятай страданьем земле?
С чем мне сравнить эту линию ломкую
Птицы, летящей на рваном крыле?
Мне б отогреть эту сирую рожицу,
Вдруг потерявшую малых птенцов,
И поднести эту горькую рожь к лицу,
Чтобы почувствовать правду отцов.
Как разглядеть сквозь туманы знобящие
Загнанный в непогоду солнечный луч?
Веровать с теми, кто «с верой обряцете...»,
Не содрогнуться под натиском туч?
Знаю, что ты мне поможешь, ненастная,
Но до кровинки родная земля.
Ты и в ненастье останешься ясная,
Родина. Будешь ты – буду и я!

Пространство жизни

Анатолий АРЕСТОВ

БАБУШКИН СОВЕТ

Выбежать в поле родное цветочное,
Бросить гнетущие мысли ветрам,
Жажду унять бесподобной проточною,
Свежей водой родника по утрам.

Горестно что-то в душе очерстневшей,
Грани надежды сточили часы.
Вот голова обросла поседевшим
Волосом редким. Движеньё косы

Режет полоску зелёного замша,
Сочно хрустит, погибая, трава.
Красное солнце заходится яшмой
В огненном небе. Бабуля права!

«Ветрено будет! – всегда говорила. –
Может, нагонит косые дожди.
Слушай приметы! Народная сила
В них, окаянных... Ещё подожди,

Вам предстоит тяжелейшая доля.
Главное, не было чтобы войны...
Бегай пока, пострелёнок, по полю,
Бегай да прыгай... Не нужно войны».

БЕЗОТВЕТНОЕ

Ветер уносит измучивший жар
Вечером, где-то часам к десяти.
Крутится наш замечательный шар
В долгом-предолгом тернистом пути.

Новый маршрут не доступен Земле –
Радует это! Иначе – конец!
Либо сварились в кипящем котле,
Либо замёрзли... Какой молодец

Этот подрядчик, построивший дом
Для миллиардов голодных зевак!
«Что ожидает в грядущем? Потом?» –
Смотришь на звёзды, зевая в кулак...

ВЕРНОСТЬ НЕБУ

По сонному небу плывут облака
В далёкие земли забытой страны,
Где поле пшеничное будут ласкать
С колосьями спелыми. Небу верны

Останутся впредь до осеннего дня
С дрожащим испугом рассветных огней.
И осенью тянется к небу стерня,
И небо осеннее тянется к ней.

ЗАРОК

Становится хмурой прозрачная высь,
И ласточки ниже летают,
И где-то на небе написано «Жизнь»,
Но люди об этом не знают.

Сменяют личины, глядят в никуда,
Друг друга порой презирают,
А с неба бежит, освящая, вода,
Но люди наверх не взируют –

Боятся увидеть чистейшую даль,
Омыться, отринув пороки.
И небу святому поистине жаль,
Что люди скупают зарок...

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Угасала с рассветом
Звёздная пыль,
На пригорке согретом
Просыпался ковыль –

Не расчёсаны пряди
Белокурых волос.
«Да чего это ради?» –
Задавал он вопрос.

Разбуйнится ветер,
Замотает ковыль,
И собьётся при свете
Звёздная пыль –

Упадёт на пригорке,
Прорастёт в те места,
И в небесной сторонке
Засияет звезда.

РУБЩИКИ

Ропот деревьев разносится эхом
В тёмном лесу, отягчённом бедой, –
Вырубил просеку с радостным смехом
Наглый товарищ блестящей пилой!

– Вот древесина! Она деловая!
Вот древесина! Пойдёт за рубли
В южный Китай на какие-то сваи...
Разница нам! Заказали? Руби!

Ропот деревьев разносится эхом
В тёмном лесу, отягчённом бедой, –
Вырубил просеку с радостным смехом
Наглый товарищ блестящей пилой...

СИРЕНЕВАЯ КОРОВА

Сирень распустилась, сирень разрослась
На сопке зелёной вдали за деревней.
На майское утро корова паслась,
Мыча с удовольствием (не было слепней!).

Мычала корова, довольная лугом,
Мычала корова в прохладных лугах,
И звёздное небо становится другом,
И звёздное небо висит на рогах,

Качаясь в росинках, осевших туманом,
В сирень направляя коровьи рога
Чесаться об ветки, не зная обмана!
Великим соблазном потешить бока!

Бежала корова, кусты подминая,
Сиреневый цвет разукрасил бока!
Корова счастливая утречком мая
Довольно мычала. Блестели рога.

Валерий РУМЯНЦЕВ

* * *

Отбросив путы суеты,
Дни убегают всё быстрее.
Забыты прежние мечты,
И трубка разума не тлеет.

Болтаюсь в океане чувств,
Как щепка в штиль, и жажду бури.
Она умчит сомнений груз
И трубку молнией прикурит.

Тогда сквозь разума дымок
Увижу будущие дали,
Где всё, что в жизни я не смог,
Другим для воплощенья дали.

И кто-то там, в грядущих днях,
Сумеет жизнь вдохнуть в идеи,
Что зрели в наших головах,
Но распусться не успели.

* * *

Невежество всегда смешно,
Когда, пытаясь сеять разум,
Бросает в землю зёрна, но
На деле сеет лишь заразу.

Ростки заразы расцветут
И принесут плоды утраты.
И вновь артель «Напрасный труд»
Искать возьмётся виноватых.

И, разумеется, найдёт:
В артели ушлые ребята.
Затем кампания пройдёт
По обвиненью супостатов.

И повторится всё опять:
К свершеньям громкие призывы
Сомненья будут пресекать
И множить глупости разливы.

Невежество смешно порой.
И мы за ним следим с улыбкой,
Пока его последствий рой
Не ткнёт нас в наши же ошибки.

* * *

Нас обступают неудачи,
А мы презрительно спокойны.
К чему нам мелочные войны?
У нас совсем не та задача.
Нас неудачи обступают,
Но в месте главного удара
Их силы постепенно тают,
А значит, мы живём недаром.

* * *

Ветер унёс стадо слонов
Прочь от родного дома.
Сюрреализм призрачных снов –
Как это нам знакомо.
Явь или сон – разницы нет,
Все их границы смыты.
Слепит глаза истины свет
В капле слезы пролитой.
Время течёт, тихо журча,
Снова к своим истокам,
И, трепеща, разум-свеча
Гасится сим потоком.

* * *

Мы в этой жизни игроки
Или актёры – что досталось:
Но от того, о чём мечталось,
Мы равно страшно далеки.
Зато близки к тому, что даже
Представить не могли в мечтах,
Что, потеряв себя в летах,
Мы выставим их на продажу,
И нас раскупят по частям.
Смысл жизни мне – и аз воздам.

* * *

Случалось вам на волжском берегу
Ждать клёва рыбы с недовольной миной?
А я такое с гордостью могу
Припомнить, сидя в кресле у камина.
Как часто в жизни мы чего-то ждём
В квартире, на вокзале, на природе,
Под знойным солнцем, снегом и дождём
Всё чаще отчего-то год от года.
На ожиданье тратим мы года
И, с этим примирясь постепенно,
Не сознаём, какая ерунда
То, что мы ждём. И как всё в мире тленно.

* * *

Душа как вспаханное поле,
Там, в глубине, процесс идёт.
И повлиять не в нашей воле
На нежелательный исход.
Душа то вдруг вскипит страстями,
То с головой уйдёт в себя,
И всё, что происходит с нами,
Забудет, разом отрубя.
Но не найти в себе ей места,
Душа стремглав назад бежит,
Являя миру в знак протеста
Свой оскорблённый внешний вид.

* * *

Неизвестно какого племени,
Непонятно какого рода,
Налетит вдруг ветер времени
И колотит в лицо народа.
А народ только молча щурится:
Он привык всё сносить безропотно.
И бредёт он по грязным улицам,
Принуждённый к никчёмным хлопотам.
Пробегают года, столетия,
Ничего в умах не меняется,
Вместо слов одни междометия.
И в потоках лжи души маются.

* * *

Над широким волжским плёсом
Чайки носятся крикливо.
А вдали, за тёмным лесом,
Наползают черносливом
Туч клубящихся громады,
Горизонт во тьме скрывая.
Побелевших волн армады
Берег пеной заливают.
Ощущеньем скорой бури
Воздух до краёв наполнен.
С нетерпеньем бурю жду я
И вдыхаю ветер вольный.
Пусть безумствуют стихии!
Надоел застой покоя.
И предчувствую стихи я –
Это чувство много стоит.

* * *

Раскинуло сети широко
По миру вселенское Зло.
И ловит упорно пророков,
Но те всё живут Злу назло.
Живут, избегая ловушек,
Предвидя все происки Зла,
И лечат заблудшие души
От ран, что им жизнь нанесла.

* * *

Без цели жить на свете – тяжкий труд.
Хоть годы беззаботно и текут,
Но жизнь пуста, как высохшие соты.
И вдруг поймёшь на склоне серых лет,
Что жизнь была словно бессвязный бред,
И закричишь: «О дай, судьба, заботы!»
Но поздно: время вспять не повернуть.
И поплетёшься ты в последний путь,
Измучен нескончаемой зевотой.

Александр СЕМЯЧКОВ

*Доктор геолого-минералогических наук (2003), профессор (2006);
В 2010 году основал кафедру «Геоэкология» в Уральском государственном
горном университете и стал её заведующим. С 2015 по 2019 год – декан
факультета гражданской защиты в Уральском государственном горном
университете. С 2007 года руководит Центром природопользования и гео-
экологии в Институте экономики УрО РАН.*

* * *

Всё хорошее не забыто,
Жизнь-то наша и больше ничья.
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Я залез с головою в корыто,
Разбирался, зачем, где и чья,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Для тебя твоя соцзащита
Стала много больше, чем я,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Пеленою заботы покрыты
Мама, внучка, сын, дочь, я,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Роковые события забыты,
Словно гвозди в Христа предплечья,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Ну а жизнь-то ещё не испита,
Как вода из святого ручья,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.
Мои двери и сердце открыты,
Ты горяча, горячий и я,
В этой жизни с тобою мы квиты
И у нас получилась ничья.

* * *

В команде с сыном в футбол сыграть –
И это дорогого стоит.
И может, на воротах постоять,
Или в защиту он меня пристроит,
И в нападении себя проверить,
И гол забить. Вдруг силы все собрать.
И это счастье не измерить –
В команде с сыном в футбол сыграть.

* * *

Эта тема избита немало,
Но мы к ней возвращаемся вновь.
С Украины она. Он с Урала.
Между ними возникла любовь.
И прошло с той поры лет немало.
Как сама? Всё дугою ли бровь?
С Украины она. Он с Урала.
Неужель застарела любовь?
У судьбы парадоксов немало:
Между нами война. Льётся кровь.
С Украины она. Он с Урала.
А исправит всё это любовь.

Z

Господа младше на день
И ещё на две тысячи лет,
Жизнь без бугров и впадин,
Ты относишься к людям Z.
В жизни больше эмоций,
И авторитетов в ней нет,
Информация от информации –
Так устроены люди Z.
Может, будут большие дороги,
Перестроить весь белый свет,
Может, в нашей ты экологии
Впишешь жирную букву Z.

Валерий МАСЛОВ

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ, член Общественного совета Министерства культуры Тульской области. Заместитель председателя Тульского отделения Союза писателей России. Автор 40 художественных книг, изданных тиражом более одного миллиона экземпляров в России и за рубежом. Кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством».

ИВАН БУНИН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Огромным количеством нитей творчество величайшего русского писателя и поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина связано с Тульским краем. Особенно интересны его встречи с гением мировой литературы Львом Николаевичем Толстым, 195-летие которого мы отметили 9 сентября 2023 года.

Впервые в окрестностях города Ефремова Тульской области, Иван Бунин, будущий классик русской литературы, оказался в 1887 году ещё семнадцатилетним юношей. Начинающий поэт решил съездить в гости в Ясную Поляну к самому Льву Николаевичу Толстому.

Вот как описывает этот эпизод тульской жизни И. А. Бунина его вторая жена, Вера Николаевна Муромцева: «Он оседлал своего коня и отправился в Ясную Поляну: путь держал на Ефремов, стоящий на Красивой Мече, реке Тургенева, что его волновало. Он очень утомился за дорогу, и так как у него не было в этом городе знакомых, то он пошёл в городской сад, сел на скамейку, а потом и заснул. Проснулся на заре и от утренней свежести, придя в себя, почувствовал робость. Денег у него было мало, и он повернул домой, гнал во всю прыть свою Кабардинку, и когда вернулся домой, то работник пока-

чал головой, увидев, в каком состоянии была его лошадь».

И всё-таки его знакомство с классиком мировой литературы состоялось немного позже. Начинающего поэта настолько поразила эта встреча, что он рассказывал о Толстом не иначе, как «о великом старце», называл его богом. Именно произведения Л. Н. Толстого пробудили в нём «страстную жажду творчества».

В январе 1894 года Иван Бунин побывал у Толстого в гостях уже в московском доме в Хамовниках. А вскоре получил от него такое трогательное послание: «Очень рад был получить ваше письмо, Иван Алексеевич. Рад потому, главное, что наше свидание в Москве было очень короткое, и я боялся, что недостаточно внимательно отнёсся к вам. Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьёзного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразличны. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы. А я думаю, что это напряжение духовной любовной силы очень нужно вам для того, чтобы удерживать хорошие отношения с женою и, вместе с тем, не переставая в мыслях и деле идти вперёд в деле

христианского совершенствования и служения богу... Любящий вас Л. Толстой».

Естественно, что это напутствие прошло для И. Бунина красной нитью в его творчестве. Возможно, что и поэтому величайший русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин на склоне лет, находясь в эмиграции, напишет такие проникновенные строки, навеянные ему воспоминаниями о той первой поездке в Ясную Поляну и летней неповторимой красотой окружающей его природы толстовской усадьбы.

*И цветы, и шмели, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь
сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты
в жизни земной?»*

Тульская земля всегда привлекала к себе творческих личностей. Отсюда вышли многие выдающиеся деятели культуры, писатели, художники, композиторы. В наш край приезжали, здесь жили и творили люди, прославившие Россию на весь мир.

Иван Бунин особенно полюбил имение своего брата Евгения Алексеевича. Деревней Огнёвкой, расположенной в Ефремовском уезде Тульской губернии, владела мать писателя, Людмила Александровна, которая принадлежала к дворянскому роду.

Здесь ему очень хорошо работалось, причём не только над сочинением стихов. Он перевёл поэму знаменитого американского поэта Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате». А в своём стихотворном сборнике «Листопад» (1901) нарисовал яркую картину золотой осени:

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой пёстрой стеной
Стоит над светлою поляной.
Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют*

*То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.*

(«Бунин и Огнёвка». Из книги
В. М. Петрова «Бунинское подстепье»)

Вершиной прозаического творчества писателя стала написанная именно здесь повесть «Деревня». Многие другие его стихи, повести, рассказы и переводы, в том числе знаменитый рассказ «Антоновские яблоки», Иван Бунин написал здесь под воздействием красот Тульского края.

Не будет преувеличением сказать, что именно в Ефремовском крае находится самое красивое природное пространство, которое называют «тульской Венецией»: извилистая русская река Красивая Меча, заливные луга, бескрайние просторы среднерусской возвышенности.

И потому 1 августа, в разгар лета, Иван Бунин пишет другу А. М. Фёдорову такое признание: «Много пишу, читаю, словом, живу порядочной жизнью, а это... кажется, только и можно делать, что в Огнёвке».

Не случайно, что именно здесь им написаны такие классические произведения русской лирической литературы, как «Всё лес и лес. А день темнеет», «Дымится поле, рассвет белеет», «Как светла, как нарядна весна» и многие другие.

Город Ефремов полюбился поэту настолько, что после бурных событий Первой русской революции семья вообще переехала сюда из своей усадьбы в деревне. Брат Ивана Евгений продал Огнёвку и приобрёл в городе дом из красного кирпича на Тургеневской улице. Тот самый, в котором сейчас находится музей Бунина. Теперь каждый, кто приезжает в «город Бунина», знакомится с мемориальной доской на нём: «В этом доме периодически с 1906 по 1910 год жил и работал русский писатель Бунин Иван Алексеевич. 1870–1953 гг.».

Начинающий поэт Иван Бунин был натурой пылкой и влюбчивой. Его первой, не-

венчанной, женой считают корректора газеты «Орловский вестник» Варвару Пашенко. Он так характеризовал свою возлюбленную в письме к своему брату: «эмансипированная девушка, высокая, с очень красивыми чертами, в пенсне, умный, интересный собеседник».

Но никакие страсти и препятствия не мешали поэту творить. Например, 28 мая 1901 года в письме, адресованном Ю. А. Бунину, он писал: «Я как в тумане от работы и сиденья, хотя благодаря жару... и пыли дело плохо идёт, и потому пишу тебе мёртво. Положение дел таково: мать всё время в Ефремове... Тружусь упорно...»

Именно в тульский период творческой деятельности Иван Алексеевич Бунин создал те произведения, которые отличались преданностью классической традиции, которые он обогатил только присущими ему качествами. И это естественно, потому что поэзия, принёсшая ему известность, сложилась под влиянием таких гениальных поэтов, как Пушкин, Фет, Тютчев. Его поэзия складывается из красок и звуков природы, запахов и красок. Картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, остро воспринимаемых красок и звуков, собственного чувственного опыта.

При этом, как настоящий писатель с острым восприятием жизни, Иван Бунин замечает и её правду, субъективные особенности. В своих произведениях «Деревня» и других он отражает действительность, какой бы ни была она страшной и неприглядной. Вот что он писал в письме брату: «В Ефремове страшная нищета».

Исследователь творчества писателя и автор книги об И. А. Бунине А. Бабореко рассказывает о таком эпизоде из рассказа «Чаша жизни» (1913): «прототипом героя отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в гор. Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в кало-

шах, купался летом и зимой в Красивой Мече и продал свой скелет для анатомических целей».

Особую ценность для современного читателя имеют высказывания И. А. Бунина, что именно в Средней России, к которой относились Тульская губерния и Ефремовский уезд, зародился и постоянно обогащался прекрасный русский язык. В своём произведении «Жизнь Арсеньева» Иван Бунин описывает родовое имение отца М. Ю. Лермонтова Кропотово (у Бунина – Кроптовка), где бывал Михаил Юрьевич Лермонтов – знаменитый русский поэт, всемерно обогативший великий русский язык.

«Я сидел и, как всегда, попадая в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств».

Ценны для нас и изыскания поэта о знаменитых творческих личностях, связанных с Тулой и областью. В статье «К будущей биографии Н. В. Успенского» (1890) И. Бунин рассказывает о многих, неизвестных ранее фактах жизни этого писателя Тульского края. Эти сведения писателя изложены в девятом томе его собрания сочинений (Москва, издательство «Художественная литература», 1966).

Иван Алексеевич Бунин мечтал быть похороненным в Ефремове, в земле «тульской Швейцарии», которой он так восхищался. К сожалению, мечта великого русского писателя не сбылась. Но он оставил тулякам право гордиться тем, что Тульский край навечно связан с его именем. Эта творческая взаимосвязь, как и связи с другими великими писателями-туляками Львом Толстым и Викентием Вересаевым, только подчёркивает вклад Тульского края в увековечение великой русской литературы.

Дачный роман

РАССКАЗ

– Пап, где у нас ведро с червями? – донеслось с соседнего дачного участка.

– Какая проза жизни! – недовольно произнёс Эдуард Евгеньевич и закрыл створки окна террасы, на которой расположился с неизменным ноутбуком, чтобы писать очередное нетленное произведение русской литературы.

В это время сильная молния прорезала небо, словно хотела разделить его надвое, а затем раздался страшный треск и гул запоздавшего грома. Эдуард Евгеньевич выглянул в окно и увидел, как огромная свинцовая туча грозно нависла над всем дачным посёлком. Казалось, она вот-вот ляжет на крыши домов и прижмёт их к земле, коснётся налитыми водой крыльями кустов и деревьев, прольётся мощным ливнем. Но, странное дело, в террасе было очень светло. Оказывается, солнце, спустившееся за долгий летний день к самому краю земли, умудрилось найти прореху в мрачной, тяжёлой туче и теперь окрасило её восточную сторону парчовыми бликами.

«А не пора ли пить чай? – подумал писатель. – Где там наша сношенька?»

– Лизонька! – крикнул он. – Пора чаёвничать!

На террасу вошла девушка лет двадцати пяти с красивым выразительным лицом и точёной фигуркой. В руках у неё был поднос с чашками, чайником и домашним вареньем.

– Попробуйте клубничное, Эдуард Евгеньевич, сама варила.

– Вернее будет сказать, земляничное, Лизонька, – поправил сноху тесть. – В культуре человек возделывает землянику.

– Так она в лесу растёт. А на дачах сажают клубнику. Викторией называют.

– Виктория – это всего лишь название одного из бесчисленных сортов земляники. Фе-

стивальная, Солнечная, Гигантская et cetera, et cetera.

– Всё-то вы знаете! А можно мне с вами чай попить? Владик вечно в своём бизнесе – про меня совсем забыл! Вот говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Но он вовсе на вас не похож!

– Ой ли? Если ты судишь обо мне и сыне только по тому, как и что мы говорим, то глубоко ошибаешься: человек и его слова живут врозь, – воскликнул Эдуард Евгеньевич и внимательно посмотрел на сноху: мужчина, особенно творческий человек, всегда интересуется женщиной, которая его хвалит и слушает.

Он вдруг обнаружил, что девушка очень хороша собой: тонкая талия, стройные, загорелые, гладкие ноги, нежные, полновесные груди, обтянутые лёгким платьицем... К тому же Лиза, оказывается, очень похожа на его первую институтскую любовь! Возможно, эти открытия Эдуард Евгеньевич сделал оттого, что они впервые всей семьёй проводили лето на даче: расслабляющая истома и ничегонеделанье жарких вечеров, ошеломляющий, осязаемо плотный запах цветущих трав и кустарников, шашлыки и обильные возлияния способны разбудить любое дремлющее чувство.

– Не в этом суть: с вами интересно, а с Владиком буднично и серо, словно живёшь в позолоченной клетке.

– Но, но! – погрозил Эдуард Евгеньевич снохе. – Всё-таки он мне сын!

В это время у ворот дачи раздался звук подъехавшего автомобиля.

– Иди встречай, – сказал писатель. – И будь с ним, пожалуйста, поласковее.

Лиза, как показалось хозяину дачи, с неохотой поднялась из-за стола, где они так весело и интересно беседовали, и неторопливо пошла к воротам.

Писатель задумчиво посмотрел вслед уходящей Лизе и вдруг громко воскликнул:

– Вот он, сюжет, которого так не хватало в моей повести! Герой видит в жене сына давнюю любовь! Та же внешность, черты характера! Словно и не было двадцати прошедших лет: он – зрелый, состоявшийся человек, а его пассия всё так же молода и привлекательна. «Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что я люблю тебя». Нет, пошло! А может быть, так? Гениально!

Эдуард Евгеньевич склонился над ноутбуком и начал набирать текст, которому, по его мнению, предстояло стать бессмертным.

Они уже давно лежали в постели, а сон к Вадиму так и не пришёл.

– Ты меня больше не любишь? – неожиданно глухим от волнения голосом спросил он жену.

– С чего ты взял, Владик?

– Чувствую. Кто у тебя есть ещё?

– Я люблю только тебя. Но ты не маленький и должен понимать: из всех вечных вещей любовь длится меньше всего.

Вадим резко повернулся к жене, схватил её за голову и попытался посмотреть прямо в глаза. Но Лиза увернулась. Затем холодно чмокнула его в лоб и сказала:

– Поздно, пора спать. Тебе завтра рано на работу.

Утро сегодня выдалось чудесным. Ласковое солнышко приятно грело землю и воздух, напоённый ароматами цветущих трав. Птицы хоть и поумерили в июне певчий запал, продолжали радовать душу бесконечными трелями. А сплошные заросли зелени вокруг дома наполняли душу спокойствием и умиротворённостью, которой никогда не испытываешь в душном, пропылённом летнем городе.

Как всякий настоящий художник слова, Эдуард Евгеньевич любил природу в своей первозданности. Поэтому за небольшим, тщательно подстриженным, по настоянию сына, газоном находилась девственная чаща. Огромные лопухи привольно расположили почти метровые листья, крапива устремила жгучие стебли вверх, а небольшой островок зарослей иван-чая радо-

вал глаз лиловыми и сиреневыми кипарисовыми соцветиями. А его любимая собака Джуля разлеглась у самых ног, подставив ласковому солнышку чёрный влажный пупырышек носа и кипенно-белые передние зубки. В такие утренние часы ему всегда хорошо работалось. Он был «жаворонком» и предпочитал «творить» с утра. Но только расположился за ноутбуком, как в кабинет вошла Лиза.

– Я вам кофе принесла, – приветливо произнесла она, ставя на стол поднос.

– О, напиток богов! – радостно ответил писатель. – Все мои герои постоянно пьют кофе и находят в этом большое удовольствие. Как говорится, трудно устоять перед женщиной, которая приносит тебе кофе в постель. Шучу.

Лиза пытливо посмотрела на Эдуарда Евгеньевича, но с разочарованием отвела взгляд: он действительно шутил.

– Вы сегодня в хорошем настроении!

– Да, это верно. И причина того – ты.

– Я?! – не поверила Лиза. Затем, помедлив, кокетливо раздвинула края ворота платья, чтобы сильнее обнажить грудь, и наклонилась над сидящим за столом писателем, словно собралась придвинуть ему чашку с кофе.

– Ты меня неверно поняла. Просто наш вчерашний разговор подкинул мне отличный сюжетный ход для романа. Впрочем, не будем пока говорить об этом.

Лиза резко выпрямилась и задела рукой чашку с кофе. Коричневый напиток растёкся по столу, попал на клавиатуру ноутбука и рубашку Эдуарда Евгеньевича.

– Что ты наделала! – закричал рассерженный писатель. – Если он сгорит, то всё пропало!

– Что сгорит и что пропало, папа?

– Мой новый роман! Я даже не успел сделать запасную копию на флешку!

– А я думала, что сгорит новая любовь, – иронично заметила Лиза. – Снимите рубашку – я отстираю пятна от кофе.

Он одним движением смахнул с себя белоснежную сорочку. Лиза невольно залюбовалась обнажённым мускулистым торсом далеко ещё не старого мужчины. Затем взяла салфетку:

– Давайте промокну кофейные пятна с тела: нельзя портить такой красивый загар...

– Я не помешаю? – раздался насмешливый голос сына.

Эдуард Евгеньевич вздрогнул, а Лиза отпрянула от него так резко, что чуть не упала.

– Лиза, собирайся. Мы переезжаем на городскую квартиру.

Полуденное лето морило дачников невыносимой жарой, тропической духотой и ядовитокусачими комарами. Эдуард Евгеньевич расположился в беседке под могучей лиственницей, которая веерными ветвями с изумрудно-зелёными иголками благополучно спасала пиита от этих напастей.

– Съесть мне заломной сельди под водочку с томатным соком или нет? – проговорил он вслух и поглядел на мгновенно запотевший графинчик с горячительным напитком, вынутый из холодильника. – С одной стороны, пить в такую жару вроде бы нельзя. С другой – зачем отказывать себе в удовольствии? Ведь жизнь – это мгновение. Завтра Господь Бог может и не дать выпить.

«Конечно, мне только сорок пять, – продолжил он размышления. – Следовательно, прошла всего половина жизни. Я, как говорится, мужчина в самом соку. Не зря же Лизка на меня заглядывается...»

Вдруг раздалась трель вызова домофона.

– Кого это нелёгкая принесла? Выпить нельзя спокойно, не то что роман написать!

– Это я, Лиза! – раздался нежный голосок в динамике приёмного устройства. – Владик ключ от дачи забрал, приходится звонить, чтоб открыли.

«Незванный гость лучше татарина? – с сомнением подумал писатель и нажал кнопку открытия замка калитки. – Впрочем, Лизка может составить компанию: пить одному – это нонсенс!»

– Приехала ягод набрать, – объяснила неожиданный визит сноха. – Можно я кофточку сниму? Такая жара, что даже собственная кожа кажется тяжёлой.

Эдуард Евгеньевич посмотрел на грудь Лизы, чтобы оценить правильность её слов, и невольно облизнулся. Молодая, гладкая, без

единой морщинки кожа девушки завораживала, притягивала взгляд, настойчиво приглашала прикоснуться к ней, погладить, поласкать.

Писатель мотнул головой, словно отталкивая назойливое наваждение, и показал на графинчик с водкой.

– Я решил проверить китайскую мудрость: можно ли подобное побороть подобным, то есть жару – горячительным напитком. Составишь компанию?

Лиза кивнула, и хозяин дачи налил в хрустальные фужеры водки, затем добавил томатного сока. Они молча выпили и почти одновременно поставили на стол фужеры, не прикоснувшись к закуске.

– Воркуете, голубки? – неожиданно раздался голос Вадима. – И даже водку пьёте? Народ для разврата готов?

– Вадик, опомнись! – тихо произнёс отец. – Что ты говоришь?!

– Лиза – домой! – скомандовал муж. – Вот тебе ключи от машины, и чтобы ждала меня там.

Девушка покорно взяла ключи и пошла к воротам дачи. Вадим тяжело опустился на стул, плеснул в фужер водки и с размаха опрокинул его содержимое в рот. Затем вынул из кармана брюк травматический пистолет и направил его на отца:

– Рассказывай, батя, – приказал он. – Я всё знаю.

– Это – она! – испуганно пролепетал Эдуард Евгеньевич. – Это всё Лизка, стерва! Ты же знаешь этих баб: если приспичит, они своего добьются... Это – наговор! Она всё врёт!

Но Вадим вдруг опустил руку с пистолетом и медленно, чётко произнёс:

– Она мне ничего не говорила.

Эдуард Евгеньевич вытер обильно проступивший пот и с облегчением вздохнул:

– Вот дурак! Сам на себя наговорил.

Но сын его уже не слушал: он шёл к машине, в которой ожидала жена. Эдуард Евгеньевич быстро выпил полный фужер водки. Вкупе с томатным соком она сразу принесла ему чувство лёгкости и спокойствия.

«Всё образуется, – подумал он. – Главное, не паниковать: я знаю правду, а сын – нет. А предвидеть – значит управлять!»

К удивлению Лизы, муж на этот раз не стал скандалить. Он даже не задал дурацкий вопрос о том, верна ли она ему. Женщины очень доверчивы. К тому же ей так хотелось, чтобы всё само собой образовалось, как-то рассосалось, что она поверила в то, в чём никак нельзя было быть уверенной. Правда, время от времени в голове возникал единственный вопрос, который задал Вадим: «Как ты с этим будешь жить?» Но Лиза так упрямо отгоняла его от себя, что через некоторое время забыла о нём.

Дома Вадим лёг отдельно, на диван. Но ночью не выдержал и тихонько пробрался под одеяло к жене.

Лиза его приняла безропотно. Под влиянием пережитого, взаимных упрёков и слёз они провели такую бурную ночь, словно только накануне расписались.

– Ты меня любишь? – с придыханием, тихо шептал Вадим. – Скажи, ты любишь только меня?

– Да, глупенький, да! Ну к кому ты приревновал?! Он мне в отцы годится!

– К тому же он трусливый и ненадёжный, – радостно согласился муж. – Знаешь, как испугался, как тебя обзывал!

– Я его не люблю, – вдруг буднично и холодно произнесла Лиза. Она встала с кровати, подошла к окну и нервно затянулась сигаретой.

– Вот и ладненько! – сказал Вадим.

Он, видимо, так ждал этих слов, что расслабился, заулыбался, затем сладко зевнул и повернулся к стене. Через несколько минут Лиза услышала его мерное дыхание и сладкое постанывание во сне – наверняка мужу снилось что-то очень приятное.

Вадим не мог поверить своему счастью: Лиза стала такой прилежной женой, готовила ему завтрак и подавала его в постель. Сегодня у него был напряжённый день: планировалось подписание выгодного контракта с иностранной фирмой. А затем он намеревался купить путёвки в зарубежный тур: такая красивая, умная и верная жена, как Лиза, заслужила это.

– К обеду не жди, – сказал он, уходя из дома. – Принимаю гостей из Германии. Зато

вечером я буду с сюрпризом, который тебе наверняка понравится.

Он заметил, как загорелись зеленоватые глаза Лизы, и посчитал это хорошим знаком: в такие времена она становилась безумной от любви и страсти.

День у Вадима сложился удачно. Выгодный договор был подписан, билеты в заграничный тур приобретены, и он очень спешил домой, чтобы как можно раньше сделать Лизе царский подарок. Но ему предстояло завершить ещё одно дело: заехать на дачу к отцу, рассказать, как Лиза его любит, и предупредить, чтобы он больше не появлялся в их с Лизой жизни.

Вадим повернул автомобиль на просёлочную дорогу, ведущую к даче отца. Он хотел проскочить её, как вдруг на опушке леса заметил целующуюся пару. Что-то неуловимо знакомое показалось ему в этих людях. Сердце неприятно кольнуло, затем заныло, будто предчувствуя беду. Бизнесмен притормозил автомобиль, а затем и вовсе остановил его. Сомнений не было: обнимались и целовались отец и Лиза.

– Что же вы делаете?! – крикнул он, не выходя из машины. – Лиза, где любовь, в которой мне клялась?! Я купил тебе дорожный тур на Канары!

Девушка не оборачиваясь проговорила:

– Лучше купи собаку: это единственный способ приобрести любовь за деньги.

Вадим нервно сглотнул горькую слюну, выхватил из кармана заграничные путёвки и разорвал их в клочья. Затем выбросил всё это в окно машины и резко нажал на педаль газа. Иномарка взвыла, почти став на дыбы, а затем понесла неудачливого хозяина прочь от места, где он в один миг потерял и отца, и жену.

А дачный посёлок продолжал жить летней жизнью, полной внезапной страсти, быстрых любовных романов и душераздирающих интриг. Здесь было всё, что бывает в обычной жизни людей. Только зарождалось и происходило это весело, непринуждённо и легкомысленно. Здесь любящие пары жили настоящим, ибо о будущем известно только одно: хочешь насмешить Господа Бога – расскажи ему о своих планах.

Екатерина ПЕРМЯКОВА

Член Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов.

Стихотворения публиковались в альманахах и журналах, таких как «Странник», «Тобол», «Курган. Текст», «Невский альманах», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Веретено» и др., детских журналах «Мурзилка», «Радуга», а также коллективных сборниках по итогам конкурсов (гг. Москва, Екатеринбург, Курган, Новосибирск, Кострома, о. Сахалин и др.). Стихи звучат на «Радио России – Курган». Детские стихи были озвучены на «Чудо радио FM» (г. Москва).

* * *

Готовил летним днём привычно дед
К поездке в поле свой велосипед.
На руль – котомку, на багажник – впрок
Моток резинок и большой мешок.

А я просила: «Дед, возьми с собой!»
И крылья вырастали за спиной,
Когда из тесноты сарайных стен
Выглядывал колёсный мой пострел.

На раму дед приматывал косу,
А я ловила мошек на носу,
Сквозь ветви яблонь било в глаз лучом,
И беды мне казались нипочём...

Калитка затянула свой мотив.
Мы, руль руками крепко обхватив,
Внимали жар июля, запах трав –
Дед жизнь любил за щедрый, добрый нрав.

Неспешно мы катились по тропе,
Я крепла с каждым метром, дед слабел...
А яблони махали вслед листвою,
И я шептала тихо: «Время, стой».

* * *

Падают яблоки гулко на землю,
Сладкие, бьются о тёплую твердь.
Я в вышину голубую глазею,
Тайно мечтая за миг повзростеть.

Нежится сонно родная обитель,
Дремлет роса на прожилках листа.
Спили деревьев, вы мне не твердите,
Что не вернусь больше в эти места.

Время убавит цветение вишен.
Скажут: «Селенье своё отжило».
Ну а пока стены шёпот мой слышат:
«Бабушка, разве взростеть тяжело?»

Буду рыдать, вырывая под корень
Запахи трав и нерусскую речь,
Только мой разум навек непокорен,
Чтобы забыть, разлюбить, не сберечь.

* * *

Были провода, слёзы без радости,
Уезжал торопливый вагон,
То ли жалкий гудок, то ли стон
По перрону, по крышам, по зарослям.

Взгляд прощальный – иголкой насквозь.
И противились рельсы изгибами,
Сумки с полок топорщились глыбами,
И в груди что-то с болью рвалось.

Всё наследство вечернего поезда:
Духота и плацкартный билет,
В темноту тусклый ламповый свет
Проникал жёлтой проседью боязно.

Задевая оконный проём,
Переулки мелькали тенистые,
И со скрипом колёсным неистово
Уносилось вдаль детство моё.

СОН

Я училась ходить без тебя
По земле, что покинули птицы,
Где гнездо молодой голубицы
Почернело от капель дождя,
По истоптанной нами тропе –
Там следы отпечатались в глине
И шелка круговой паутины
Прилипали легко к голове.
Я пыталась не падать, но вновь
Подгибались упорно колени.
Боль тебя не сотрёт, не заменит,
Не заглушит несказанных слов.
Я училась ходить, не летать,
И казалось, не трудно, так проще...
Просыпаюсь – дождь окна полощет,
Дремлешь рядом. И можно дышать.

* * *

В ноябре наш город тих и желтоват,
Увядшие листья неподвижны.
Эту осень проживаем наугад,
Становясь от неуверенности ниже.

Будут краткими слова, всё об одном,
В ожидании спокойного рассвета.
Снова новости, и снова в горле ком –
Говорим себе: «Пройдёт, пройдёт и это».

Лишь ссутулились высокие дома,
Стали мысли до озноба осторожны.
Мы надежду выпиваем допьяна,
Отпуская на мгновение тревожность.

Мёрзлым утром между строек городских
На заре земля укроется снегами.
Только в памяти – пшеницы колоски.
Запах хлеба, плеск воды, дорога к маме...

ФЁДОР УШАКОВ

Сергей БЕЛОВ

ГЛАВА 1

МОРСКОЙ БОЙ

Турецкая эскадра вдвое
Превосходила мощью нас.
Своё искусство боевое
Для турок Ушаков припас.

Не видно было солнца даже
В пороховом дыму густом.
Готовы турки к абордажу,
Но грянул орудийный гром.

Десятки пушек громыхали,
Свистели пули и шрапнель.
Свой флагман турки потеряли,
Ведь били наши точно в цель.

Как свечки корабли горели!
И не прошло и полчаса –
Разбиты в щепки марса-реи,
В огромных дырах паруса.

Вновь турки не были готовы
К напору русских кораблей.
Матросы «Рождества Христова»
Отважней были и смелей.

И адмирала в том заслуга,
Что выиграл жестокий бой.
Константинополь был напуган –
Стал Ушаков Ушак-пашой.

На море первым был по праву.
Он рвался в бой не для наград!
И в летопись российской славы
Внёс Ушаков достойный вклад.

ГЛАВА 2

СЛАВНЫЙ ПОХОД

*«Зачем не был я при Корфу
хотя бы мичманом?»*

А. В. Суворов

История русской армии и флота.

Царинго, Корфу и Итака...
Семь островов – архипелаг.
Десант над ним своей отвагой
Республиканский поднял флаг.

Геройства надо было горы,
Чтоб крепость Корфу покорить.
Генералиссимус Суворов
Хотел бы мичманом там быть.

Войдёт в историю навечно
Освобожденье островов,
Великодушье, человечность,
Отвага русских моряков.

Здесь сердце русское узнали,
Открытость щедрую души!
Легенды турки сочиняли
Про доброту Ушак-паша.

Он от турецких мародёров
Французов пленных защищал.
Вели союзники с ним споры –
Султан им право грабить дал.

Когда настал день расставанья
Эскадры с греческой землёй,
Был Ушаков за все деянья
Отмечен шпагой золотой.

Лишь в Петербурге умолчали
Победу моряков вдали:
Награды, ордена, медали
До Ушакова не дошли...

Путь был его тяжёл, но ярост –
Он с честью Родине служил.
И море Чёрное в подарок
К ногам России положил!

ГЛАВА 3

ВСТРЕЧА С НЕЛЬСОНОМ

Вот наконец настал день встречи.
Палермо – долгожданный порт.
В тот душный августовский вечер
Поднялся Ушаков на борт.

Хоть знал английские манеры,
Приёму адмирал был рад:
И командир, и офицеры
Построены, как на парад.

Пусть в жизни повидал немало,
Богатством Фёдор поражён:
Каюта лорда-адмирала
Была похожа на салон.

На судне каждый метр – пространство,
А здесь Меркурия дары.
Слепит роскошное убранство:
Картины, толстые ковры.

Лорд Нельсон, гостя уважая,
Слова приветствия сказал.
Себе прекрасно цену зная,
На кресло взглядом указал.

Нёс Нельсон в речи много бреда –
Не подчинялся пылу уму.
Так Абукирская победа
Вскружила голову ему!

Хотя не подходили к карте,
От родины своей вдали,
Тут о Неаполе и Мальте
Два адмирала речь вели.

И на уступки не готовый,
Чтоб враз смягчить беседы тон,
Представил Нельсон Ушакову
Красотку Эмму Гамильтон.

Потом король и королева
Вступили в спор «морских орлов».
Отверг их сладкие напевы
Спокойно Фёдор Ушаков.

Он нёс России гордо славу –
Такой ему путь Богом дан.
Не будет русская держава
В фарватере у англичан.

ГЛАВА 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЕКСЕЕВКУ

Уволенный царём в отставку,
В имение ехал Ушаков.
Чтоб было всё в дороге гладко,
Багаж весь – пара сундуков.

Уныла длинная дорога
От Петербурга до Москвы.
И деревенек вид убогий
Не выходил из головы.

Не обошлось без неполадок:
Вдруг лопнул обод колеса,
Хоть дальний путь всегда не гладок,
Бывают в нём и чудеса.

Улыбка кузнеца сияла:
Он в старом барине узнал
Отца матросам, адмирала –
Он в Греции с ним воевал!

Пока шла в кузнице работа,
Вдруг в окнах начало темнеть:
Всем бабам, мужикам охота
На Ушакова посмотреть.

На свадьбах только так гуляют –
Плыл гул весёлых голосов.
«Не за царя ли принимают?» –
Вдруг улыбнулся Ушаков.

Едва с крылечка он спустился,
Как шумный говор сразу стих.
Народ весь до земли склонился –
Так любят самых дорогих!

Кузнец радушно поклонился
И крикнул: «Тарантас готов!»
Поход геройский не забылся –
Матроса обнял Ушаков.

Тот подвиг в памяти народной
Сердца навечно сохранят.
Слезой чистой благородной
Кузнец свой затуманил взгляд.

Унять волнение было нечем.
«Храни вас Бог!» – без лишних слов,
Растроганный такою встречей,
Продолжил путь свой Ушаков.

Забылись разом все печали.
Он видит снова край родной.
И сердце радостно стучало
От встречи с милой стороной!

ГЛАВА 5

ПОРТРЕТ

Вновь лето красками сияло.
К пленэру полностью готов:
В своём мундире адмирала
При орденах был Ушаков.

Два друга повстречались снова –
Не виделись десятки лет
Стал флотоводца Ушакова
Писать игумен Филарет.

Он, в друга своего влюблённый,
Портрет закончить не спешил.
«Икона, чистая икона!..» –
Так камердинер говорил.

За это Филарет в ответе:
Нет ни морщинки на щеке.
На недовысохшем портрете
Был Фёдор в новом парике.

«Хоть на портрете я моложе,
Спасибо за великий труд!» –
Был Ушаков к портрету строже,
Хоть слышал, как хвалу поют.

«Вас видеть молодым приятно,
Души добрее в мире нет.
На солнце незаметны пятна», –
В ответ промолвил Филарет.

Портрет писал чуть больше года.
В него всю душу он вложил.
Хотел оставить для народа
Всё то, что в друге он ценил.

ГЛАВА 6

ВОЙНА С НАПОЛЕОНОМ

Татары, немцы, турки, шведы
Пытались Русь поработить.
Но били тех «гостей» прадеды
Так, что потомкам не забыть!

Наполеона волчья стая
Шла к нам под флагом сатаны.
Россия для врагов большая –
Не покорить такой страны!

Врагов бить – праведное дело:
Борясь за честь родной земли,
Отряды ополченцев смелых
На помощь армии пришли.

Был Ушаков матросом бравым,
Когда на море воевал.
Теперь он раненым солдатам
В уезде госпиталь создал.

Не государь – народ-спаситель
Все ужасы войны терпел.
Игумен – за свою обитель,
А Фёдор за страну радел.

Пришла великая победа:
Разгромлен был Наполеон!
Герой наш превратился в деда.
Но долгим путь был в пантеон.

ГЛАВА 7

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ

С геройских на море сражений
Прошло две сотни с лишним лет.
Для всех грядущих поколений
Они оставили свой след.

Рождённый для морских баталий,
Он ни одну не проиграл.
Все Ушакова уважали –
Для них был богом адмирал.

Не говорил он по-французски
И от вельмож страдал порой.
Но щедрый был душой по-русски.
Любил Россию всей душой.

Так флотоводца дарованье
В морских сраженьях проявил,
Что всенародное признание
Ещё при жизни получил.

Канонизации начало.
Один из августовских дней.
Здесь духовенство, адмиралы
И тысячи простых людей.

Божественная литургия.
Вершина чина – крестный ход –
Нёс мощи Фёдора святые –
Для страждущих людей оплот.

Лежат святые мощи в раке,
Похожей формой на фрегат.
Вселяя в души веру, радость,
Что будет русский флот богат.

Чтит Санаксарская обитель
Геройских подвиг земляков.
Теперь небесный покровитель
Есть у российских моряков!

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Сергей БЕЛОВ

*Тебя не тронет времени река.
Своим умом упрочил славу россов.
Ты родину прославил на века,
Поэт, учёный, гений Ломоносов!*

Родился он в глухой деревне
Близ устья Северной Двины.
У сей истории путь древний –
Преданье славной старины.
Сиротским было детство Миши:
Ушла из жизни рано мать.
Но в люди северянин вышел:
Стремленье к знаниям – благодать!

Читал Михайло громко, быстро
И за себя мог постоять.
Но волновали сердце мысли –
Он многое хотел познать!
Жизнь тяжелее небылицы –
Дорогой с мужиками мёрз:
Шёл три недели до столицы
Богатый рыбою обоз.

Москва, Санкт-Петербург и Киев
Учили юношу уму.
Ньютон, Коперник и другие
Открыли многое ему.
Он, лучший латинист Европы,
Стихи прекрасные писал.
Ценя всего превыше опыт,
Науки быстро постигал!

Века к себе манили звёзды
Учёных крупных разных стран.
Был нужен людям, словно воздух,
Планет, созвездий океан.
Ум пылкий волновали мысли,
Собою сердце веселя.
Непросто заглянуть в те выси,
В которых плавает Земля.

Сильнее золота, алмазов
Волшебное стекло ценил.
Понять стремился мощный разум
Движенья тайные светил.
Бессильна оптика Европы.
Но гений продолжал творить,
Изобретая телескопы,
Чтоб тайны космоса открыть.

Любил он больше жизни знанья
Своей душою и умом.
Узрев масштабы мирозданья,
Идеи проверял трудом.
Обширнейшие интересы
В среде космических светил:
Он Солнца бурные процессы
В своих стихах отобразил.

Его открытие не химера.
Он тайны космоса познал
И на Венере атмосферу
Умом глубоким предсказал.
Имел он твёрдую походку
Среди созвездий и планет.
Подтверждены его находки
Лишь только через двести лет!

Чтобы российская наука
Несла достойно знаний флаг,
Терпел от лжеучёных муки,
Обороняясь от атак.
Бежали годы чередою.
Трудился, не жалея сил.
Он мощь духовную народа
В свои открытия воплотил.

Учёный знаниями своими
Оставил на земле свой след.
И носит дорогое имя
Московский университет.
Помор Михайло Ломоносов
Мелькнул кометой в небесах!
Он – гордость, честь и слава россов,
Прославил Родину в веках!

Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ

Прозаик и поэт Игорь Белкин-Ханадеев родился в 1972 году в Москве.

Учился на факультете истории искусства РГГУ.

Публиковался в журналах «Пограничник», «Смена», «Молодая гвардия», «Дон», «Подъём», «Север», «Наш современник», «Урал», «Дружба народов» и других.

Автор книги «Божий контингент» и поэтического сборника «Родной зелёный скорый», лауреат газеты «Российский писатель» (2017). Член Союза писателей России.

* * *

МЕИАЛЕНТА

Весна. Военкомат. И вновь к войне не годен.
Уже за пятьдесят. И голова болит.
Которую из двух неравноценных родин
Опять не защитит ковидный инвалид?

Не ту ли, где мальцом катался на мопеде
На дальние пруды – за карасями вброд –
И думал об одной-единственной Победе –
За равноправие, за братство, за народ?

Или другую, ту, где пруд закрыт забором,
Куда ни плюнь – кирпичная стена,
Где всё принадлежит нововельможным ворам,
Где мир дворцам, а хижинам – война?

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сердца шальные часы
Бьются в иссушенной глотке.
Сны – как последние сводки
С прифронтовой полосы.

Здесь, на чужом этаже,
Вырыта на ночь могила.
Пакостно, тускло, уныло,
Каторжно в вечной душе.

Но, как пайковый ломоть,
Солнце всплывает из зыби.
И распрямляется плоть
Тела, обвисшего в дыбе.

Если вы не сыты,
Если не поели –
«Выдадим кредиты
На любые цели...»
Новости про трупы,
Взрывы, бомбы, смерти.
Модная рок-группа
Спела на концерте.
А теперь реклама.
И вернулся комик.
Стало денег мало
В руслах экономик.
Ядерные риски
И «Калибры» с «Градом».
...В телефоне низкий
Уровень заряда.
Что ни новость – люто,
Что ни слово – мрак.

В мере абсолюта,
Боже, кто наш враг?

* * *

Нерушимая стена –
ярым дымом ввысь,
убиенных имена
с облаком слились.
На пороховой меже –
длани в небосвод.
Неужели мы уже
не один народ?

Упокой, благословя
чёрным вороньём.
В мёртвые глаза славян
льётся окоём...

УЛИЦА НОВАЯ

Тёмная кровля прогнулась седлом,
Рамы в зелёной вуали.
Раньше стояло большое село,
После посёлком назвали.

Улица Новая, тридцать один, –
Адрес пониженного дома.
Кто-то крапиво внутри посадил –
Нечего никнуть пустому!

Мимо него прогоняли коров –
Прутиком ближе к ограде.
С каждым июлем всё меньше голов
Было в посёлковом стаде.

Куда ты угнал их, пастушеский прут?
Пылью следы припорошило.
Эхом печальным мычит на ветру
Ящик для писем из прошлого.

* * *

Солнца свет. Стекло в узорном инее.
На дворе Крещение Господне.
Деду радость: в полуштофе глиняном
Со вчерашнего осталось на сегодня.

По селу ходить теперь он старый –
Там мороз, а здесь от печки жар.
В доме с одиночеством на пару
Можно причаститься не спеша.

Солнца свет – как ярко и диковинно!
И в висках уже не так стучит.

...Молится потом перед иконами
На огарок солнечной свечи.

ОТПУСК

Зарезали бычка, и кухни мяса полны.
И свежих потрохов расставлены тазы.
Успеть бы щи сварить до самых первых молний.
И отпуск догулять успеть бы до грозы.

Сегодня в поварах. Мешая ложь с намёком,
Творю, как волхв, – и сед, и вещ, и свят.
С разделочной доски ныряют в воду скоком
Капустный взвод, картофельный отряд.

Читаю щам стихи. Шепчу их у кастрюли.
Шумовкой между строк снимаю пены зыбь.
Немного подсолить. И к отпуску в июле
Добавить пару дней. И перемыть тазы.

Вдали грохочет гром – но словно понарошку.
Говяжьего нутра зашёптываю боль.
Венцом – лавровый лист, как фото на обложку
Для сборника стихов с поваренной судьбой.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Бетонное крошево, порошок, грязь.
Танковых траков рваная вязь.
Как из мартена –
брызжет алая сталь.
Грохот орудий, молитва и мат.
Вчерашней раны сочится стигмат.
И жизнь, и смерть –
всё с чистого листа.

Настиг тебя у последней стены
Разнокалиберный бог войны.
Багряной бровью
ты удивлённо повёл,
В клочья жилет, прожжена броня.
«В Царстве своём... помяни меня», –
И в мёртвую землю
воткнулся умолкший ствол.
«У нас один – двести, – в эфире свист. –
Жалко парня. Посёлок чист».
В целинный участок
вгрызается мирный ковш,
Скороговоркой «Во имя Отца...»
Отпет, погребён и крещён пацан

Огнём и Духом,
 а прошлая жизнь – ложь.
 Грехов искупление. Залп. Венок.
 Цинковый мех – молодое вино,
 И чёрный крест
 процветает зелёной лозой.
 Секира лежит при корне дерев,
 Царствия Божьего край узрев,
 Отверг ты себя
 и пришёл на небесный зов.

ЧАС ПИК

Напирают, и мы напираем –
 Зажимая в руке смартфон,
 Из далёкого спального рая
 Едем в центр со всех сторон.

Отвратившись благого ига,
 Мы штурмуем подземный рейс –
 Аж с платформы готовы прыгать
 Головой на контактный рельс.

Мы позлимся, на нас позлятся –
 Слово за слово, гнев за гнев.
 Мы – обычный слой популяции,
 Аватары адамов и ев.

Разбегаемся по вагонам,
 Слышим, поезд гудит: «Распни!»
 Этот гул почему-то знаком нам
 Из нечитанных старых книг.

Окольцованные кольцевыми,
 Замурованные в Ватсап,
 Позабыли мы Твоё имя,
 Твоего не помним лица.

Не познали мы Твоей воли,
 Твоего не несём креста –
 Несолёной бросовой солью
 За верстой ложится верста.

Оттесняя плечом Кого-то,
 Кто распятый застыл в дверях,
 Мы торопимся на работу,
 И не ведая, и не творя.

* * *

Господи Боже, Ты куст ли терновый в огне?
 Что попросить у Тебя на тревожном багровом
 закате?

Вижу с постели, как день догорает в окне,
 Вижу реки распростёртую алую скатерть.

Господи, дай мне опять посидеть за рабочим
 столом,
 С дочкой, как прежде, проверить, что задано
 на дом.

Господи, дай мне достойно прочесть
 покаянный псалом!
 А ничего мне другого уже и не надо...

* * *

Одичавший сад, ты сохнешь не спеша –
 Яблоки так мелки и так редки...
 Будто скороспелая плодовая душа
 Вынута из солнечной розетки.

* * *

Утро. Без четверти восемь...
 Без десяти... без минуты...
 Лето свернуло в осень
 С солнечного маршрута.

Не опоздать бы в школу –
 Автобусы ходят реже.
 Солнца туманный колоб
 Сегодня уже не брезжит.

Рвутся в полёт с веток
 Тройки гnedых листьев.
 Долгое школьное лето
 Падает в осень жизни.

Дождь захлестнул город,
 Медь покидал в лужи.
 За отложной ворот
 С неба налил стужи.

ВРЕМЕНА МОРСКИХ СТРАНСТВИЙ

ПРОЛОГ

Как известно, поезда убывают и прибывают строго по расписанию. Сколько раз Владимир за свою рыбацкую жизнь уезжал на них в Москву, в составе экипажей судов... Моряков отправляли в столицу поездом, и уже из аэропорта Шереметьево рейсами «Аэрофлота» они совершали многочасовые перелёты по всему миру – в те порты, где базировались их траулеры. Вот и сегодня он ехал в столицу поездом. Он любит такие поездки. За окном проносятся поля и перелески, и лишь одни телеграфные столбы, как верные друзья, сопровождают состав в пути. Сидя возле окна, он смотрел на убе-

гающие вдаль тёмные поля и думал о предстоящей заграничной командировке.

Поезд всё дальше уносил Владимира от дома и вскоре остановился на маленькой станции.

Растущая луна, словно половинка каравая, висела в сумрачном декабрьском небе. Серые облака, наплывая на луну, как клубы дорожной пыли, лишь на время меняли цвет ночного светила, делая его тёмно-серым и мрачным.

Владимир смотрел на небо и любовался лунной. Наконец он обратил внимание на постройки маленькой литовской железнодорожной станции под названием Кибартай.

Плацкартный вагон, в котором он ехал, остановился как раз на том месте, где, словно на вершине воображаемого треугольника, расположился белый полукруг луны. В нижних углах этого треугольника: слева – маков-ка с крестом православной церкви, а справа возвышалась башня католического костёла. Сумерки наступали быстро, и вскоре вечер стал погружать в темноту строения, усиливая яркую белизну луны. Она своим светом будто указывала всем на эти символы двух мировых религий. Религий, где одна вера и поклонение одному Богу. Тёмные кресты, венчающие цер-ковь и костёл, смотрели в небо, где ещё не за-жглась ни одна звезда.

Словно подхваченные лёгким ветерком, в небе плыли тёмные рваные облака, а на земле белели крыши домов, покрытые первым, только что выпавшим снежком, схваченным лёгким морозцем. Вот и настал декабрь!

Прошло почти полчаса, и вот уже луна на-чала скрываться за дальними сараями, в этой пыльной завесе туч. И всё! Ни луны, ни звёзд, лишь узкая светлая полоска над землёй, где были еле видны силуэты православной церкви и костёла. Когда поезд тронулся и стали медлен-но уплывать огни железнодорожной станции, на землю опустился тёмный декабрьский вечер.

Вглядываясь в заоконную даль, Владимир пытался увидеть хоть один огонёк. Непроиз-вольно нахлынувшие воспоминания, словно этот поезд, уносили в те далёкие годы его юности.

Часть 1

СРТ «БОЦМАН БЕГИЧЕВ»

Последние дни января стали для Влади-мира настоящим сюрпризом. Наконец-то он получил в отделе кадров рыболовной базы на-правление на отходящий на промысел сельди в Норвежское море, как сказал инспектор, сред-ний рыболовный траулер с названием «Боц-ман Бегичев». Фамилия Бегичев напомнила Владимиру рассказ, который он недавно слу-шал по радио. Рассказ был очень интересный.

В нём шла речь об одной полярной экспедиции к неизвестной земле. Его сильнее всего порази-ло в этом рассказе то, что птицы могли улетать зимовать не на юг, а куда-то на Крайний Север. Спросить у инспектора, чьё имя носит судно, он постеснялся. СРТ с бортовым номером 4235 стоял у причала возле двухъярусного моста, рядом со зданием администрации базы.

Как позже выяснилось, отход судна за-держивался на неопределённое время. По-года стояла морозная и не давала бригаде маляров возможности закрасить борта суд-на в чёрный цвет так называемым кузбас-слаком. Но это, конечно, не очень влияло на готовность выхода судна в рейс. Главной причиной была задержка поставки на судно сететрясной машины. Как без неё отправлять в рейс экипаж? Матросов, желающих трясти сети вручную, найти очень сложно. Поэто-му, как потом выяснилось, туда оформляли тех, кто в чём-то провинился. Владимир же был направлен на судно матросом второго класса, так как был всего лишь учащимся техникума, проходящим морскую практику в легендарном Калининградском управлении экспедиционного лова – УЭЛе.

Когда он подошёл к СРТ, пришвартован-ному к причалу, то увидел, как маляры, стоя на металлическом плотике, находящемся между причалом и бортом судна, пытаются закрасивать при помощи специальных меховых валиков ярко-оранжевую ржавчи-ну на его борту, но это у них не получалось. Краска плохо прилипала к мёрзлому металлу. Маляры матерились и наконец, бросив это бесполезное занятие, стали собирать валики и кисти. С причала на планширь фальшборта, ограждающего палубу, был перекинут трап, по которому, как по мостику, он прошёл с причала до борта судна и ловко спрыгнул на палубу СРТ. Не успел сделать и пару ша-гов, как путь ему преградил неизвестно отку-да появившийся пожилой человек с красной повязкой на рукаве. Такие повязки предна-значались для вахтенных матросов, ему это объяснили при прохождении инструктажа в отделе кадров.

– Ты чего это, как козёл, тут прыгаешь, аккуратней нужно спускаться, – «наехал» на Владимира вахтенный матрос. – С какой целью прибыл? –дохнул он на него запахом перегара с примесью чеснока, которым, очевидно, пытался заглушить вчерашнее обильное употребление алкоголя.

Владимир показал ему своё направление.

– О, это очень хорошо, – как-то странно и загадочно изрёк пожилой матрос. И, поняв, что перед ним такой же, равный по чину будущий член экипажа, подсказал, как пройти в каюту вахтенного штурмана.

Такое его «очень хорошо» Владимиру стало понятно позже, когда пришлось до следующего утра нести вахту у трапа одному. Матрос, уйдя обедать, больше не появлялся на судне до самого отхода на промысел.

Владимир прошёл по проходу в глубь кормовой надстройки, чтобы передать свой бланк направления вахтенному штурману. Штурман оказался ему знаком. Он жил в квартире, расположенной на первом этаже соседнего дома. Владимир знал, что зовут его дядя Лёша. Они, пацаны, часто подшучивали над ним. Как-то осенью, когда рано темнело, они при помощи металлической кнопки крепили к деревянной раме окна его комнаты в коммунальной квартире чёрную нитку с грузиком и, разматывая нитку с катушки, уходили в самый конец двора, метров за тридцать от окна, к высокому деревянному забору. Забравшись на забор, кто-нибудь из ребят выбирал слабинку нитки и, натягивая и отпуская её, добивался того, что грузик начинал стучать по стеклу. Отодвинув занавеску, дядя Лёша всматривался в темноту двора, пытаясь понять, кто же мог позвать его. Никого не увидев, он отходил от окна. Через некоторое время стук повторялся. Так как нитка была натянута, заметить этот маленький грузик было практически невозможно. Постучав в окно несколько раз, они перевешивали своё устройство на другие окна дома и забавлялись, видя волнение своих взрослых соседей.

Однажды мальчишки положили возле входа в подъезд дома, в котором жил дядя

Лёша, пришедший в негодность футбольный мяч, набитый мокрым песком.

И дядя Лёша, возвращаясь домой под хмельком, со всей силы попытался ударить ногой по этому мячу. После того как он это сделал, их словарный запас пополнился большим количеством неизвестных пацанам до этого слов.

– О, знакомые лица! – приветствовал Владимира дядя Лёша. – Заходи, дорогой, рассказывай, зачем пожаловал.

– Да вот, направление в отделе кадров получил на ваше судно, – ответил юноша и протянул ему направление.

– Хорошо, – как-то таинственно произнёс дядя Лёша.

Это его «хорошо» и «очень хорошо» вахтенного матроса не на шутку насторожили Владимира. «Что там хорошего? На улице мороз, и нести вахту у трапа не доставит огромного удовольствия. Ему-то действительно хорошо, он штурман, второй помощник капитана. В его каюте тепло от электрической грелки», – думал Владимир.

Штурман проинструктировал нового члена экипажа и дал расписаться в каких-то журналах. И только после этого направил сменить на посту пожилого матроса.

До самого утра Владимиру пришлось нести вахту бессменно. Сначала они дождались проверки несения вахты инспектором портового надзора, и отойти от «полюбившегося» ему в этот вечер трапа было нельзя. Потом инспектор долго рассказывал о том, что вахта, которую он несёт, очень ответственная и называется она «Вахта у трапа». Поэтому матрос и должен находиться рядом с ним.

Лишь после его проверки Владимир смог отойти от трапа и укрыться от ветра на верхней площадке носового капа перед трапом, ведущим вниз, в носовые каюты. Практически это место было не лучше палубы. Чтобы он не околел от холода, штурман выдал ему старый меховой армейский тулуп и валенки, в которых утонули даже ноги в ботинках. А голову спасала меховая шапка-ушанка. В этой одежде он стал похож

Часть 2

ВЫХОД В РЕЙС

не на вахтенного матроса, а на партизана периода Отечественной войны 1812 года, а может, и на уносящего ноги из России француза. Но даже в такой одежде тело начинало мёрзнуть. И незаметно для себя он стал засыпать. Ему снилось, как боцман Бегичев отправляется добровольцем на шхуне «Заря» в составе экспедиции барона Толля на поиски земли на север. По мнению зверопромышленника Санникова, туда улетали гнездиться птицы. Было очень холодно, и этот холод даже его продирает до самых костей.

Увидеть это арктическое путешествие боцмана Бегичева до конца он не успел. Кто-то тряс Владимира за рукав тулупа.

– Ты что, спишь? – послышался голос штурмана.

А он, открыв глаза, ещё не понимал, где находится. Но, быстро придя в себя, только и смог что спросить:

– Дядя Лёша, а наше судно носит имя того Бегичева, который искал землю Санникова?

– А с чего ты это взял? – вопросом на вопрос ответил дядя Лёша.

– Да вот недавно слушал радиопередачу о полярных путешественниках, и там называли такую фамилию. Но что он был боцманом, вроде не говорили.

– Если честно, то не знаю, как-то в голову не приходило мне. Бегичев и Бегичев, а кто он и чем знаменит, не задумывался. Но поскольку наше судно носит его фамилию, я думаю, что он был очень достойным человеком, – изрёк штурман и позвал парня к себе в каюту пить чай.

Они так и просидели в каюте дяди Лёши до самого утра. Он рассказывал молодому соседу о своей рыбацкой жизни, а тот ему – о своей учёбе в техникуме. И время от времени они согревались горячим чаем. А утром на вахте их сменили третий помощник капитана и матрос, который, как и Владимир вчера, был направлен инспектором отдела кадров на это не отходящее на промысел, а продрогшее от мороза судно.

Только в конце января СРТ «Боцман Бегичев» был готов к выходу в рейс. Экипаж до конца укомплектован так и не был, и сететрясную машину не установили, поэтому решили отправить судно в рейс в поисковом режиме.

Работать предстояло по указанию руководства промысловой экспедиции. Каждая такая экспедиция состояла из одной или нескольких больших плавучих баз (плавбаз) и нескольких десятков средних рыболовных траулеров. В зимние месяцы эти рыболовные суда вели лов сельди дрифтерными сетями в промысловых районах Северного и Норвежского морей. С наступлением весны суда переходили на донный траловый лов. Весь свой улов рыбаки сдавали на плавбазы, где его перерабатывали. В то время скумбрия не считалась пищевой рыбой. На плавбазу её сдавали в бочках в свежем виде, без засолки, и она шла на техническую продукцию: рыбную муку и рыбий жир. Когда скумбрия попадалась в капроновые сети, вытрясти её из ячей сети было очень тяжело. По сравнению с селёдкой, у которой очень слабые жаберные крышки и которая легко освобождалась из сети, скумбрия доставляла много хлопот рыбакам.

В каждой такой промысловой экспедиции в штате обязательно был научный работник – представитель Атлантического научно-исследовательского института (АтлантНИРО). Он ежедневно давал рекомендации капитанам промысловых судов, где и на каких глубинах можно ожидать хорошие уловы сельди. Его прогнозы опирались на многолетний опыт научных исследований поведения рыбы в зависимости от погоды, атмосферного давления, температуры воды, наличия планктона, которым питается рыба, и многих других факторов. Подтверждение этих прогнозов и входило в задачу экипажа. А чтобы жизнь на промысле не казалась рыбакам мёдом, в рейсовом задании был предусмотрен план вылова рыбы. Этот план отличался от плана, который давался промысловым судам, – был

немного ниже. Учитывая то, что работать в поисковом режиме – это не среди промысловых судов, где уж точно будешь с уловом, а в стороне от флота, порой даже на безрыбье, то это другое дело. Так и говорили перед отходом опытные матросы: «Идём в прогарный рейс».

– Ну что, салага! Встречай морского волка, – приветствовал Владимира пожилой матрос, который ушёл на обед и оставил его одного нести вахту в самый первый день работы на судне. – Я вижу, ты уже освоился, молодец, – похвалил он его. – Прими мой чемодан!

Передавая чемодан, он как-то неуклюже и кряхтя перенёс своё грузное тело через планширь фальшборта и, уже ступив на палубу и выпрямившись в полный рост, как старому знакомому напомнил Владимиру о себе:

– Если не забыл, я Пётр Васильевич. – И, поздоровавшись за руку, спросил: – Ты не знаешь, когда назначен отход?

– Да вот ждём «власти», – ответил Владимир, – должны пограницы приехать.

– Вовремя я пришёл, еле успел к отходу, – подытожил пожилой матрос. – Пойду устраиваться.

– Капитан приказал всех опоздавших направлять к нему, – предупредил Петра Васильевича Владимир.

– Добро! – ответил тот и, оставив чемодан на палубе, пошёл в кормовую надстройку, чтобы представиться капитану.

Только когда на город опустился зимний вечер, прибыл наряд пограничников, и начался осмотр судна на наличие посторонних лиц. Осматривали все судовые помещения, протыкали длинными металлическими шомполами киты сетей в трюме, после чего созвали всех членов экипажа в салон команды и стали сверять лица рыбаков с фотографиями в гражданских паспортах. Как они их различали по тем пятиминутным фотографиям, до сих пор остаётся загадкой. Даже сами владельцы паспортов иногда с трудом отличали себя от других снимавшихся в этом фотоателье людей при получении снимков. Тем более что лица некоторых моряков, опухшие от спиртного, уже было действительно сложно сличить с фотографиями.

Наконец власти покинули борт, и, отдав швартовы, судно стало медленно отходить от причала. Матросы по команде старпома собрались в салоне, и он ознакомил их с графиком несения вахты на руле. Каждому по очереди предстояло в течение двух часов крутить штурвал. Он предупредил, что, пока судно будет идти по судоходному каналу до порта города Балтийска и не выйдет в открытое море, на руле будет стоять самый опытный матрос – Пётр Васильевич. После этого матросы отправились отдыхать по своим каютам.

Не успел Владимир спуститься в каюту, расположенную под главной палубой в самом носу, где, стоя на площадке капа, он чуть не уснул в самую первую ночь своего пребывания на судне, как его снова вызвал к себе старпом.

– Ты понимаешь, – обратился он к матросу, – нам не прислали камбузника, и капитан приказал перевести тебя временно для работы на камбузе. Будешь помогать коку. – И чтобы Владимир не успел возразить, он, опередив его ответ и растягивая слово по слогам, произнёс: – Вре-мен-но!

Возражать было бесполезно. Никому ничего не докажешь. Временно так временно. Но что может измениться завтра или через день? Не прилетит же на воздушном шаре этот не пришедший к отходу судна камбузник.

Работа матроса на открытой палубе в Атлантическом океане, да ещё зимой, веяла такой юношеской романтикой!.. А слово «камбузник» было таким прозаическим. Помощник кока. «Помкока» напомнило Владимиру кудахтанье курицы. Как теперь он напишет в письме любимой девушке, что он работает на судне помощником повара? Возникнет вопрос: для чего ты ушёл в океанический рейс? Неужто для того, чтобы мыть посуду и чистить овощи?

Но работать всё равно будет нужно, тем более что он проходит морскую практику, успокаивал себя Владимир, хотя особого желания работать на камбузе не испытывал.

– Пойди к повару, он тебе расскажет, что нужно делать. Теперь он твой начальник, – сказал старпом.

Узнав, в какой каюте находится повар, Владимир спустился по трапу на палубу ниже. Он только приоткрыл дверь и, стесняясь войти, успел произнести одну лишь фразу: «Мне нужен кок» – как в ответ тут же прозвучал чей-то осипший голос:

– Заходи, здесь никто не кусается. Зачем я тебе?

Каюта была освещена тусклым светильником, расположенным на подволоке каюты. На нижней койке кто-то зашевелился и раздёрнул вертикальные шторы из цветной ткани. Владимир увидел лежащего человека. Это был мужчина лет сорока, темноволосый и худощавый. Он совсем не был похож на тех поваров, которых часто видели в кино, – мордастых и с огромными животами.

– Меня к вам камбузником назначили, – робко произнёс Владимир.

– Да ты не стесняйся. Это хорошо, а то я совсем уже зашиваться стал на камбузе, – очень дружелюбно ответил ему повар.

Этот осипший доброжелательный голос кока как-то облегчил душу молодого парня, который впервые вышел в море, расставшись с друзьями и любимой девушкой. Но труднее всего было расставание с любящей и заботливой мамой.

– Ты сейчас переселяйся в каюту. Твоя койка верхняя – надо мной. А когда устроишься, мы поговорим о работе. И не забудь, что скоро ужин. Я буду на камбузе, – дал наставление повар.

Перед отходом в рейс моряки с направлениями отдела кадров целый день прибывали на судно. Владимир знал в лицо только тех, с кем встречался во время несения вахты. Это были штурмана, механики и несколько матросов. И вот только теперь он познакомился с коком.

Переселившись в новую каюту, вновь испечённый камбузник отправился на камбуз, чтобы ознакомиться со своими новыми обязанностями.

Ужин был в самом разгаре, и повар уже успел накрыть два стола: расставил посуду, разложил ложки, вилки и хлеб. Налил в ка-

стрюли суп и поставил на столы. Владимир стал помогать повару убирать использованную посуду и складывать её в раковину на камбузе.

– Послушай, мы даже не успели познакомиться, – обратился к Владимиру повар. – Меня зовут Михаил Иванович, запомнить легко, так медведя в сказках зовут. Только я не Топтыгин, а Соколов. Называй меня просто Иванович, так быстрее и легче. А ты, я знаю, Владимир. Что означает «владеющий миром». Вот тут твой маленький мир и будет – владей.

Повар оказался разговорчивым. Он успевал отпускать рыбакам вторые блюда и показывать Владимиру, как разжигать горелку плиты и включать электрокипятильник, как мыть посуду и сколько сахара насыпать в большой алюминиевый чайник. И много всего того, что нужно знать камбузнику.

Уже закончился ужин, и траулер медленно шёл по каналу на выход в море. Но некоторые члены экипажа подходили к коку и просили дать им чего-нибудь на закуску. Иванович не скупился и щедро отоваривал просящих, а те, в свою очередь, приглашали его в гости. И каждый раз, когда он возвращался на камбуз, становился всё разговорчивей и разговорчивей. И в конце концов, наугощавшись, Иванович, как говорится, вышел из строя.

Возникла серьёзная проблема. Ведь экипаж при переходе на промысел нужно кормить три раза в сутки. А кто это будет делать, если повар в запое?

После того как повар ушёл в запой, он в течение суток ничего не готовил. Но утром он разжёг горелку камбузной плиты, поставил на плиту большую кастрюлю с водой и спустился в румпельное отделение, где хранились запасы муки и консервов. Что он делал там, Владимир не мог знать. Но через некоторое время, поднявшись наверх, закрыв крышку люка и навесив на неё замок, повар нетвёрдой походкой ушёл в каюту и до конца дня его никто больше не видел. Вода в кастрюле тем временем кипела, а стойкий запах солянки постепенно заполнял коридор кормовой надстройки.

Январская Балтика встретила судно штормом, и вскоре непогода загнала камбузника Владимира на спардек. Так называлась верхняя палуба в корме СРТ. На ней располагались спасательные шлюпки, сюда же выходила вентиляция из машинного отделения. Здесь же, за фальштрубой, находились деревянные бочки с квашеной капустой и солёными огурцами. Чтобы они не улетели за борт, бочки надёжно крепили за рымы, приваренные к боковинам светового капа над машинным отделением. И вот, укрываясь от ветра за фальштрубой, время от времени, чтобы заглушить тошноту, Владимир по совету опытных моряков ел квашеную капусту. И все его попытки спуститься вниз, чтобы посмотреть, что делается на камбузе, заканчивались тем, что, лишь только почувствовав запах солянки, идущий от плиты, он пулей нёсся на спардек, чтобы, перегнувшись через леера ограждения палубы, избавиться от содержимого желудка. Замёрзнув, он уходил со спардека и отогревался в тамбуре перед рулевой рубкой. О еде даже и не думалось, и кто тогда кормил экипаж, совсем не понятно. Здесь, наверху, было легче переносить качку, и Владимир простоял в тамбуре до позднего вечера. А вечером его позвал радист и предложил лечь спать в радиорубке, в которой была койка. От рулевой рубки эту радиорубку отделяла только дверь. Уходя, радист произнёс фразу, которая запомнилась Владимиру, и позже он не раз убеждался в правоте слов радиста:

– Морская болезнь – это беспробудный сон, отвращение к работе и звериный аппетит.

Но, вымотанный штормом, он понять смысл сказанного тогда не смог. Какой там аппетит? Он прилёг в одежде на койку. И вот тут непроходящее чувство тошноты, усталость, тоска по дому окончательно сломили его, и он уснул.

Спал крепко, снился ему берег, где не было качки и тошноты, которые мучили его в течение полусуток.

Очнулся он утром. Шторм утихал. И куда только делись те громадные волны, которые ещё вчера пугали его? По ним судно словно взбиралось на пенные гребни, а затем прова-

ливалось в бездну, ударялось об воду и от этого удара содрогалось так, что водяные брызги летели от бака через рулевую рубку далеко за корму.

Владимир спустился в кормовую надстройку, где на самой нижней палубе находилась его четырёхместная каюта. Вместе с ним в ней жили повар, боцман и моторист. Кока в каюте не было, Владимир пошёл на камбуз. Повар сидел рядом с плитой на перевернутом кверху дном ведре и чистил картофель. Вид у него был виноватый. Владимир взглянул на плиту и сразу понял все переживания повара. На плите стояла всё та же большая кастрюля, из которой торчало голенище ялового сапога с ботфортом. Такие сапоги выдавали матросам для работы на палубе.

– Иванович, а что это такое? – спросил Владимир у повара.

Повар сидел насупившись и ничего ему не ответил, а проходивший мимо камбуза моторист, услышав его вопрос, объяснил:

– Да это Иванович вчера хвастал, что сварит суп из сапога.

Повар промолчал. Он не стал возражать, очевидно, понимая, что это кто-то над ним из экипажа подшутил, а может, и впрямь думал, что по пьянке мог и сам такое отчебучить.

– Сходи приberi в салоне команды, – сказал повар, – а я пока здесь сам управлюсь.

Владимир пошёл в салон, располагавшийся в конце прохода, в самой корме судна. По центру его был расположен баллер руля, обшитый декоративной фанерой. Это маленькое помещение служило одновременно столовой, кинозалом и местом проведения судовых собраний. Когда он вошёл и включил свет, то услышал:

– Заходи, не бойся.

Он узнал голос радиста, который лежал скрючившись на маленьком рундуке, обтянутом кожзаменителем. И Владимиру вдруг стало почему-то очень неудобно перед этим человеком, уступившим ему свою койку.

– Ну что, пережил шторм? – спросил радист.

– Спасибо вам, – ответил Владимир.

– Не волнуйся, скоро станет совсем тихо, как на Верхнем озере в Калининграде. Будем проходить Зундом. В самом узком месте пролива между Данией и Швецией увидишь замок Гамлета.

Радист поднялся и, пожелав ему успехов, вышел из салона. И действительно, за время уборки судно стало меньше качать. И Владимир, как настоящий моряк, почувствовал голод. Ноги сами понесли его в сторону камбуза, того места, к которому ещё вчера он даже не мечтал приблизиться.

КАМБУЗНИК – РЕДАКЦИЯ

Вы когда-нибудь пробовали с борта движущегося судна наполнить ведро забортной морской водой?

Если не пробовали, то вам, как и вновь испечённому камбузнику, не хватило бы на судне ведёр.

В самом начале производственной практики после окончания третьего курса техникума, в своём первом рейсе на СРТ в Северную Атлантику, Владимиру пришлось столкнуться с такой трудностью. А после, освоив азы и набравшись опыта, он ежедневно по несколько раз за день легко справлялся с этой работой.

Когда он попытался сделать это первый раз, крепко удерживая конец верёвки в руках, ведро зачерпнуло воду и стало плавучим якорем. Поскольку судно двигалось вперёд, верёвку вырвало из рук, а вместе с ней и новое, недавно полученное с берегового склада ведро.

Боцман пожурил Владимира и сказал, что запишет этот убыток ему «на ларёк». На какой «ларёк» и почему он это сделает, камбузник тогда не понял. Боцман, как впоследствии оказалось, был человеком добрым и не стал его наказывать, а просто списал ведро по расходной ведомости.

Как опытный моряк, он показал Владимиру, как надо черпать из-за борта морскую воду.

– Держим конец верёвки в руке, а ведро бросаем по ходу судна вперёд, – учил он его, – и в тот момент, когда ведро с водой окажется перед тобой, быстро вытягиваешь его из-за

борта. Вот и вся хитрость, – закончил обучение боцман.

Этот урок очень пригодился в дальнейшем, так как совсем не опытного камбузника, как говорят на флоте – салагу, боцман определил заниматься уборкой гальюна и душевой на судне. В обычной жизни это туалет, или по-модному – ватерклозет, а на любом судне оно носило прозаическое название «гальюн», и этот гальюн нужно было каждый день убирать и мыть палубу забортной водой. Пресную воду на такие цели расходовать было нельзя. Владимир сначала было возмутился данным распоряжением, но боцман убедил парня в том, что другие, более опытные, матросы сейчас нужны для работы на палубе:

– Ну сам подумай, кого я сейчас пошлю убирать гальюн? – настаивал боцман. – Матросы первого класса несут вахту на руле. А Михалыч и Петрович – матросы второго класса – помогают бригадиру на палубе. У них до самого промысла непочатый край работы.

И Владимиру почему-то стало совсем грустно. К ежедневной уборке кают капитана и старшего механика, салона команды, коридоров в кормовой надстройке судна ещё добавился гальюн. Ну что было делать, ведь он не знал той практической работы, которую выполняют опытные матросы. Была только теория, которую в их молодые головы вбивали преподаватели техникума на лекциях по промышленному рыболовству.

– Главное – знать теорию, – говорил один из них, – всему остальному вас научат на судне.

Конечно, очень плохо, что в обучении специальности отсутствовали практические навыки, поэтому и была предусмотрена практика в море на рыболовных судах.

В то далёкое время на таких судах, как этот средний рыболовный траулер, больших холодильных камер для хранения мясных продуктов не было. Холодильная камера в румпельном помещении под палубой камбуза не вмещала необходимое количество продуктов, требующих заморозки. Одну или две говяжьих полутуши натирали солью и подвешивали на ванты носовой мачты, и они, обдуваемые

ветром, какое-то время были пригодны в пищу. Повар в обычной суматохе перед отходом полутуши солью не пересыпал, а просто привязал к вантам носовой мачты высоко над палубой. После отхода судна в рейс он был сражён алкогольным недугом и находился в запое больше суток. В этом были виноваты те моряки, которые угощали его после ужина водкой. Вот и не выдержал организм повара такой нагрузки. Эти две полутуши, словно флаги расцветивания на военных кораблях в праздничные дни, украшали ванты, а штормовое море, немного обласканное теплом Гольфстрима, обдавало их водными брызгами, и вскоре мясо начало портиться. Протрезвев, повар приступил к работе. Он каждый день отрезал от полутуш большие куски и готовил отбивные и котлеты. Сначала они были вкусными, но вскоре стали издавать неприятный запах. Есть их экипаж не хотел. Очевидно, это мясо уже при получении со склада было не первой свежести. Экономя продукты, кок эти котлеты перекручивал в фарш для макарон по-флотски и даже пытался начинять этим фаршем пироги, но такую пищу моряки и вовсе отказывались есть. В итоге было принято решение отправить испорченное мясо за борт, на корм рыбам, и все вздохнули с облегчением.

На среднем рыболовном траулере было несколько различных помещений для сна и отдыха. В отдельных одноместных каютах жили капитан, старший механик и радист, а остальные члены экипажа ютились в двухместных и четырёхместных каютах. Но рыбаков устраивали такие условия быта, так как на промысле они в основном находились на работе, а в каютах, убитые усталостью, только спали. В штормовые дни они отдыхали, валяясь в койках и читая книги. Денег им за эти штормовые дни никто не платил, поэтому старались всегда работать, как говорится, до последнего и очень часто с риском для жизни.

КУРЯТНИК

Ну какой ещё курятник может быть на рыболовном траулере, подумает кто-то. Неужели

ли рыбаки в рейсе занимаются содержанием кур? И как они могут поместить их на среднем рыболовном траулере, где даже людям тесно? Все свободные места на палубе заняты промысловым вооружением: сетями, тросами, поводцами, вожакон. И куда ещё деть большое количество надутых буёв? Ведь на каждой сети в начале и в конце крепится буй на специальных поводцах, а сетей в дрейфтерном порядке бывает и сто, и сто двадцать, и достигает такой порядок в длину трёх и более километров. Да и на открытых палубах судна хозяйничают волны да ветер.

Точно так же подумал и Владимир, когда дрейфмастер, а по-рыбацки бригадир, распределяя матросов по рабочим местам на палубе, сказал ему:

– На постановке сетного порядка будешь сидеть в «курятнике».

– Хорошо, – ответил Владимир.

Целую неделю он работал на камбузе. И только вчера старпом снова перевёл его из камбузников в матросы. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Один из матросов поранил руку. Работать на палубе он уже не мог, а на камбузе хоть чем-то будет повару полезен. Вот их и поместили местами.

Владимир даже не спросил у Степаныча, так все обращались к бригадиру, где находится этот «курятник». Спрашивать у матросов он не решился, понимая, что начнут подкалывать. На флоте, как военном, так и рыболовном, свой жаргон. Освоить его не так-то просто. Салагам – молодым морякам, коим в ту пору был и Владимир, – первое время трудно запомнить все названия и термины, а тем более понять, о чём идёт речь. Очень часто бывалые моряки посылают неопытных матросов то на клотик за чаем, то осаживать кнехты при помощи тяжёлой кувалды. А куда денешься? На флоте принято уважать старших и исполнять поручения. Вот, например, позовёт тебя бывалый матрос:

– Эй, молодой! Пошли со мной. Боцман приказал кнехт осадить. – И добавит ещё для достоверности: – Поможешь мне, а то у меня спина болит.

Приходится брать тяжеленную кувалду и идти на бак к кнехтам. Остальные, едва сдерживая смех, наблюдают за разворачивающимся представлением. А могут даже принять участие и показать, как нужно правильно махать кувалдой.

Конечно, ещё никто и никогда не приносил с клотика чай, так же как и не смог осадить кнехт. Но многие прошли через такой ритуал. Ещё салагам приходилось продувать макароны. И только набравшись опыта, они начинали понимать суть флотской поговорки: «Не спеши выполнять поручение, ибо может поступить новое». Но, как говорится, впросак попадала не только флотская молодёжь. Бывало, выдавшие всякое морские волки сами оказывались в смешных ситуациях. На одном большом рыболовном траулере, построенном на верфи в Германской Демократической Республике, были предусмотрены два гальюна для женского персонала. Один из них боцман решил сделать своим персональным. На приёмке судна с новостроя в Германии он не был. Туда обычно можно было попасть только по великому благу, а он такого не имел. Парень он был деревенский, поэтому был наделён хозяйской хваткой. Отслужив срочную службу на одном из крейсеров на Балтийском флоте в боцманской команде, он имел хороший практический опыт в этой работе.

Демобилизовавшись, он не стал возвращаться в свою деревню в Витебской области. Работать в колхозе ему совсем не хотелось. Тем более что морская романтика уже проникла в душу. И по комсомольской путёвке и зову сердца поступил на работу в одну из рыболовных баз Калининграда. Он умело управлял грузовыми лебёдками и брашпилем, заплетал гаши на стальных тросах и капроновых канатах, а в покрасочных работах на судне ему не было равных. Даже боцмана на судах учились у него, как можно подобрать по цвету краску, чтобы подкрасить в рейсе затёртые места на надстройке или борту судна и чтобы новая краска не отличалась от старой. После одного из рейсов капитан добился того, чтобы такого опытного матроса направили на его суд-

но боцманом. Уже много лет этот боцман ходил на рыболовных судах разного типа, и теперь ему было доверено трудиться на совершенно новом, огромном по сравнению с другими траулере. Даже гальюнов на нём было несколько, и два из них отдельные двухместные. Один из них боцман и решил оставить для своих нужд. До отхода в рейс он пользовался общим гальюном. Это было удобно, так как он расположен на той же палубе, где была его каюта. Но уже в первый день рейса, перед самым обедом, когда все свободные места в гальюне были заняты, он ощутил себя счастливым обладателем персонального. Пользовался он этим гальюном первый раз. В нём было два унитаза. Один был оборудован стульчаком, как предполагал боцман, для интеллигентов, а второй без стульчака – для простых людей, таких как он. Поместив ступни ног по краям второго унитаза и удобно расположившись над ним в позе орла, он, облегчив душу, нажал на педаль блестящего никелированного клапана, установленного на водопроводной трубе, подходящей к этому унитазу. Устройство смыва сработало, и струя воды стала омыwać толстый зад боцмана, разбрызгивая во все стороны всё, что было на дне унитаза. Боцман соскочил с унитаза на палубу, но остановить поток воды было невозможно до тех пор, пока клапан автоматически не перекрыл подачу воды. Он, обливаемый своими же испражнениями, стоял и соображал, какой дурак придумал такой унитаз и как ему добраться до душевой, чтобы смыть с себя все нечистоты. Он хотел сделать это незаметно, но в обеденное время это было практически невозможно. Узнав о том, что с боцманом приключилась беда, экипаж покатывался со смеху. Этот боцман на всю жизнь запомнил, что такое биде и для чего оно установлено в женском туалете. Больше он этим туалетом не пользовался, а разместил в нём кладовую.

Поэтому, когда Владимир услышал слово «курятник», чтобы не прослыть салагой, не стал уточнять, где он находится, а, переодевшись в робу, вместе со всеми поднялся из кубрика на палубу. Возле рубки, над самой лебёдкой,

был приварен прямоугольный навес, по углам которого торчали двухметровые трубы. К этим трубам было прикреплено сетное полотно, и навес был похож на огромную корзину.

– Лезь в «курятник» и укладывай буи, – приказал Степаныч Владимиру.

Матросы на палубе надували буи – полуметровые в диаметре резиновые шары, обшитые сетным полотном для прочности. И уже надутые буи рыбаки бросали ему в «корзину», а он их аккуратно раскладывал. Когда Владимир укладывал первый слой буёв, стоять на твёрдой поверхности навеса из досок было удобно, но когда буи закрыли дно, приходилось садиться на них верхом, словно на круп лошади, чтобы укладывать следующий слой. Со стороны он выглядел как курица, сидящая на яйцах. Вот так Владимир и узнал, какие «курятники» были на СРТ.

НА «АМБРИШЕ»

Гений ушу

Прошло много лет с тех пор, когда молодой практикант Владимир только начинал осваивать рыбацкую профессию на небольшом рыболовном судне – СРТ. Закончив обучение в техникуме и пройдя срочную службу на Военно-морском флоте, он совершенствовал своё мастерство уже на больших рыболовных судах. Это были настоящие крупнотоннажные траулеры типов «Тропик», «Атлантик» и «Супер-Атлантик», на промысловой палубе любого из них мог уместиться тот маленький СРТ. Владимир, как флагманский специалист по добыче рыбы, был на хорошем счету в одной известной рыболовной базе, и ему доверили обучать промысловому делу ангольских рыбаков.

Владимир стоял на причале рыбного порта Луанды. Несколько часов назад он прилетел в составе небольшой группы специалистов по добыче рыбы в Анголу для работы по контракту на рыболовных судах этой африканской республики. Светило яркое солнце, и только лёгкий обеденный бриз спасал от жары. Мно-

гочасовой перелёт из Москвы и непривычная декабрьская духота усиливали ощущение усталости. Хотелось скорее добраться до судна и, разместившись в каюте, отдаться во власть прохлады кондиционера. Но на судно нужно было ещё попасть, а на какое из пяти, стоящих на якорях на внутреннем рейде Луанды, было пока неизвестно.

Владимир и раньше видел на промысле эти небольшие рыболовные суда испанской постройки, борта которых, окрашенные в синий цвет, почти сливались с цветом воды, и только белые надстройки делали их заметными. И вот сейчас на эти суда, стоящие вдалеке на якорях, были устремлены взгляды всех находящихся рядом с ним рыбаков. В аэропорту их, прилетевших из промёрзшей от декабрьских холодов Москвы, встретил представитель Министерства рыбного хозяйства и на комфортабельном микроавтобусе марки «Тойота» чуть ли не как героев доставил в порт. Владимир ещё в Москве, до отлёта в Анголу, познакомился со всеми мастерами добычи, получившими направления для работы в совместной ангольско-советской рыболовной экспедиции. Все специалисты до этой заграничной командировки трудились на калининградских и мурманских рыболовных базах. В Министерстве рыбного хозяйства им тогда сообщили, что они должны будут работать в течение года мастерами добычи и обучать своему мастерству местных темнокожих рыбаков, каждый на своём судне. Поэтому он беспокоился о том, с кем на судне ему придётся и жить, и работать. Перед отъездом в заграничную командировку Владимир встретился со своим знакомым в Калининграде и узнал у него, что советских специалистов на судне будет всего семь человек: капитан, старший помощник, старший механик, второй механик, рефрижераторный механик и два мастера добычи. А местных темнокожих рыбаков – 20 человек.

Вскоре к причалу стали подходить резиновые лодки, оснащённые подвесными моторами, и на этих лодках каждого прибывшего доставили на борт судна, к которому они были приписаны.

Владимир попал на судно с красиво звучащим названием «Амбриш». Что означало это слово, он пока не знал. Не успел он ступить на палубу судна, как к нему приблизился розовощёкий парень лет тридцати пяти и, даже не поздоровавшись, задал Владимиру не совсем уместный и понятный именно сейчас вопрос:

– Ты сало привёз?

– Какое ещё сало я должен был привезти и кто мне должен был его передать? – вопросом на вопрос ответил Владимир.

Розовощёкий парень, сильно расстроившись, махнул рукой и отошёл в сторону.

– Анатолий, ты не расстраивайся, – стал успокаивать розовощёкого парня низкорослый, худощавый, похожий на деда Щукаря мужичок. – Видишь, человек только поднялся на борт, а ты к нему пристаёшь. Может, он сала и не ел никогда. Разве он похож на украинца?

– Да я так просто спросил, – стал оправдываться Анатолий. – Очень по салу соскучился. Ты же знаешь, Пётр Петрович, какую нам привозят свинину. Ведь она такая тощая, словно не свинья это, а гончий пёс. А я сало люблю, с детства приучен.

«Лучше бы помогли чемодан поднять на борт да познакомились со мной», – молча посетовал Владимир. Ему с первого взгляда не понравились эти два неприветливых человека, и он даже пожалел, что попал именно на это судно. Ему уже приходилось сталкиваться с такими низкорослыми людьми, как этот мужичок, и он знал, что все маленькие люди в душе Бонапарты. А он и сам привык командовать на палубе, и если что не по нему, то никому не уступит. «Ну вот, с двумя судовыми специалистами я вроде познакомился», – подумал Владимир.

Отыскав на палубе кусок верёвки от старой выброски и смастерив крючок из толстого сварочного электрода, подцепил ручку своего чемодана, всё ещё находившегося в лодке, пришвартованной к борту судна, и поднял его. Он почувствовал облегчение оттого, что не проворонил всё своё богатство, которое за то время, пока шли разговоры о сале, могло пропасть по воле здешних

снующих повсюду шустрых ребят, промышляющих древним криминальным ремеслом. Не успел он подумать о том, куда нести свой скромный багаж, как к нему подошёл молодой, среднего роста белокурый улыбчивый парень.

– Я Сергей, рефмеханик. Я тебя провожу в каюту, – бесцеремонно, по-простому, как и принято между равными по должности на судне, обратился он к Владимиру.

– А я Владимир, – протянул руку для рукопожатия Владимир, – но можно как кому нравится, и Вова, и Володя.

Сергей с лёгкостью приподнял с палубы чемодан нового члена экипажа, и они спустились по трапу на нижнюю палубу судна, туда, где находились каюты среднего командного состава и где Владимиру предстояло прожить следующие 360 дней.

Четырёхместная каюта, в которую его привёл Сергей, находилась в самом носу судна. Сергей тоже жил в этой каюте, и Владимиру сразу стало как-то легче на душе. Рефмеханик оказался парнем разговорчивым и простым, что очень понравилось Владимиру.

– А Толян тебя про сало спрашивал? – задал вопрос Сергей.

– Да, – удивился Владимир.

– Да он ко всем прибывающим пристаёт с этим вопросом. Ему даже кличку дали на судне – Сало. Так что будешь знать теперь. Если кто спросит, не видел ли Сало, знай, что это относится к Толяну. Он на судне занимает должность второго механика, а тот старичок – старший механик. Толян – парень безобидный, но хитрован – настоящий хохол. Больше времени находится на камбузе, чем в машинном отделении. В машине автоматика, он в ней плохо разбирается, а вот с продуктами у него хорошо получается. Когда судно в ходке – это когда на промысле, то рыбачим мы всего неделю или две, в зависимости от района промысла. На судно приходит местный экипаж, и в его составе два повара. Они готовят на всех, а на берегу, после ходки, местные уходят домой, и приходится готовить самим. Все прикидываются, что готовить не умеют, а Толяну нравится, он хозяин. На берег ходит редко, больше сидит

на судне, чтобы деньги не тратить. Мечтает купить «Волгу-2410» белого цвета, чтобы все родные ему завидовали.

– А стармех что за человек? – задал свой вопрос Владимир.

– Стармех, он сам себе на уме. Всё больше философствует и очень вредный мужик. Но мы ему об этом не говорим. Как говорится, не тронь дерьмо – вонять не будет. Строит из себя маленького царька. В машине за него Толян всё делает, а он только задания даёт. Другой бы механик его давно послал куда надо, а Толян терпит, привык пресмыкаться. Он хочет продлить ещё на год свой контракт. Где ещё такие деньги заработаешь? Здесь он за месяц получает зарплату в долларах США больше, чем за полгода в обычном рейсе. А старший мастер добычи, твой начальник, сейчас в отлёжке. Слаб на спиртное. Он с нами в марте прилетел, уже полгода на судне. Сначала спортом занимался, говорил, по системе ушу. Всех нас достал. Я вспомнил старый японский фильм «Гений дзюдо» и спросил его: «Может, ты дзюдо занимаешься?» Так он возражать стал и доказывать мне, что ушу – это другое боевое искусство, и существуют сотни стилей ушу. Что там характерны удары ногами и многочисленные перемещения, что они классифицируются по трём центрам возникновения и по долинам рек. Что слово «ушу» состоит из двух китайских иероглифов и переводится как «воинское искусство». А школу, позиционирующую себя как место, где учат боевым навыкам, называют Ушу. Что мастер боевого искусства – это человек, постоянно работающий над собой и своими навыками.

Сергей чуть помолчал и продолжил:

– Мы когда с ходки возвращаемся, то можем себе позволить расслабиться, тем более что приезжают так называемые спонсоры из числа советских представителей, находящихся в командировке за рубежом. Они все здесь с семьями и друг за другом следят, а у нас им проще. Мы рыбаки, и нас не интересует их жизнь за границей. Поэтому они к нам приезжают, чтобы затариться свежей рыбкой и продуктами, привозят спиртное, и мы

все дружно начинаем «борьбу с малярией». Лекарство от неё одно – джин «Гордонс».

Сергей рассказал, что поначалу Николай за стол не садился, на верхнем мостике занимался ушу, а после подсел на спиртное и ушу забросил. Так к нему эта кличка и привязалась – Ушу. В глаза ему не говорят, а за глаза иначе, как Коля Ушу, и не зовут. Коля с капитаном – запойные ребята. Капитан – кошелькист. Много лет трудился на кошельковом лове и в нашей базе числился на хорошем счету. Но здесь другой вид промысла, а он на траловом лове не работал. Хорошо, что старший помощник капитана оказался опытным – флагманским капитаном в базе был. Промысловый район знает хорошо. Но так получилось, что попасть сюда смог только на должность старпома. Очевидно, связей с начальством не хватило. Он мужик покладистый, но пытается устанавливать флотский порядок. А здесь отношения между членами экипажа другие. Мы все наставники, а не подчинённые. Каждый отвечает за своё дело. Ты штурман – неси свою вахту, механик – свою. Коля Ушу несёт свою в койке, Толян – на камбузе и в машине, стармех крутится возле камбуза, если голоден, или спит в каюте. Здесь каждому своё. Это и бесит старпома, но изменить он ничего не в силах – у каждого свой контракт. Поэтому он и сидит сутками в ходовой рубке, а капитан в это время пьянствует или отсыпается, переставая ориентироваться в пространстве и времени.

Тут вчера мы с Толяном жарим котлеты, а он припёрся на камбуз и начал жалобно так цыганить у нас: «Ребята, а можно я котлетку возьму попробовать?» – «Ну на, попробуй», – отвечает ему Толян.

Так тот ещё пять раз приходил за котлетами. А после у меня спрашивает: «Серёга, а мы давно в ходке?»

А я смотрю на него – вроде с виду нормален, только лицо после запоя одутловатое и прёт потом от него, как от дворовой собаки. А когда трезв, так к нему не подступись – гонористый и строит из себя большого начальника. «Вы бы, Андрей Иванович, сходили в душ, – говорю я ему, – да от спиртного отдохнули хоть

денёк. Вы в иллюминатор посмотрите. Видите причал? А разве у причала рыбу тралом ловят?» – «А ты не сильно умничай, Серёга», – полез в бутылку капитан и, обидевшись, отправился к себе в каюту.

До сих пор я кэпа ещё не видел, – закончил свой длинный монолог Сергей.

Пока Сергей знакомил Владимира заочно с членами экипажа «Амбриша», тот успел разложить свои вещи в рундуке и, закончив эту работу, сел на стул у небольшого столика возле иллюминатора, чтобы передохнуть. Каюта оказалась достаточно просторной, рассчитанной на проживание в ней четырёх человек. Но, поскольку она была предоставлена для двоих, то места хватало. Сергей тоже сел на стул напротив нового соседа и притих.

– Послушай, Сергей, а ты не знаешь, что означает слово «Амбриш», почему так называли судно? – спросил Владимир.

– Конечно, я знаю, – ответил Сергей.

Он удобней разместился на стуле и, глядя в сторону от собеседника, словно что-то высматривая вдаль, стал рассказывать, что на севере Анголы расположена провинция Бенго, в состав которой входит город Амбриш. Сегодня губернатор этой провинции назначает администрацию Амбриша. А раньше там была база движения ФНЛА, так называемого Фронта национального освобождения Анголы, и 11 ноября 1975 года в Амбрише была провозглашена независимость Демократической Республики Ангола – государственного образования, альтернативного Народной Республике Ангола, провозглашённой Агостиньо Нето. В Луанде наши строители соорудили ему мавзолей. В результате контрнаступления вооружённых сил МПЛА – левого Народного движения за освобождение Анголы – и кубинских войск силы ФНЛА были разгромлены в январе 1976 года. С 11 января 1976 года Амбриш находится под контролем правительства МПЛА. Это древнее поселение, которое было известно ещё до колонизации этого африканского государства португальцами. Сегодня основу городского и муниципального хозяйства Амбриша составляют рыболовство и сельское хозяйство.

Уже разведаны запасы нефти, функционируют порт и аэропорт, работает маяк. Автомобильная дорога соединяет Амбриш с Луандой.

Владимир внимательно слушал Сергея и всё больше проникался симпатией к этому далеко не глупому парню, который так доходчиво рассказывал ему об истории такой богатой земли. Земли с прекрасным климатом и богатыми недрами, из-за владения которыми и в настоящее время её ещё раздирает кровавая борьба между стремящимися к власти группировками.

– Я вот задумываюсь иногда: а если бы не было здесь гражданской войны, от которой страдает простой народ, эта земля была бы цветущим раем? – с лёгкой грустью в голосе закончил свой рассказ Сергей.

Реставраторы

Прошло совсем немного времени, и Владимир полностью освоился на новом месте. Ему казалось, что он так давно здесь находится, что ничем не отличается от тех, кто отработал на судне полгода. Как-то незаметно он влился в этот разношёрстный коллектив. Выпивал он редко, может, поэтому и пользовался уважением у неумеренно пьющих людей. Ведь известно, что им часто не хватает спиртного, и тогда очень хочется, как говорится, «догнать», а он им соперником за столом не был. Напротив, он даже выставлял на общий стол спиртное, хотя сам его не употреблял. Через Торговое представительство СССР в Луанде каждому специалисту был открыт счёт в суперсовременном по тем временам магазине под названием «Джумба». Владимир, посещая его, покупал там спиртное, расплачиваясь за покупку пластиковой карточкой. Это сейчас никого не удивит такой картой, а тогда это казалось каким-то чудом.

Во время стоянки судна у причала рыбного порта к рыбакам в гости приезжали наши специалисты. И при встрече гостей по доброй русской традиции накрывался стол, и рыбаки щедро угощали гостей. По законам гостеприимства специалисты приглашали к себе домой

рыбаков. Сергей дружил с одним советником посольства и часто бывал у него дома.

Однажды во время очередного посещения судна этот советник рассказал рыбакам, что в соседнюю с ним квартиру заселилась многодетная семья ангольского офицера. Этот сосед, очевидно, затеял ремонт квартиры, так как начал разбирать паркетные полы и выносить паркет из квартиры, складировав его в нише возле входной двери.

– Наконец-то нормального человека подселили, не то что прежний был, грязнуля, – сделал заключение советник. – А этот вроде бы культурный, говорил мне, что учился в Москве. Вот и реставрацию затеял в квартире.

Каково же было его удивление, когда спустя несколько дней, проходя мимо раскрытой двери в квартиру соседа, он увидел в центре комнаты небольшой костерок, разожжённый на бетонном полу, освобождённом от паркета. Над ним, подвешенный на треноге, висел котелок, в котором готовилась еда. Этот котелок был как две капли воды похож на тот, который недавно пропал из кладовой советника. Котелок ему подарили наши морские пехотинцы, когда их десантный корабль заходил в Луанду для пополнения запаса топлива. В костерке весело потрескивали ровные гладенькие дощечки уже не нужного этим жильцам дорогого дубового паркета, когда-то привезённого из далёкой Португалии.

Иногда в свободное время Владимир с Сергеем, чтобы не мучиться от безделья, ездили в советское посольство в Луанде, чтобы узнать новости, посмотрев телевизионную программу «Время», и утолить жажду кружечкой пивка в буфете. На территории посольства была смонтирована большая спутниковая антенна. Вечерами многие специалисты приезжали сюда, чтобы развеять тоску по далёкой Родине, побеседовать со знакомыми. Находиться на судне целыми сутками – дело утомительное. Рыбаки с других судов также приезжали в посольство, как говорится, на огонёк. Иногда к ним за столик подсаживался солидный седовласый мужчина, которого можно было принять за консула или даже за самого посла. И хотя вид у него был солидный, должность в посольстве он занимал самую что ни на есть прозаическую – завхоза. Эта его фактура сыграла

злую роль в дальнейшей карьере. Он долго искал возможность попасть на работу за границу. И вот такая возможность у него появилась, и он прилетел с женой и десятилетней дочкой в Анголу. Место, конечно, не самое радужное на земле, не Европа и не США, но зарплата несравнима с зарплатой скромного советского служащего. Он окунулся в вечное лето с африканской экзотикой. Прилавки рынков круглый год здесь полны овощей и тропических фруктов, которых он ни разу в жизни не пробовал и даже не видел. Поэтому трудно сомневаться в том, что ему крупно повезло. Представьте себе хоть на миг, что однажды летним солнечным утром, когда вы выходите из спальни на балкон, совсем рядом с домом, в котором вы живёте, на песчаный берег накатывает свои тёплые волны Атлантический океан. Может, и вы вдруг начнёте ощущать себя не простым, а Богом избранным человеком.

Шло время, и поскольку, как сейчас стало известно, основная часть состава посольства – это люди служивые, военные советники и специальные сотрудники других серьёзных ведомств, то кто-то, учитывая солидность завхоза, стал обращаться к нему «товарищ полковник». Это обращение к завхозу прочно прилипло и очень ему нравилось, и вскоре все к нему обращались не иначе как «товарищ полковник». Оно поднимало его значимость и льстило самолюбию.

Но жизнь так устроена, что тайное когда-то становится явным – «шила в мешке не утаишь». И часто расплата наступает неожиданно быстро. Так вышло и на этот раз. «Шило» так больно укололо завхоза, что он надолго запомнил этот укол. Ангольским спецслужбам стало откуда-то известно воинское звание завхоза посольства. Совсем скоро наш посол получил ноту. В ней было сказано, что при советском посольстве в Народной Республике Ангола под скромной должностью завхоза скрывается разведчик в звании полковника. Он признан персоной нон грата и должен в течение 24 часов покинуть пределы республики.

Как потом говорили, завхоз валялся в ногах посла, доказывая, что служил только срочную службу, которую закончил в звании ефрейтора. Он уговаривал посла, чтобы тот обратился

к ангольским властям и они отозвали свою ноту. Но кто будет хлопотать за маленького человека, очутившегося в беде, той беде, в которой человек оказался сам по своей простоте и наивности. Ведь всем давно известно: «каждый сверчок, знай свой шесток». А дипломатическая служба – дело тонкое, и в ней нет места эмоциям. Через сутки завхоз с семьёй улетел в Союз.

И вот однажды вечером, когда по телевизору смотреть было нечего, так как транслировали какой-то балет, а по радио целый день звучала грустная мелодия, все переместились на открытую веранду буфета. Сидя за столиками и попивая холодное пиво, люди наслаждались вечерней прохладой под звёздным южным небом. Владимир заметил, что парторг посольства проносит мимо них большой портрет Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачёва. В то время, чтобы сегодняшнее молодое поколение могло понять всю важность ситуации, это было равносильно тому, если бы из церкви начали выносить иконы святых. Владимир не удержался и спросил у парторга:

- А куда вы несёте портрет?
- Несу на реставрацию, – ответил парторг.

«Ну на реставрацию так на реставрацию, – подумал Владимир, – реставрация – дело нужное». Недавно у знакомого советника сосед тоже затеял реставрацию.

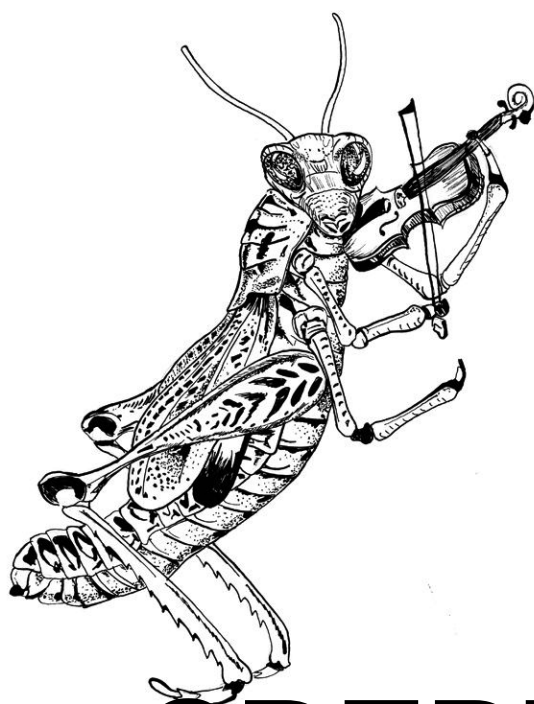
Несколько следующих дней в посольстве было тихо. Буфет не работал, и телевизор не включали, а когда работа возобновилась и улыбающийся парторг с гордостью нёс портрет Михаила Сергеевича на прежнее место, Владимир зачем-то задал ему глупый вопрос:

- Уже отреставрировали?
- Да, всё сделали, слава Богу, – ответил парторг, старый атеист, успевший за эти несколько дней даже поверить в Бога.

Через короткое время рыбаки узнали, что в Москве произошёл путч, который был успешно подавлен.

Но это уже был закат прежней партийной власти, о чём моряки ещё не догадывались, но крушение которой вскоре прокатилось, словно огромный каток, по всем народам СССР.

СВЕРЧОК

РАССКАЗ

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в отставке,
ветеран-подводник

Как-то в один из полётов Воздушного командного пункта (ВзПУ) ВМФ на Черноморский флот наш самолёт из-за погодных условий посадили на аэродром Гвардейский в центре Крымского полуострова. Надо отметить, что время было неподходящее для прогулок, конец февраля везде сыкотный, а какая-то пакостная изморось вообще вгоняла в грусть. Так что благодаря природным условиям всё командировочное население этого степного гарнизона собралось в гостинице у телевизора. Передача была неинтересной, и постепенно офицеры группами стали растекаться по комнатам. Одни стали составлять партии в шахматы, другие – в домино – («флотского козла»), а некоторые занялись просто

«травлей», без которой не обходится ни одна флотская мужская компания.

В одну из таких групп попал и я. Она состояла из солидных командиров, прослуживших на флоте не менее 20–25 лет, и, конечно, большинство этих лет было потрачено на корабельную жизнь, или, как говорят у нас на флоте, на освоение морей и океанов. Я не оговорился – сначала были моря, а потом уже флот вышел в океан.

Как всегда, беседа завязалась со споров о преимуществах и недостатках наших кораблей и самолётов в сравнении с иностранными. Всё познаётся в сравнении. Потом споры стали незаметно затухать. Стали вспоминать случаи, которые происходили с участниками беседы или близкими, сослуживцами. При этом можно было заметить интересное различие в рассказах: если рассказывал корабельный офицер, он всегда употреблял местоимение «мы», если

лётчик – то «я». Это своеобразие употребления местоимений наложено спецификой службы. На корабле и экипаж солидней, и действия его взаимозависимы, а на самолёте чаще всё зависит от индивидуальности, поэтому и в рассказах лётчиков чаще слышится «я», а не «мы».

Но во всех случаях права народная молва – без человека техника мертва! А вспомнить о хороших людях никогда не грех. Вспоминают больше случаи, где героями являются другие люди, о себе мало кто говорит. Здесь больше не скромности, а психологии – ты скажешь о других, другие вспомнят тебя.

В рассказах о сослуживцах офицеры чаще вспоминают о матросах срочной службы. Наверное, потому, что, когда те приходят на службу, разница в возрасте составляет около десяти лет, и офицеры относятся к ним как к сыновьям. А о хорошем сыне всегда приятно вспомнить, тем более когда из плохого человека сделал хорошего.

Борис Решетников, капитан первого ранга, вспомнил, как он в молодые годы осваивал Средиземку на тральщике, который был, конечно, не верх совершенства, но всё-таки имел ряд бытовых преимуществ перед дизельными подводными лодками, поэтому его корабль частенько использовали как «баню» для асов морских глубин.

– Тральщик около двух месяцев «болтался в морях», а в те времена это уже был подвиг. Каждое большое дело начинается с малого. Мысль о земле вызывала зуд в спине. Мы тогда традиционно не имели баз на чужих территориях, и мечты о доме одолевали каждого. Для моряка корабль – родной дом, и поэтому традиции дома, освящённые вековой народной мудростью, он старается перенести сюда, на место своей воинской службы. А мы, об этом часто забывая, лишаем их иногда, на наш взгляд, безделушек, связывающих их с домом и дарящих им какой-то уют и вдохновение в короткие часы отдыха. Автономное плавание – это тяжёлые психологические нагрузки длительного характера. Такие плаванья открывают глубокую, может быть, ещё до конца не понятую нами истину – человек

гораздо глубже, загадочнее, выше всяческих социальных масок, которые мы ему навязываем. За абстракциями легко потерять его реальность, его живую душу...

– Да! – дополнил капитан второго ранга Леонид Сычов. – Особенно для подводников. Помню эпизод, правда, это уже было на атомомходе, когда был запущен в космос космонавт № 2 Герман Титов. Мы это сообщение получили на тридцатый день плавания под водой, и все были готовы два дня крутиться там, чем неизвестно сколько ещё бороздить нутро океана в стальном корпусе...

Разговор, оставаясь в том же русле, грозил затянуться. Всё зависело от состояния погоды, ведь мы находились на флотском аэродроме.

– На моём корабле была одна достопримечательность, о которой трудно просто так догадаться, – продолжил свои размышления Решетников. – Мы привыкли понимать под этим словом что-то значительное или фундаментальное. Что, как вы думаете, это было? – спросил он присутствующих.

Перечислялись самые невероятные атрибуты морской принадлежности. Почему-то в таких случаях мысли сосредотачиваются на профессиональных предметах. И уже сдались угадывающие, стали раздаваться возгласы «продолжить рассказ!» – ожидалось что-то интересное. Но вдруг раздался неуверенный голос – не то вопрос, не то ответ: «Не сверчок ли?» Все застыли в недоумении, так не гармонировал рассказ о море с каким-то прозаичным, чисто сухопутным насекомым, которое к тому же очень надоедает людям ночью. Его стрекотанье одних умиляет, а других раздражает. «И это насекомое – достопримечательность боевого корабля? – подумали многие. – Да не может быть!»

Решетников внимательно посмотрел на говорившего и медленно спросил:

– Откуда вам это известно?

Леонид Сычов сказал уже уверенным голосом:

– Я долго всматривался в вас, мне казалось, что мы где-то встречались. А когда вы начали рассказ о Средиземке и о тральщи-

ке, я, ещё сомневаясь, подумал, что мы оба являемся участниками одной истории, главным героем которой был сверчок с тральщика по кличке Пётр. Так?

– Совершенно верно!

Кто бы мог подумать, что через двадцать лет где-то на затерянном аэродроме могли встретиться два участника этой истории в море с двух разнотипных кораблей?.. Но, как говорят, «гора с горой не сходится, а человек...». Жизнь иногда преподносит нам и не такие сюрпризы.

Слушатели возбудились и потребовали рассказать эту историю и от Решетникова, и от Сычова. Ночь обещала быть короткой, без сна. Но так уж устроен человек – интерес превышает всего. По традиции, сложившейся на флоте, рассказ начал младший по званию.

– Мы уже не один месяц «кувыркались» в море, то всплывая, то погружаясь. Ведь дизельная подводная лодка не совсем подводная, а скорее нырок. Но настоящие моряки-подводники воспитываются именно на них, проходя через все морские прелести: болтанка до рвоты, солёный душ на мостике, частенько свежий морской воздух в изобилии, но... по бытовым условиям до атомоходов им далеко. Там стерильная чистота, пресный душ хоть каждый день и, что главное, у каждого своя койка с чистыми простынями. Дизелисты такой быт считают для себя непозволительной роскошью. А бани ждут... да что там говорить! Одним словом, ваш покорный слуга служил в те времена на одной из таких нырялок. И вот при очередном сеансе связи мы получаем долгожданное радио с указанием следовать в такой-то квадрат, встретиться там с тральщиком и по договорённости с его командиром произвести помывку личного состава.

По лодке была дана команда – приготовиться к бане. Команду охватил деловой восторг, а мне отводилась немаловажная роль – я был помощником командира, и все организационные, да и бытовые вопросы этого мероприятия решались мною непосредственно.

Дошли мы до указанного квадрата без всяких происшествий, там нас уже ожидал ваш, Борис Александрович, тральщик, и вы разре-

шили, опять же по договорённости, швартоваться к вашему борту. Своих плавсредств лодка не имеет.

Командир наш, как и полагается в таких случаях, направился с визитом к командиру тральщика, а я, решив организационные вопросы с вашим помощником, заступил на вахту, посчитав лучшим местом для координации мероприятия мостик нашей лодки. Погода была благоприятная, мероприятие организовано, люди размягчались и добрели после бани и охотно сменяли своих товарищей на вахте у механизмов. Боевой корабль в море в любых ситуациях остаётся боевым. Пришёл и мой черёд поблаженствовать минут тридцать, больше нельзя, дела.

Доложив командирам, что мероприятие – никак не отвязаться от этого казённого слова – по помывке личного состава подводной лодки выполнено, мы тем самым дали им возможность продолжить свой разговор в душе, а членам команды подводной лодки пообщаться в это время с командой тральщика, где многие встретили земляков. При таких встречах вдали от родных берегов земляком тогда считался любой гражданин Союза, в каком бы краю он ни проживал – от Балтики до Тихого океана. Происходил «обмен сувенирами», как модно сейчас делать при различных встречах.

Всё шло без происшествий, по намеченному плану. Наступило время отдавать швартовы. Мы дружески распрощались с гостеприимной командой тральщика, его командиром и плавно отошли от борта, не предполагая, что через какие-то пять-десять минут попадём в нехорошую историю, окажемся в роли похитителей одного из «членов команды» тральщика.

Уже была дана команда готовить дизель на винт, когда с тральщика – время подходило к вечерним сумеркам – нервно последовали световые проблески прожектора. Сигнальщик сбивчиво повторял одну букву «С», что означало «Застопорить машины!». «Что у них там стряслось?» – недоуменно спросил наш командир. На мостике находились кроме него я, замполит и сигнальщик, старшина срочной службы, рулевой был под козырьком мостика. Увидев,

что мы застопорили машины и легли в дрейф – от тральщика мы находились уже не менее чем в двух кабельтовых, – оттуда начали передавать странный семафор: «Верните нашего сверчка Петра. Командир». Вниз последовала команда механику: «Разобраться, кого из команды тральщика мы по ошибке захватили с собой!» Не удивляйтесь – бывали такие случаи, когда моряки надводных кораблей, особенно плавбаз, из романтических побуждений пытались зайцами остаться на подводных лодках. Но их тут же выявляли. При любом отходе на лодке проверяется личный состав поимённо, осматриваются отсеки и докладывается в центральный пост. Да и старпом с замполитом в это время обходят всю лодку.

Пока мы проводили все эти проверки, осмотры и прочее, сигнальщик с тральщика засыпал нас семафорами, в которых везде было слово «сверчок». Мы недоумевали. Что это такое или кто такой? Поверьте, никому на мостике, за исключением рулевого, как выяснилось потом, сразу смекнувшего, о чём речь, но молчавшего как рыба, не могло прийти в голову, что весь сыр-бор разгорается из-за насекомого, причём самого прозаичного в обычных земных условиях, а здесь превратившегося во что-то ценное. Раритет.

На тральщике между тем, видя, что мы не собираемся подходить к ним обратно, стали сниматься с якоря и приближаться к нам на голосовую связь. В это время в подводной лодке шла своя кампания по разбору семафоров с тральщика, но докладов снизу не поступало, хотя туда был направлен замполит. Командир нервничал – хуже нет неясной обстановки, ставящей в тупик, – и всё это выливалось в вопросы ко мне, на которые я не мог дать вразумительного ответа. А время шло, и наша точка удалялась от нас, но мы должны были её догнать, а резерв скорости уменьшался. Неожиданно поток проблесков прекратился, тральщик подошёл на расстояние голосовой связи. В мегафон (уже существовали электромегафоны) мы услышали объяснения командира тральщика.

Историю продолжил Борис Александрович:

– Ещё до отхода из Севастополя я знал о появлении на корабле сверчка. Его привёз из отпуска матрос Роман Микитенко, родом из Николаевщины. Ему довелось перевозить престарелую мать из хаты в благоустроенную квартиру, а в народе есть поверье: сверчок – хранитель очага. Помните, это ещё в «Буратино» описано – мудрый старый сверчок. И вот, чтобы успокоить мать, что «родовой сверчок» не погибнет, Микитенко сделал отменную коробку, поймал серо-бурого сверчка в своей хате, идущей на снос, – их было, конечно, много там, но он выбрал одного понравившегося, – показал его матери и увёз с собой. Прибыв на корабль, он, конечно, не распространялся, но, как говорят, «шила в мешке не утаишь», а сверчка немой не сделаешь, разве только сделав его калеккой. Но на такое матрос не способен. И скоро о сверчке знала вся команда.

Вначале были и недовольные, но потом, уже по выходе в море, сверчок стал всеобщим любимцем, и те, кто раньше возмущался и требовал его удаления с корабля, пришли к помощнику просить отменить решение о его списании. Я сделал это с великой радостью, потому что и сам проникся к нему симпатией. Потом уже мне стал понятен смысл такого поведения – у каждого в душе, где бы он ни был, остаётся частица родного дома, именно дома, где бегал голопузым пацаном. Лучшего напоминания об этом счастливом времени, чем живое существо, пропитанное духом этого дома, нет. А сверчок как нельзя лучше всё это воплощал в себе для многих, тем более в те времена подавляющую часть личного состава флота составляли украинцы, русские, белорусы, армяне, грузины. Были и болгары, греки... И если разобраться, то у всех у них сверчок является признанным домовым. Кажется, сверчки есть всюду. Как-то в одной книге читал: «И мы в течение нескольких минут находились в забытьи – по реке текла не вода, а будто свет. И оживали тугай с каждой минутой. Сверчки, шакалы начали свою вечернюю серенаду». Так что и в пустынях они есть, но везде, наверное, имеют свою национальную принадлежность. Я понял это позднее, натолкнувшись на рассказ

о сверчке в воспоминаниях Н. В. Крандиевской-Толстой. Она пишет: «Мы снимали флигелёк в парке, за клубничными грядками, и в стороне от флигелька – маленькую сторожку, где Толстой работал. Это была бревенчатая, прохладная избушка в два окна. Сосновый стол, на нём пишущая машинка да букет васильков, скамья, плетёное кресло – вот и вся обстановка. За окном густая чаща парка. Тишина. Только шелест могучих лип да медовый запах залетал порой с ветром в этот маленький лесной кабинет. Толстой его любил и говорил, что ему здесь работается лучше, чем в городе.

По вечерам в сторожке, когда на столе зажигали лампу и над абажуром кружились ночные бабочки, вылезал откуда-то сверчок, похожий на маленький сухой сучок. Он садился всегда на одно и то же место, около чернильницы, и помалкивал. Когда же в стук пишущей машинки наступали долгие паузы и Толстой в тишине обдумывал ещё не написанное, сверчок осмеливался напомнить ему о своём присутствии. Возьмёт вдруг и стрекотнёт и опять замолчит надолго...

Много лет спустя в немецком курорте Миздрой, устраивая для Толстого рабочий уголок на балконе (он писал тогда «Аэлиту»), я спросила, удобно ли ему и чего не хватает.

– Чего?

– Сверчка. Помнишь, в Антоновке?

– Где же взять его? – сказала я. И обоим нам стало грустно, потому ли, что далека была Россия, потому ли, что далека была молодость? Потому ли, что ни того, ни другого ничем заменить нельзя?»

Вот так у нас на корабле появился нештатный воспитатель патриотизма, бессловесный, но очень эффективный.

Много рассказов о том, как на кораблях жили любимцы команд: медведи, собаки, попугаи, а вот сверчок... Если бы это было не у меня, я бы тоже вряд ли, может, поверил. Но это факт.

И офицеры не оказались глухими к этому насекомому, зримо напоминавшему о доме. Заходили в кубрик послушать его

песню, а там непроизвольно возникали душевные беседы. Человек не любит выступлений от лица официальных организаций, так называемых полномочных представителей. Именно в беседах, зачинателем которых был сверчок, это отсутствовало напрочь. Так что он, не подозревая о том, выполнял большую и полезную воспитательную работу.

Мы часто стараемся убедить людей чем-то глобальным, огромным и не видим того, что это большое не вмещается в их души. Не хотим понять, что им ближе маленькое, но очень дорогое для них. А если говорить о живом существе, то здесь очень заметна привязанность человека к тем, кто ищет его защиты. Вы, наверное, замечали, что все нежнее относятся к маленькой болонке, чем к огромному догу. (Бывают, конечно, исключения.)

Поэтому понимаете моё состояние, когда мне доложили, что исчез Пётр. И другой версии его исчезновения нет, кроме как – его взяли подводники. Я немедленно стал предпринимать действия, о которых уже говорил Леонид Николаевич. А в это время среди команды тральщика тоже шёл разбор – как это могло случиться? Немалую долю участия принимали и офицеры. Вывод был один – сверчка похитили! Состояние команды было состоянием незаконно обиженного человека.

Лодка застопорила машины, мы подходили к ней. Швартоваться не стали, вели разговоры мегафонами, ждали выяснений. Командир лодки извинился за причинённое беспокойство. Командир всегда за всё в ответе. Но тогда он ещё не знал, как там, внизу. Я видел его волнение и беспокойство, он нервно курил сигарету за сигаретой. Вдруг раздался его радостный крик: «Да, у нас! Присылайте шлюпку!» Это был ход конём. Чтобы не накалять страсти и не швартовать корабли бортами, я был согласен с его просьбой. Шлюпка мгновенно направилась к подводной лодке, где взяла её замполита с нашим Петром, иногда и замполитам приходится выполнять неприятные миссии, как говорят, выправлять недочёты в своей работе. На борту тральщика состоялась официальная передача

нашего сверчка нам же, конечно, со многими объяснениями и извинениями, которые были приняты членами нашего экипажа. Все поняли мотивы похищения. Проверили состояние сверчка, и инцидент был улажен «мирным путём». Команда тральщика заверила замполита, что не держит зла на коллег, просили не наказывать ребят. Ещё сказали, что сверчок долго бы на лодке не прожил, так как он воспитан на чистом морском воздухе, а «в подводной лодке воздух очень плох...», и они слышали, что животные, которых пытались иметь на лодках, жили до тех пор, пока субмарины находились у причалов, в длительных походах они не выживали. Вот сейчас на атомоходах живут попугаи, черепахи и другая живность в уголках психологической разгрузки. Прогресс налицо.

– Да, это так, – продолжил рассказ Леонид Николаевич. – Когда ребята-подводники услышали концерт сверчка, у них непроизвольно появилось желание иметь его у себя. Но Пётр был единственным на всём Средиземном море. Что только за него не предлагалось, но он был реликвией, а реликвии не меняются и не продаются. Поэтому, если говорить честно, состоялось его похищение.

Конечно, потом были и комсомольское собрание, и наказания, и душевные беседы. Но... дело не в этом. Само по себе это событие заставляет нас, офицеров, несколько нетрадиционно взглянуть на сам воспитательный процесс. Ведь матрос – это человек 18–22 лет, который ещё крепко связан с домом, приходит на корабль, и мы стараемся ему внушить, что это его второй дом. Но мне кажется, здесь надо чуть изменить интонацию и убеждать его, что корабль – продолжение его дома...

Там, где офицерский состав, анализируя примеры, преподносимые самой жизнью, извлекал уроки и претворял их в дело, как правило, команды были отличные не на бумаге, а истинно такими. Это редко замечалось официально, но хорошо видно в жизни, потому что мне часто приходилось потом встречать бывших матросов, которые узнавали

меня в городском транспорте и в Ленинграде, и в Москве. Все стали хорошими людьми, многие – орденосносцами за ударный труд, перещеголяв своих командиров. Очень приятно было слышать от них слова благодарности за хорошее наставничество в жизни. Сейчас это редкость, в печати читаешь только негатив – неужели всё так стало плохо? Поруганы традиции, люди стали хуже, не только офицеры... или это кому-то нужно всё чернить? Много вопросов...

Слушатели требовали дальнейших сведений о судьбе Петра. Время близилось к рассвету.

– Чтобы не мучить вас, – сказал Решетников, – буду закругляться. Наверное, его уже нет в живых. Как известно, жизнь насекомых коротка. Но потомство он наверняка оставил.

Мы ещё с месяц помотались в море и вернулись к родным причалам Крыма. Тральщик становился в док, многие разъезжались в очередные отпуска, а другие поощрялись отпусками за честную, добросовестную службу. На общем строевом собрании корабля было решено и Петра отпустить в бессрочный отпуск за славно выполненный долг перед родной державой. Была выделена делегация во главе с офицером. Петра отвезли в деревню Андреевку, в степь выпускать не стали, он там мог и не выжить. Попросили у одной престарелой женщины выпустить его к ней в сарай. Когда ей рассказали его историю, то она настойчиво просила пустить его прямо в хату, говоря, что у неё есть свои такие свиристели...

Так вот и закончилась эта история, и наш Пётр снова остался под попечением человека.

Пора было расходиться по каютам – моряки и на берегу комнаты называют каютами, – обещают лётную погоду. Вот тебе и Пётр! У каждого в его жизни и службе есть вехи, вроде бы незначительные, но запоминающиеся на всю жизнь. Жизнь – интересная штука, и её надо строить вдумчиво и относиться к ней бережно...

Брезжил рассвет нового дня!

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица» и альманаха «Рождественская встреча», автор 33 книг прозы и поэзии.

Я верю Плутарху

* * *

У кого как. А я – женщина из провинции.
Сахарову ссылка, а мне – дом родной!
Анненковым ссылка за их провинности,
за декабристов восстание зимой.

А мне Большая Печёрская – лучшее место!
И особенно кладбище, где люблю я гулять.
И Острог на Свободе, где Дзержинский
Феликс
отбывал наказание, Союзпечать

возле улиц Ошарская, мимо Белинки,
здесь купить «Литгазету» могла я всегда,
а ещё на бандитско-Канавинском рынке
отоваривался мой народ без труда.

Да, им ссылка.

Им ссылка.

А нам что копилка.

Нам ларец. Шамшуренков и Горький
в придачу.

Короленко – на дачу. И Кочин – на сдачу.
Нам – священное место, а им пересылка.

Тот, кто нынче взял, выиграл грант
президентский,
тот, кто ушлый, тот выиграл премию,
конкурс.

Неужели за это они все боролись?
Каторжане да ссылочные, диссиденты?
Отщепенцы, наивные, словно младенцы?
Из провинции я! Рассуждаю по-женски.

Им окраина. А мне град-ось. Центр.

Сближение.

Им тюрьма. Им этап. Но тропа мне – царёва.

Инда я побреду... ах, деревня, деревня!

Как же ново в тебе, всем другим что не ново!

* * *

Меня воспитывали по-спартански:
нельзя бояться, когда сугробы,
нельзя котёнка, собаку хаски,
девичество береги ты в оба!

Беги три круга по стадиону,
давай отпор, кто ругнётся на мате.
Плутарх, писавший о Древней Спарте,
мне позавидовал бы сегодня.

Водой холодной меня обливали,
к конькам фигурным, как в пропасть Кеады,
меня приучали профессионально,
как будто бы для Олимпиады!

И я росла, всё подряд читала и рисовала,
чуть привирала, от Фиолента и до Ямала,
так же как все остальные дети.
Меня воспитывали по-пацански,
но не мальчишка я! Просто Света.

Держали так строго, как в чёрном теле,
любая провинность каралась жёстко.
Спасибо, право, что недогрели,
недовалили в тёплой постели.

Теперь скупа я на ласки и слёзки!
Прошла суровую школу, ибо
сама, считай, я детей взрастила,
сама рожала, без анальгина,
и без защиты жила, как без тыла!

И знаю, в старости не расклеюсь,
не опечалюсь, не сяду в кресло.
Не стану нести я всякую ересь,
там, где страна моя, с ней я вместе!

И стану я хлопотать над теми,
кому сегодня труднее стократно!
Не зря Плутарх написал, что время
всегда сурово.
Я верю Плутарху!

* * *

Ледяная да медная, волчья моя!
Ты же знаешь, как этих младенцев растить.
Мы, как Ромул и Рем, что вцепились в соски,
не родные тебе, не от птиц, от зверья.

Но волчицы той серенькой, волчий тот вой
колыбельною песнею был нам живой
до судьбы, до любви, до житья лабиринт:
мне понятен твой сверхматеринский инстинкт.

Я бы тоже хватала волчицы соски,
чтобы выжить, чтоб Рим как он есть основать:
камня вязь, стены, башни, мосты у реки,
цепи, палубы и крепко свитый канат.

О, какой у меня был звериный бы стон,
с молоком что в меня пропитался бы, втёк!
Через горло, гортань что в меня вознесён.
Я не знаю, как быть, человеческий мой волк,
из каких ты во мне существуешь времён?

– Жить хочу!
Пить хочу!
Молока, молока...
Слаще мёда оно, слаще мне колоска.

Не в кофтенке с сердечками, в стразах пришла,
а сурово, по-зверьи дала мне тепла,

усадила, вскормила...
По горстке стекла
я, срывая к ней кожу, ползла и ползла!
И не в лифчике женском, где белая грудь:
выпирает из выреза радостный бюст,
мне густого бы, масленого бы глотнуть,
так вцепиться зубами, чтоб слышен был хруст.

– Больно, больно, дитяти, до крови степной.
– Больно, больно, дитяти, любимейший мой!

Вобрала бы в себя всё – до крика, до уст,
до ребра, тёплой кожи, молочных желёз.
Я же просто волчица: рёв, лапы да хвост...
Я своих потеряла убитых волчат,
оттого и кормлю тебя здесь у ручья.
Мне неважно, кто ты – дева нищая, царь,
для меня ты – дитя, крика детского ларь.
Ты так горько вопила, просила еды,
ну, иди ко мне, дурочка, право, иди!

И смотрю: се не лапы, се руки-крыла.
Я вцепилась в её молоко. Я жила.
И она мне что мать, да и я ей как мать,
и она мне – старуха, я – старость ей вся.
Из меня можно памятник слепо ковать,
чтоб вмерзнуть,
всей по пояс планетой вмерзнуть!
Я волчиная плоть, и она плоть моя,
я вскормила ей всё – лес, предгорья, поля,
до рубахи, до плоти, любви, до голя, и
убила её, и воскресла в ея!

Вы кормили когда-то дитя так, как я?
Был потрескавшийся до крови сосок:
под лопатку аж било, как электроток.
Я кормила!

У вас – на Болотной протест,
у меня – мой дитя молоко моё ест.
Визг трамвайный у вас,
митинг возле застав.
У меня, где сосок, лишь младенца уста.
И на тоненькой ниточке крестик. Кормлю,
потому что я – мать. Молоко к февралю
не исчезло по капле в одну из всех зим.
...Скоро, скоро построим незыблемый Рим!

ЦЕРКОВЬ НА ИЛЬИНКЕ

Ах, Никола Угодник, моли ты о нас прямо в небо!
Мы – народ. Мы – простёрлись. Ты видишь нас всех пред собою.
Видишь бабушек, вяжущих спицами борисоглебно,
чтоб надели солдаты носки, коль зима, перед боем!

Видишь женщин, мужчин, что плетут маскхалатные сети
для солдат под Авдеевкой, сети из белых верёвок.
Ах, Никола Угодник, моли, чтоб осталась на свете
наша правда одна, что грохочет повдоль перепонки.

Так колотится сердце, вот-вот и порвёт наши рёбра!
Подставляли мы левую щёку – вторую и третью.
Если б что-то смогли изменить мы во судьбах народа,
разве только самим измениться и стать Божьей твердью,

что внутри прорастает у нас. И ты это всё видишь!
Я пришла ко твоей, я прильнула устами к иконе.
За себя ли просить? За детей? Да за мужа с поклоном?
Я прошу для сынов всей Руси, чтоб победный был финиш.

Чтоб у них – православных – всегда на груди крест посконный,
чтоб у них – мусульманин коль – пусть под рукою Коран был.
Вразуми ты безумных.
Ослепшим дай зренье.
Явь – сонным.
Забинтуй, наложи жгут, укол дай, таблетки, кто ранен.

Позабудь о сбежавших: Чубайсе, БГ, Полозковой.
Вспоминай об оставшихся, «Жди меня» – тоже молитвы!
Нужно что для победы? Ракеты, Орудия, Слово.
И тела наши белые, светлые там, на полях нашей битвы.

Мы – поля твои, Отче, мы – притча твоя, та, что Тройка,
нас придумала Птица Угодника свет-Николая!
Мы идём целым войском, идём с золотого Востока,
наши деды так шли, и теперь там же дети шагают,
видно, участь у нас – из Сибири лохматой, Урала
со знамёнами, песнями в берцах идти, в камуфляже.
Не хочу, чтобы нас и Россиюшки нашей не стало,
как не стало царя, СССР, полстраны моей даже.

Я хочу, чтоб вернули Херсон, Бучу, Харьков, Одессу!
И хочу, чтобы небо моё соловьями бы пело.
И хочу, чтоб берёзами. Цветом гречишным, воскресным.
Ну а если схоронят в день чёрный, хочу хлебом вызреть я белым.

Сергей ЛУЩАН

*Родился 7 ноября 1983 года,
проживает в городе Воронеже.*

ВЫСЕЛКИ

Вскружились потоки горячего воздуха.
Нагрелся лучами усталый асфальт.
И ветер-попутчик толкает без отдыха,
Он маревом тянет в родимую даль.
Я сам тороплюсь на забытые выселки,
Где дом опустелый и заперта дверь.
Ни на что не взирая, иду по развилке,
Где так я нечасто бываю теперь.
На улице встречу ребёнка-питомца,
Который сбежит от меня у колодца,
Где ветхую крышку откину рукой
И ржавое наполню я синей водой.
Железным ведром зачерпну настоящее,
Окину глазами родительский дом.
И прошлое вспомню, забвенно летящее.
Застыну на миг у колодца столбом!

КРЫМ

Ах, Крым! Ты русская душа.
Ах, Крым, ты русская Свобода!
И пусть так долго чуть дыша
Мы ждали твоего прихода.
Прошли года, и вновь весна,
Что Русской позже назовётся,
От бед закроет, как стена,
И песней на душу прольётся.
Построен мост, он как скала.
И Крымским мы его назвали!
Разбилась о него волна.
А родину враги не разорвали.
Ах, Крым! Ты русская душа.
Ах, Крым, ты русская Свобода!
Теперь с тобой мы не спеша
Готовимся для нового похода.

НЕБО

Небо люблю голубое, бездонное,
Ясного неба прозрачный обзор.
Облако вижу обычное, донное.
Чаду такому мираж не забор.
Каждый летает по небу ребёнок.
Даже во сне перепрыгнет шатёр.
Каждый летает по небу ребёнок.
В жизни его как пылает костёр.
Снова глазами взираю на беглое.
Что же усталые снова нашли?
Может быть, видится старое прошлое
Или люди, кто из жизни ушли?..

ВКУС ХЛЕБА

Прячет поле запах булки,
Словно разум прячет ложь.
Дух нашли трудяги-руки,
В поле что убрали рожь.
Вызнал запах хлеба пахарь.
Резал плугом кожу стерни
Ловко, словно лечит знахарь,
Груды чёрных комьев земли.
И нашёл тот каждый, самый,
Что с лукошком в поле был.
И работал всех упрямей.
В поле лень свою сгубил!

ВЕЛИКИЙ ХОПЁР

Когда-то у Пензы в степных ковылях
Дедуля с лопатой возился в ручьях.
И хлынула речка в низины, луга,
Лазурными иглами сшила века.
Дубравами всюду росли берега.
Бежали крестьяне на волю, в бега.
Плодились станицы, росли города.
Фрегаты поднялись и верфи Петра.
И баржи ходили, торговля была.
И выухоль русская всюду жила.
Повсюду встречался хозяин бобёр.
Обитель живого! Великий Хопёр!

КАЧЕЛИ ВЕСНЫ

На качелях она сидит одна,
Пылает счастьем её душа,
А март, угодник-дворянин,
Лучами греет, как камин.
Апрель завидует ему, молчит.
Мечтает он её в себя влюбить.
Но знает только лишь она,
Что в май по уши влюблена.

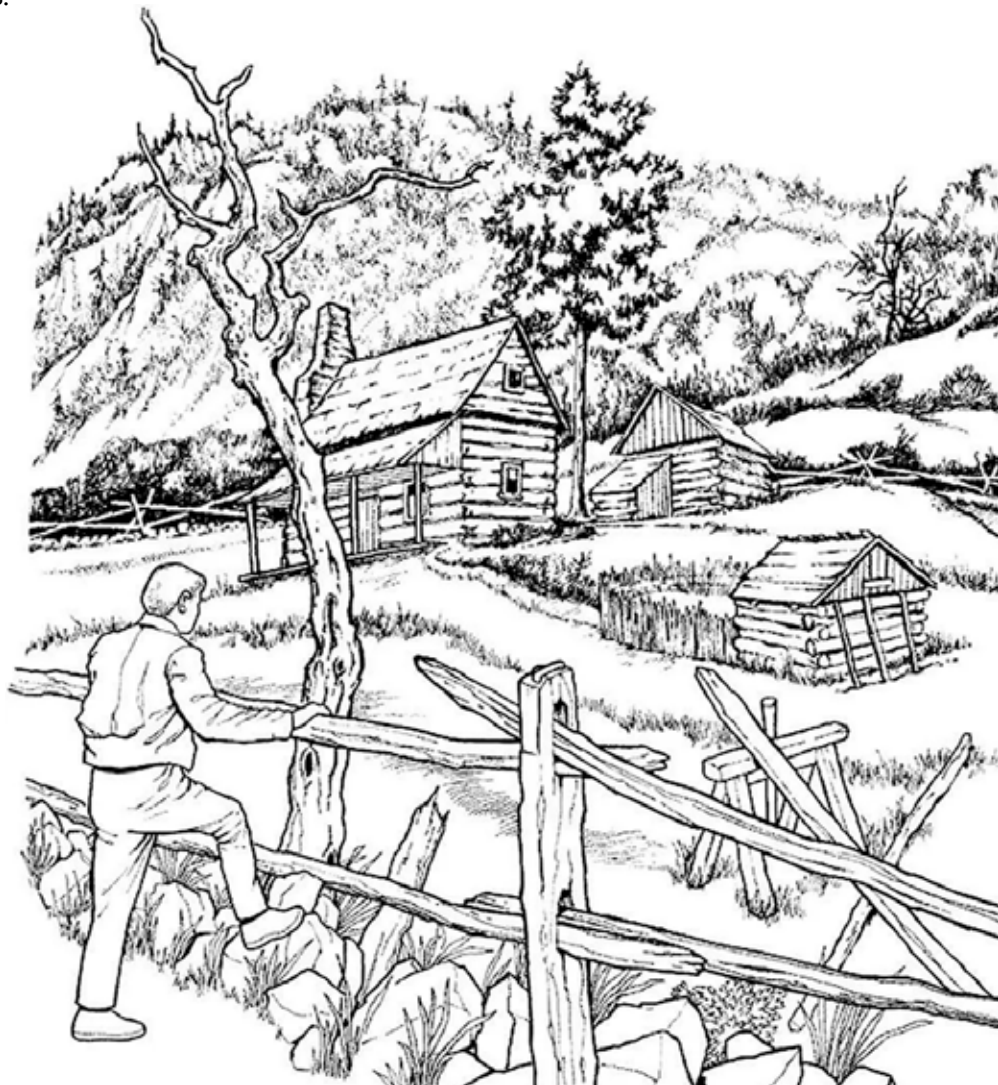
О ТОЙ ВОЙНЕ

Сухари промочились пшеничного хлеба
В опустелом кармане шинели насквозь.
Отсырели конверты, осыпалась верба,
Но пехота воюет в распутицы скользь.

А в залитых окопах он, будто зимовку,
Коротает солдат изнуряющую ночь.
В полумраке обнимет подружку-винтовку
И представит курносую рыжую дочь.

Не дают задремать те раздумья, тревоги.
Вспоминает, его как любила жена.
Умоляет он, просит спасенья у Бога,
Завершилась и чтобы исчезла война!

А наутро вперёд по кровавому следу
Он врага на штыки побежит поднимать.
И, штыком добывая большую победу,
Защищает отважно он Родину-мать!

ПАНОВСКИЕ САМОЦВЕТЫ

К 100-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА КОНСТАНТИНОВИЧА ПАНОВА

Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей РФ,
лауреат премии Бориса Панова

В своё время Андрей Вознесенский – Поэт, который в представлении не нуждается, – с грустью заметил очевидное: «Новое поколение читателей, увы, не знает Юрия Казакова, критика не упоминает о нём. Он незаметно исчез из литературного обихода, как исчезают из нашей флоры лесные ландыши...» До боли душевной горькое признание, но правдивое.

Минуло 15 лет, как нет рядом с нами большого русского советского писателя – замечательного очеркиста, рассказчика, повествователя, романиста и публициста Бориса Константиновича Панова, и вот уже стали покрываться дымкой, отходить в туманное прошлое его имя, его произведения. И на литературных встречах, где публика не только молодые люди, но и представители среднего, старшего поколения, многие смущённо переглядываются при упоминании этой некогда знаменитой писательской фамилии: дескать, что-то такое слышали и о нём, и о трилогии «Посреди степей», а вот почитать... извините!

Борис Панов родился 9 декабря 1923 года в селе с причудливым названием Елань-Колено, что в соседней, Воронежской области. С детства довелось ему хлебнуть немало горяшка: оказался сыном несправедливо (что выявилось полвека спустя) репрессированного отца – скромного почтового служащего. Это сегодня можно только поражаться: как всего лишь почтальон мог быть «врагом народа», какую он представлял реальную угрозу советской власти? А тогда сходу загремел под арест, под допросы с пристрастием, издевательства, ссылку... Хорошо хоть, невзирая на «клеймо» отца, Бориса после семилетки в Бутурлиновский технологический техникум приняли. Но доучиться не пришлось: «В сорок первом, сорок памятном году прокричали репродукторы беду...» И он шагнул с такими же ребятами-добровольцами в самое пекло, в самую пропасть против гитлеровского нашествия, туда, где рвутся мины, брызжут смертельными осколками снаряды и где не стихает гул фрицевских самолётов, бомбящих хлипкую переправу, вызывая вполне понятный страх, ужас, панику даже среди военных, особенно первогодков. Но и проверяя людей на стойкость, прочность, мужество. Оттуда, из самой гущи боёв, и вырвались, как

молитва, как заклинание, первые строки знаменитой трилогии Панова, положившие начало всему эпическому произведению, ставшие его камертоном: «Война, война... Сколько ты плодишь скотского, дикого в людях! И как высоко поднимается в твоих испытаниях человеческий дух!»

Тяжёлые жизненные невзгоды преследовали Бориса Константиновича и после войны. Суровая болезнь унесла любимую жену, и ему нужно было как угодно, но справляться с домашним бытом, навалившимися хлопотами, ни в коем случае не упуская не дающую ни часу покоя редакторскую работу, и в то же время поднимать, ставить на ноги двоих сыновей. Справился! Доказал и свою профессиональную состоятельность, поднимая на заметную высоту одну за другой три районные газеты в Глазке, Сампуре, Шехмани. А там и лучик счастья улыбнулся, когда встретила его на жизненном пути верный друг и соратник – институтский преподаватель Ада Николаевна, с которой оказалось так много общего, слитного, неразделимого до самых последних дней.

В начале 1960-х Борис Константинович – уже не только состоявшийся редактор, но и вполне известный писатель, журналист, чьи очерки охотно печатали в центральных газетах, столичных журналах «Москва», «Октябрь», воронежском «Подъёме» (с одновременным приглашением на работу в отдел культуры областной газеты «Коммуна»), – возглавил редакцию мичуринской «районки» «Знамя Октября». И, сплотив вокруг себя даровитый творческий коллектив, насытив газету множеством интереснейших, взхлёб читаемых материалов, вывел её на «звёздный» уровень, о чём было живо, подробно, увлекательно рассказано в памятной для земляков подробной передаче Всесоюзного телевидения!

Равняясь на литературный стиль Панова, его узорчатый самоцветный язык, писательское осмысление всего вокруг происходящего, поднимались в творческом росте будущие писатели земли Тамбовской Василий Кравченко, Виктор Кострикин, простите за нескромность – автор этих строк, в те годы –

сотрудник находившейся в одном здании со «Знаменем» городской газеты «Мичуринская правда». Борис Константинович как магнитом притягивал к себе людей. По литературному поводу и без, охотно навещали к Пану Борису (он знал этот свой дружеский «псевдоним» и не серчал) коллеги из Тамбова – Александр Стрыгин, Иван Кучин, Майя Румянцева, Алексей Шилин, что уж говорить о местных друзьях-товарищах... Приходили, приезжали и просто так, поговорить «за жизнь» и обсудить пановские новинки, одна за другой выходившие в воронежском Центрально-Чернозёмном книжном издательстве вначале в мягком, а затем в классическом твёрдом переплёте: повести и рассказы «Мартовским днём», «Хозяин», «Трудный год Владимира Туровцева», первую часть трилогии «Посреди степей», газетные и журнальные публикации. Какие же это были прекрасные, удивительные в нравственной красоте и чистоте люди! Интеллектуалы, умницы, таланты, никогда не выставлявшие свои награды и заслуги напоказ и ценившие по таким же достоинствам других людей! С лёгкой грустью (иных уж нет, а те далече) вспоминаю имена друзей Бориса Константиновича: это прежде всего такие же, как и он, фронтовики: личный секретарь и биограф Мичурина Андрей Николаевич Бахарев, прекрасный художник, создавший в Мичуринске первую детскую художественную школу, Аркадий Васильевич Платицин, знаменитые учёные Валентин Иванович Будаговский и Геннадий Александрович Курсков, главный режиссёр Мичуринского театра драмы Глеб Константинович Томилин и председатель известнейшего в то время колхоза Владимир Алексеевич Волков, врач-фтизиатр Фёдор Алексеевич Баранов и ректор педагогического института Николай Карлович Митов, литературоведы, журналисты, краеведы – Анатолий Рафаилович Монастырский, Иван Степанович Никулин, Иван Ильич Скоркин, Леопольд Артурович Израелович... Да разве перечислить все славные имена! Одну лишь истину можно подтвердить: скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты...

Борис Константинович всегда оставался добр и расположен к друзьям. Но ещё больше он, человек, прошедший очень суровую школу, исколотый такими острыми шипами, которые иным и не снились, был поборником правды, справедливости, чести и достоинства. И тут для него не существовало ни «директив» свыше, ни звёздных погон, ни чиновничьих званий. Если вопрос, вынесенный на бюро райкома партии (а Панов бессменно входил в состав этого «высшего ареопага» тех лет), касался судьбы, карьеры, жизненного пути не понаслышке известного ему человека, он смело вставал и убеждал проголосовать не по форме, а по совести, по существу. Прислушивались!

Бориса Панова неизменно радовали журналистские, тем более книжные успехи «подраста», как он любовно и уважительно называл окружавшую его творческую молодёжь. Он высоко ценил прозу молодого писателя из Знаменки Валерия Кудрина, призывал читать его рассказы, обращая внимание и на стилистику, и на самую архитектуру «по-казакски», «по-бунински» хрупких, написанных удивительно прозрачным языком новелл. Под широко распахнутым крылом Бориса Константиновича находили себя в прозе, поэзии, краеведении, филологии Василий Попков, Иван Гладких, Пётр Герасимов, Григорий Шифрин, учительница-словесник Надежда Ралдугина, на долгие годы оставался близким другом семьи тогда сотрудник ВНИИС, поэт, мастер сатирического жанра Анатолий Смагин.

Только не всё так уж благостно было в окружении Бориса Константиновича. Один из «питомцев», подхихикивая в кулачок, старательно выискивал на страницах книг прозаика пробелы, будь то некие чересчур уж простонародные словечки, заковыристые обороты речи, маленькие неточности, вполне простительные и объяснимые в ином случае, но не в том, когда «доброхот» отсылал собранный «урожай» в сатирический журнал «Крокодил» на всеобщее обозрение.

– Вот же Иудушка! – качал головой Борис Константинович. – Я его рукописи правил, в издательство звонил, просил редакторшу

быть снисходительнее к начинающему, и вот такая благодарность?

– Борис Константинович, да крохоборы – они и есть крохоборы, – утешал я как мог расстроенного мэтра. – Что с них взять, на что они ещё способны?

* * *

Борис Константинович Панов прожил 85 лет. Заслуженный работник культуры, первый на Тамбовщине лауреат премии Союза журналистов СССР, первый в Мичуринске член Союза писателей СССР. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени, золотой медали ВДНХ, лауреат премий Гаврилова, Рахманинова, других престижных литературных премий. Крепкого сложения – с апреля и почти по октябрь он купался в Лесном Воронеже, зимой постоянно бегал на лыжах, охотно совершал долгие пешие переходы. Борис Константинович не болел, умер в одночасье. Хоронили мы его в промозглом ноябре, принося свои соболезнования безутешной Аде Николаевне, сыновьям и внукам Бориса Константиновича. Стараниями журналиста Владимира Измайлова вскоре будет издан сборник очерков памяти писателя «Кудесник слова». Руководитель областной писательской организации Николай Наседкин, как мы с ним и обещали на тризне, примет самое горячее участие в выпуске посмертного сборника произведений Бориса Панова «На окраине». Мичуринский городской Совет депутатов совместно с городской администрацией учредит ежегодно присуждаемую литературную премию имени Бориса Панова.

Но каждый раз, проходя или проезжая в Мичуринске по улице Интернациональной, мимо дома под номером 19, обязательно смотрю на окна четвёртого этажа, умом понимая, что давно живут там совсем другие люди, но всем сердцем желая, чтобы хоть на миг, хотя бы на мгновение промелькнул там знакомый силуэт, вновь обозначился приветственный взмах его руки и высветилась незабываемая улыбка Бориса Константиновича Панова. Учителя. Человека. Поистине кудесника слова.

ИЩИТЕ ПРАВДУ ПОД КРАСОТОЙ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Читать такие романы, как у известного русского прозаика Юрия Козлова, невероятно тяжело, потому что они максимально перегружены некими добавочными смыслами, глубокими философскими размышлениями и параллельными метафорами, но и отложить чтение этих книг тоже невозможно, так как каждая строчка его прозы несёт в себе хоть и второстепенное, но тем не менее очень глубокое содержание. В данном случае речь идёт о книге Юрия Вильямовича «Враждебный портной», вышедшей в 2016 году из печати в московском издательстве «Художественная литература», где эта книга появилась на свет не просто в виде неких чрезмерно перенасыщенных ненужными деталями текстов, но целиком представляет собой сплошную литературную метафору. (Мне он подарил эту книгу только летом 2023 года, так что было особенно удивительно читать строки о событиях дней сегодняшних, написанные ещё семь лет назад.) Что ни абзац – то художественный образ, в основе которого лежит сравнение какого-то предмета или явления с каким-то другим образом или явлением на основании их общих признаков.

У Юрия Вильямовича в романе о портном Каргине (как, впрочем, и во всех других его произведениях) такие образы встречаются практически на каждом шагу, выступая как самостоятельные, порой однострочные произведения. Но самостоятельные – это вовсе не значит, что они были созданы непосредственно им лично. Довольно часто он вводит в свои книги персонажей или эпизоды из русской и мировой литературы, опираясь на фразы

и сцены, первоначально промелькнувшие или прозвучавшие в работах у кого-то из других авторов. Так, например, Козлов ещё в ранних произведениях не чурался вводить в свои книги персонажей и образы из чужих книг, как это можно видеть в его романах «Одиночество вещей», «Геополитический романс», «Ночная охота», «Реформатор», «Новый вор» и целом ряде других сочинений.

Как отмечают в своих статьях литературные критики, проза Юрия Козлова относится исключительно к психологической или философской категории, что максимально отвечает духу нашего нового столетия и в ряде случаев несёт в себе предсказания будущего. Но при всей склонности Юрия Вильямовича к серьёзной философичности он постоянно бродит своими мыслями по кромке постмодернистского поля, то и дело заигрывая с цитатами из чужих текстов и жонглируя собственными яркими метафорами.

Метафоры – это вообще любимое хобби Козлова, он рассыпает их по страницам своих книг, как бриллианты по сверкающему паркету. При этом его метафоры настолько яркие и самодостаточны, что вместо того чтобы улучшать собой качество создаваемого автором художественного текста, они непроизвольно оттеняют собой глубину литературного моря Козлова.

Возвратимся к упоминаемым выше однострочным самостоятельным произведениям, которыми усеяны произведения Юрия Козлова. Вот некоторые из его оригинальных высказываний: «Задумчиво-мрачное лицо Лермонтова, как круглое чугунное ядро, летело над Садовым кольцом поверх суесящихся внизу людей». Или вот: «...в спутанных, как нитки в захламлённой

шкатулке для шитья, мыслях...». А ещё: «Тело Каргина, влившись в костюм, как в кувшин, приняло его форму», «В отделе "Современная проза" он высмотрел полку, где, тесно сдвинув плечи корешков, стояли книги его приятеля».

Или же вот такие словесные блёстки, рассыпанные Козловым на дороге: «Мысль, как проворная лягушка, отпрыгивала в сторону», «Молодые живут с глазами, закрытыми на старость», «Железный поток прошелестел шинами, как новенькими денежными купюрами», «Старость прошивала его насквозь тройной нитью, была в грудь острым клювом», «Простые и примитивные, как жизнь в бесклассовом обществе, изделия», «Спина распрямилась, как водопад», «Слова в её песнях не несли, как верблюды поклажу, смысловой нагрузки. Из разных языков были надёрганы случайные слова, как сорные цветы в поле». Это – уже из двухстрочных метафор.

Вот о таких самоценных строчках я и говорил мимоходом выше, отмечая, что они имеют самодостаточную ценность, которая заслоняет собой суть основных произведений Козлова. Один из персонажей его романа (а именно – Порфирий Диевич) упоминает по ходу текста колоду карт – он «извлекает из пачки обёрнутую в тонкую шуршащую бумагу, как невесту в белое платье, новенькую колоду». И таких блистательных штрихов, не имеющих, по сути дела, никакой смысловой нагрузки в романе, но сверкающих, словно звёздочки в бархатном чёрном небе, было в нём превеликое множество, и не заметить этого было нельзя. Ну как обойти взглядом и словом такие словесные перлы: «Рука ветра одобрительно потрепала Диму по плечу и – одновременно – раздвинула впереди облака, выпустив на небо, как застоявшегося рыжего верблюда на пастбище, солнце»? Или же: «Дима долго смотрел на выщербленные, как крышки над побитыми кастрюлями, крыши». А также: «Смерть, как голодная птица зёрна, склёвывала с тарелки земли людей». И ещё: «Во времена СССР Садовое кольцо было просторным, как безразмерное пальто. В него, бесполое, серенькое, неладно скроенное, но крепко сшитое, со временем преобразова-

лась, как бисквит с ромом, напитанная кровью революционная шинель».

Но это уже снова двухстрочная метафора, а встречаются ещё и трёхстрочные: «Молнии эсесовскими зигзагами вылетали из туч, вонзались в обитые медью шпили высотных зданий. Шпили на мгновение уподоблялись взлетающим с неподъёмным грузом ракетам. Они рассыпались искрами, расползались по небу светящимися змейками, как если бы гроза была лазерным шоу».

Но шоу не шоу, а то, что мир похож собой на детский калейдоскоп, это точно. Крутишь головой направо-налево, и, словно разноцветные стекляшки в зеркальной трубочке, пересыпаются перед твоими глазами сверкающие миры. Пускай не красочные и не ярмарочные, но в них сам наш быт рассыпается крошками жизни, пока вращается перед нами трубочка сказочного калейдоскопа: «Жрецы могут отклеить солнце от неба, как почтовую марку от конверта», «Весну тянуло на холод, как закодированного алкаша на водку», «В сейфе у него лежат пять тысяч евро – десять пятастических, фиолетово-розовых, как ожидаемый цветок кактуса, купюр», «За окном свистела тёмная пустота...»

И практически с каждой страницы козловской книги свисали, посверкивая оригинальными образами, лихо закрученные метафоры. Одни – его собственного сочинения, другие – заползшие к нему со страниц других писателей. Вот, например, знаменитая фраза Юрия Олеши из его романа «Зависть»: «Она прошумела мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев». А вот строчка из романа Юрия Козлова «Враждебный портной», в котором видна его неприкрытая переключка с Олешей и в то же время с героем романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «Я свой сад давно возделал, и он, можно сказать, отшумел ветвями, полными плодов и листьев». Возделывать свой сад – это идея из романа Вольтера, а ветвь, полная цветов и листьев, – это из романа Олеши.

Читать подобные страницы – всё равно что перекачивать в своём сознании строчки сочиняемого тобой романа, ощупывая языком

сладкие карамельки во рту. Роман Юрия Козлова – это не что иное, как роман-бутафория, роман без реального сюжета, роман из смутно мелькающих силуэтов ближайшего окружения героя на фоне реалистических предметов быта. По большому счёту это роман из одежды, обуви и множества второстепенных деталей, но подлинная жизнь героев романа прячется именно за деталями. Потому что именно с возникновением одежды начинается история человеческой цивилизации.

«Что такое одежда?» – задаётся вопросом двойник главного героя Каргина и сам же на него отвечает: «Не важно, во что ты одет. Важно, кто тебя одел».

То есть «мода держит людей в подчинении узде» – утверждают модельеры.

Несмотря на множество абсолютно ненужных роману деталей, за ними проступает как раз то, что веет человечеству тревогой и приносит в мир подкрадывающуюся к нам опасность. «В завершение мюзикла кружившиеся над Красной площадью лазерные голуби с оливковыми веточками в клювах превращались в (натовские?) беспилотники-дроны. Кремль разваливался на куски, как пересохший пасхальный кулич, а отбомбившиеся беспилотники складывались в светящуюся, вращающуюся, как циркулярная пила, свастику».

Если вспомнить, что роман Юрия Козлова писался ещё в 2012–2014 годах, то есть почти за десять лет до начала военной операции в Донбассе, то невольно отнесёшь его к категории провидцев типа Мишеля Нострадамуса, Вольфа Мессинга, Сидика Афгана, Эдгара Кейси и ряда других прозорливцев, сумевших заглянуть из своих дней в наше время. Юрий Козлов (а точнее, его персонаж Каргин) понял, что абсолютно прав был товарищ Сталин, который 9 июля 1928 года с тревогой предупреждал нас, что «по мере нашего продвижения вперёд сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться», а «к середине восьмидесятых, когда, казалось бы, никаких классов в марксистском

понимании в СССР не осталось, именно руководящие товарищи, так называемая номенклатура, вдруг обнаружат звериную страсть к деньгам и собственности».

Вот об этой страсти и говорят в романе Юрия Козлова «Враждебный портной» почти все его персонажи. А ещё более страшно высказывается в очередном своём прогнозе сам Каргин, обрисовывая грядущую жизнь на Земле в очень недалёком будущем. Он говорит нам следующее: «Что за радость была мне услышать, что дети скоро начнут рождаться от трёх и более родителей, причём не важно, какого пола и какой ориентации эти родители. Главное, чтобы у них имелись хоть какие-то хромосомы. Что вершиной генетического прогресса станет сверхчеловек с половыми органами мужчины и женщины одновременно и что этот человек сможет трахать сам себя... Что США до конца нынешнего десятилетия нанесут по России удар высокоточным ядерным оружием за... несоблюдение прав гомосексуалистов и лесбиянок, а мировое сообщество будет горячо это приветствовать».

Вот какие истины просматриваются сквозь рассыпанные по всему роману красивые детали. Красивые – но очень пугающие.

Роман Юрия Козлова необычайно сложен, и его непросто собрать воедино из разбавившихся по всей книге словесных ручейков. Прошлое переплетается с настоящим и будущим, зло – с добром, любовь – с ненавистью, вражда – с дружбой. Непонятно только, кому нужна русская литература и кто найдёт в себе силы погрузиться в изображённую Козловым реальность. «Миру – конец, если ему больше не нужен роман, потому что по большому счёту мир и есть роман!» – говорится в конце этого сочинения. Но если уж он писателем написан, значит, мы должны его однажды прочитать. Тогда слова о конце мира отступят, и жизнь будет продолжаться дальше. Настоящая, без всяких метафор. Так что ищите смысл под метафорами, ищите правду под красотой.

ЧЕХОВ В МИРЕ ПОЧТОВОЙ МИНИАТЮРЫ

Анатолий ТРУБА

Удивление, вызванное тем, что одним из самых известных филателистов мира является известный русский писатель Антон Павлович Чехов, со стороны людей, не посторонних в современной литературе, ввело меня в ступор. Общеизвестный факт биографии писателя несколько затерялся в сегодняшнем дне, как и сама марка. Впрочем, мне ближе определение «почтовая миниатюра». А ведь ещё вчера каждый советский мальчишка школьного возраста собирал, доставал и обменивал почтовые марки и считал свою коллекцию бесценным сокровищем.

Нельзя не отметить, что кроме Антона Чехова сбором марок «грешили» ещё два наших замечательных писателя – Максим Горький (особенно сильно увлёкся во время проживания на острове Капри) и основоположник символизма Валерий Брюсов. Последний, кстати, был страстным филателистом. Он «заболел» марками, пытаясь привлечь к коллекционированию своего маленького племянника Колю. Сначала он собирал марки для мальчика, а затем увлечение захватило его самого. Брюсов многие часы проводил за подбором каталогов, систематизацией марок и общением с другими филателистами.

Коллекционирование марок в то время было делом сравнительно новым: первая российская почтовая марка поступила в обращение всего за два года до рождения А. П. Чехова. Интерес к их собирательству появился у Антона Павловича, по-видимому, после завершения учёбы в Московском университете. Став известным писателем, А. П. Чехов отправлял и получал очень много писем и почтовых карточек, что способствовало пополнению его коллекции.

Марки Чехов не покупал специально. Обычно он просто вырезал их из присланных ему писем и клеивал в альбом. Своих друзей и родных он тоже просил не выбрасывать конверты, а сохранять – вдруг у него ещё нет таких марок. Своей сестре в одном из писем он прямо так и пишет: «Марки не бросай, а оставляй для меня».

Часто присылали марки близкие знакомые семьи, например художница А. А. Хотяинцева, переводчица произведений А. П. Чехова на английский язык О. Р. Васильева и другие. Сначала Антон Павлович складывал их в вазу, стоящую возле письменного стола, а затем утаковывал.

В образцовом порядке содержал писатель и присланные на его имя письма. Вот как вспоминает об этом знакомый Чехова, военный юрист и писатель Б. А. Лазаревский: «В январе 1903 г. А. П. Чехов сидел на диване, перебирая и сортируя письма за минувший год».

С большой достоверностью можно утверждать, что около 150 западноевропейских марок снято Антоном Павловичем с собственных писем, которые он адресовал родным из-за границы, куда выезжал несколько раз. Марки писатель покупал во всех городах, которые посещал: в Болонье, Флоренции, Риме, Милане, Генуе, Неаполе, Париже, Ницце, Вене.

Подобным коллекционером был и русский царь Александр III, который, кстати, очень любил вслух читать рассказы А. П. Чехова. Он также связывал марки пачками и складывал их в коробки. Сто лет назад многие рекомендации по хранению марок, критерии филателии, которые сегодня кажутся очевидными, ещё не были окончательно выработаны.

Несомненно, марки оставили заметный след в биографии писателя. Можно предпо-

ложить, что Антон Павлович собирал также сюжеты, связанные с почтовыми миниатюрами, для последующего использования в своих произведениях. В его записных книжках имеется, например, такая фраза: «Молодой человек собрал миллион марок, лёг на них и застрелился».

Память о нашем великом русском писателе чтут не только литературные круги и общественность, но и почтовые ведомства. В этом он даже обошёл английского «писателя», нобелевского лауреата по литературе Уинстона Черчилля, изображения которого печатали все колонии англичан.

Первая серия из четырёх почтовых марок была издана в СССР в феврале 1940 года – к 80-летию со дня рождения писателя. На марках номиналом в 10 коп. (оливково-зелёной) и 15 коп. (светло-зелёной) воспроизведён его портрет по фотографии 1898 года, а на марках в 20 коп. (светло-фиолетовой) и 30 коп. (красно-коричневой) – портрет работы А. Иваницкого. Конец 90-х годов – период творческой зрелости Антона Павловича. В эти годы им написаны пьесы «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1897), рассказы «Крыжовник» (1898), «Ионыч» (1898) и другие.

Второй выпуск – почтовая марка издана в июле 1954 года – был приурочен к 50-летию со дня смерти А. П. Чехова. На ней писатель изображён сидящим в плетёном кресле на веранде (ялтинский период).

В 1959 году в серии «Писатели нашей Родины» вышла марка с портретом Антона Павловича по фотографии 1898 года на фоне рисунка Кукрыниксов к рассказу «Человек в футляре».

Столетие со дня рождения Антона Павловича было отмечено серией из двух марок, на которых воспроизведены его портреты по фотографиям 1889 и 1902 годов. Кроме того, на первой (20 коп.) изображён дом на Садово-Кудринской улице в Москве, где писатель жил в 1888–1890 годах. Здесь им были написаны драма «Иванов», водевили «Медведь», «Предложение» и «Свадьба», повесть «Степь» и другие. В этом «доме-комоде», как в шутку называли его в семье Чеховых, бывали Д. В. Григорович, В. Г. Короленко, А. Н. Плещеев, В. И. Немирович-

Данченко, многие художники, артисты, музыканты. С 1954 года это Дом-музей А. П. Чехова.

Основным фоном для второй марки (40 коп.) стал дом в Ялте, построенный Чеховым в 1899 году. В нём неоднократно бывали Бунин, Куприн, Шаляпин, Рахманинов. Здесь тоже сейчас мемориальный Дом-музей А. П. Чехова, который долгие годы возглавляла сестра писателя Мария Павловна.

А. П. Чехов. Марка Монако. Код по каталогу Михель: МС 2969. Дата выпуска: 4 декабря 2009 г. Размер: 40 x 30 мм. Цвет: многоцветная. Перфорация: гребенчатая 13 x 12¼. Печать: металлография. Номинальная стоимость: 1,67 € (евро)

Портреты Чехова были воспроизведены также на почтовых миниатюрах Чехословакии (1954) и Румынии (1960).

В СССР А. П. Чехову были посвящены также несколько выпусков художественных маркированных конвертов (ХМК), почтовая карточка с оригинальной маркой, специальные почтовые штемпели. Российским издательско-торговым центром «Марка» по инициативе таганрогских филателистов изданы ХМК «Таганрог. Памятник А. П. Чехову» (1996), «Таганрог. Центральная городская публичная библиотека имени А. П. Чехова» (1996) и «Таганрог. Музей «Домик А. П. Чехова»» (1999).

Мало кто знает, но в 2014 году, когда ещё не были отчеканены медали для защитников Донбасса, роль наград выполняли почтовые марки. Отличившимся героям вручали специально отпечатанные почтовые миниатюры.

Штемпель первого дня

Конверт первого дня «Год русского языка. Чехов А. П.». 29 января 2020 г.

Почтовая марка ДНР № 175 «А. П. Чехов»

Свободные республики тоже увековечили память Чехова на марках и конвертах своих почтовых ведомств. Так, художественную почтовую марку № 182 «Чехов А. П.» украшает портрет писателя. Номинальная стоимость марки – 29 Р.

Форма выпуска марки – одна марка, малый лист с оформленными полями из шести (3×2) марок и трёх купонов. Тираж марки – 15 000 экземпляров, тираж малого листа – 2 500 экземпляров. На купонах малого листа размещены иллюстрации к рассказам Чехова «Дама с собачкой», «Толстый и тонкий», а также к пьесе «Три сестры», выполненные юными художницами.

На конверте первого дня № 145 «Год русского языка. Чехов Антон Павлович» размещено изображение раскрытой книги с портретом А. П. Чехова. Кроме того, на конверте изображена эмблема Года русского языка в ДНР. Тираж – 1 500 шт. Стоимость КПД в день ввода в обращение – 10 Р.

Специальный почтовый штемпель первого дня № 3 «Год русского языка. Чехов Антон Павлович» действует и применяется только в день проведения специального гашения. Цвет используемой мастики – красный.

29 января 2020 года Почта ДНР заканчивает серию «Год русского языка», выпустив почтовую марку, посвящённую 160-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова. Номинал марки – 29 Р. Марка выпущена в МЛ из шести марок и трёх купонов (3×3). Тираж – 15 000 шт. (2 500 листов).

Союз писателей России ведёт активную работу по увековечению памяти русских писателей, курирует её автор этих строк. Отрадно отметить, что в 2024 году сразу пять писателей удостоились чести быть запечатлёнными на почтовых миниатюрах. Это Б. Л. Васильев (1924–2013), Ю. В. Бондарев (1924–2020), В. П. Астафьев (1924–2001), Ю. В. Друнина (1924–1991), В. О. Богомолов (1924–2003).

Это беспрецедентное количество в новой России. Так что любимое увлечение Антона Павловича Чехова живёт и развивается.

Художник: Юлия
Константиновна Безуглая

Асила – библиотечная нимфа

Арина ЯШКОВА

Огромные помпезные люстры одна за одной переставали излучать свет. Хрусталь больше не блестел от обилия горящих лампочек. Темнота. И, пожалуй, тишина. Особое свойство окружающей среды, имеющееся в этом помещении не только ночью, но и днём. Уборщица с шумом закрыла дверь в читальный зал, напугав просыпающихся обитателей библиотеки. С самого высокого книжного шкафа легко соскользнула белая тень и приземлилась на древний деревянный паркет. Из бесформенного свечения сформировались сначала ноги, затем туловище и руки. Раздался знакомый скрип двери.

– Ах, ангел! – воскликнула уборщица, забывшая швабру, и поспешила упасть в обморок.

– Ой, – только и смогло выговорить светлое существо.

– Раз уж на-тво-ри-ла о-пять дел, то не ой-кай, – послышался голос с самой нижней полки ближайшего книжного шкафа.

Несколько печатных изданий выпихнулись кем-то и упали на пол. Появился маленький карлик с крыльями в виде страниц книг. Состроив три своих единственных пальца в подходящую позицию, он громко щёлкнул. Во всей библиотеке мигом стало шумно. Труды и сборники литераторов, а местами даже учёных начали шевелиться и падать. Из открывшихся щелей озабоченно выползали такие же карлики, с трудом запикивающие книги обратно на полки. Порядок должен быть везде!

– Простите, букварлики, не хотела вас нагромоздить работой, – с сожалением проговори-

ла белая сущность, – я думала, что этот служитель чистоты в библиотеке не вернётся, раз ушёл.

– А-си-ла, ну ты же зна-ешь че-ло-ве-чес-кий вид! С их за-быв-чи-вос-тью мо-жет по-соре-в-но-вать-ся толь-ко ры-ба, – кричал по слогам главный Букварлик и, собрав своих товарищей, принялся под счёт тащить тело уборщицы за дверь.

– Знаю, не знаю, какая же разница, если люди непредсказуемы? Сами пишут «тишина», сами восклицают и громко падают, – посетовала Асила, зажмурившись, когда букварлики случайно ударили уборщицу головой о приоткрытую дверь в читальный зал. «Библиотечная нимфа в третьем поколении, которая справится со всеми умными и не очень головами!» – гордо представлялась она сама себе, переведя взгляд на собственное отражение в огромном зеркале у входа. И зачем оно здесь?

Налюбовавшись своей едва заметной видимостью и скрывшимися за дверным проёмом ногами уборщицы, нимфа двинулась по просторному залу, проверяя собственные владения. В спокойных сумерках изредка мелькали красные фонарики. Сигнализация. На обрамлении шкафов на самом верху виднелись причудливые Совы-слова. Эти птицы, означающие особую мудрость, являлись настоящими стражниками. Вот и сейчас глаза некоторых горели страшным пламенем. Пропаж.

– В наличии нет книги «Горе от ума» А. С. Грибоедова 1824... – не слушая дальнейшую информацию о произведении, вылетающую из клюва совы, Асила начала проверять каждую полку, но пустого места не обнаружила: все были заняты книгами. Задумчиво, под озвучивание Совой-слова количества тиража библиотечная нимфа отошла подальше от шкафа, чтобы попытаться понять, что не так. Вот оно. Одна книга оказалась перевернута вверх ногами. Спешно Асила поставила её как надо, и глаза стражницы этого шкафа тут же потухли, а клюв закрылся.

– Вот тебе и «Горе от ума», и горе от искусственного интеллекта, – посетовала в пустоту нимфа и продолжила обходить те шкафы, где Совы-слова были беспокойны. Та же пустая паника. Вот и проблема современности – если от-

давать предпочтение механической обработке информации, не всегда выходные данные будут верными. Справедливости ради, пара книг действительно пропала, и если одна была найдена на полу возле шкафа (какой-то из букварликов не до конца выполнил свою работу), то другой не было нигде. Действительно пропажа.

– Что-то не так? – проговорил главный Букварлик, неожиданно появившись сзади Асилы.

– Ах, напугали! – театрально вздохнула нимфа и засмеялась. – Нет ничего подходящего, чтобы заткнуть пустоту в этом шкафу. А куда вы, собственно, отнесли служителя чистоты?

– На бли-жай-шее крес-ло для от-ды-ха, – отчитался Букварлик, довольно шевеля своими крыльями.

– Не на то ли, у которого сломана ножка? – прищурилась Асила.

– Ни-как нет!

– Ве-ро-ят-но, нет, – сконфуженно и тихо произнесли несколько подошедших букварликов.

Так или иначе главная задача всех библиотечных существ – забота о книгах и библиотеке в целом. А не об отдельных её живых элементах. Стоит заучить эту фразу, представая в следующий раз на совете библиотечных нимф...

Сзади главного Букварлика начала образовываться толпа заинтересованных книжных зевак, рассматривая отличающийся от других стеллаж. Старость. Именно это слово хотелось сказать, глядя на него. Ветхие деревянные сплетения обрамляли его. Сова в изголовье казалась хранильницей самой жизни. Крылья её были раскрыты и будто обнимали сверху все книги. Особый запах древности наполнял лёгкие любого человека, побывавшего здесь. Но ни букварликов, ни библиотечную нимфу он не трогал: зачем иметь органы, которые бесполезны в определённой среде? И если лёгкие у этих существ были не в чести, то мозги у каждого имелись в достатке. У кого-то даже два (чтобы наверняка). Но, честно говоря, даже они не всегда помогали в решении некоторых задач.

– От-сут-ству-ю-ща-я кни-га? – требовательно спросил главный Букварлик у Совы-слова.

– Это отдел книг XVIII века! Сюда ещё не установили обновлённых сов с говорящими

клювами – старость ныне не торопится за современностью, – проговорила Асила, думая, как решить уравнение с нахождением пропавшей книги. Госпожа Государственная библиотечная нимфа рассвирепеет, узнав об отсутствии произведения из такого исторического отдела.

Из зияющей дыры в книжном шкафу подул. Главный Букварлик щёлкнул своими тремя пальцами. Остальные букварлики с интересом влезли на головы друг другу, создавая лестницу из самих себя. Одним словом – самоорганизация! Главный карлик библиотеки пыхтя вскарабкался с помощью младших товарищей на нужную полку, но из-за резкого порыва ветра свалился на пол.

– Что за бе-зо-бра-зи-е? – начал кричать главный Букварлик, пытаясь встать. Не дожидаясь, пока букварлики преобразуются из самоорганизации в разорганизацию, Асила взлетела, закружилась и превратилась в едва заметное свечение. Будто отблеск луны, она сползла от верха библиотечного шкафа до нужной полки и исчезла в чёрной дыре, образовавшейся на месте пропажи.

Длинный витиеватый туннель местами сужался настолько, что нимфа превращалась в едва видимый луч. Спустя пару минут межстенного путешествия туннель расширился. Перед нимфой предстало небольшое тёмное помещение, будто выгрызенное кем-то. Повсюду были разбросаны страницы книг. Некоторые из них со следами маленьких зубов. Преобразовавшись обратно в свой привычный образ, Асила схватила первый попавшийся под руку листок. Буквы, напечатанные на нём, наверняка были бы понятны её бабушке, но не ей самой. Конечно, в школе библиотечных нимф они проходили древние языки, но Асила полностью проспала этот бесполезный, как ей казалось, предмет.

– Кто это ко мне пожаловал? – раздался голос, сопровождающийся чавканьем.

– А кто тот, к кому пожаловала я? – ответила вопросом на вопрос нимфа.

– Вы настоящая невежда! Не знать, кто обитает в междустенье. Да где такое видано! Как вас только на работу взяли? – возмущалось невидимое существо.

– Взяли и взяли, а вот вы, кажется, взяли важную древнюю книгу, – осторожно проговорила нимфа, оглядываясь по сторонам в поисках хозяина норы.

– Что за обвинения? Ваша работа – следить за книгами, а моя – уничтожать устаревшие. Когда в последний раз посетители брали вашу пропавшую книгу? Вы уверены, что она вообще им нужна? Лично я считаю, что она нужнее моему желудку. – От возмущения существо показалось в одном из туннелей и снова исчезло, успев напугать своим видом Асилу. Нечто скользкое, розовое промелькнуло ещё раз.

– Словарный червь! – прокричала нимфа. – Эта книга не была согласована для утилизации, в отличие от других книг. Ты совершил ошибку.

– Что же, искренне негодую и покорнейше приношу извинения. Ошибка была очень вкусной. А теперь прошу скорее покинуть моё логово, – прокричал червь и вылез из ближайшего к Асиле туннеля, чтобы проводить своим взглядом незваного гостя. Монокль его злоевоще поблёскивал в темноте.

Громко вздохнув и услышав от червя не менее громкий вздох, Асила вновь превратилась в тусклое свечение и поспешила влететь в один из туннелей.

– Ну вот, ошибку допустила не я, а на отчёте перед госпожой Государственной библиотечной нимфой это никого волновать не будет, опять вычтут из штата одного букварлика, как в прошлом месяце, – размышляла Асила, путаясь в сети туннелей и пытаясь утешить себя, – один букварлик хорошо, а два – хуже. В соседней библиотеке вообще весь детский отдел в позапрошлом месяце разорвали в клочья, так там двух букварликов вычли. Вот это беда так беда.

Ещё долго был слышен шёпот маленькой нимфы, летающей во владениях словарного червя и пытающейся выбраться обратно в читальный зал.

– «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы» – так и русской библиотеке без нимфы, – лишь проговорил червь, с аппетитом доедая последнюю страницу «Слова о полку Игореве», чтобы отправиться на помощь юной хранительнице книг.

КАЗАКИ И «АЛЕКСАНДРЪ»

11 октября в 16 часов в Шолоховском зале Союза писателей России состоялась презентация октябрьского, «казацкого» номера литературно-исторического журнала «Александръ».

Открыла вечер бессменная ведущая и автор идеи «Литературной гостиной» Нина Дьякова, отметив душевную атмосферу, царившую в зале, и предоставила слово главному редактору издания Анатолию Трубе.

Анатолий Сергеевич обратился к присутствующим со словами благодарности, подчеркнул при этом долгий срок сбора материала и формирования этого особенного номера, близкого ему по духу. Отметил при этом, что всему своё время и символично, что казачий номер выпущен именно в октябре. Кроме того, Анатолий Труба представил новое издание – «Энциклопедия казачества. Тамбовская область», презентация которого состоится 13 октября в Тамбове. Книга стала сюрпризом для участников мероприятия и вызвала живой интерес.

На волне оживления было предоставлено слово гостю мероприятия, управляющему делами Российской муниципальной академии Владимиру Истомину, который зачитал постановление и вручил Анатолию Трубе Благодарность Совета Федерации РФ за многолетний труд в образовании и науке.

После слово было предоставлено инициатору «казацкого» номера Валерию Латынину, вспомнившему возрождение казачества в России и ушедших товарищей. Валерий Анатольевич также отметил символичность выхода этого номера журнала «Александръ» в преддверии святого праздника Покрова Богородицы, посетовал, что в настоящее время перестал выходить журнал «Казачество» и предложил сделать традици-

ей выход в октябре «казацкого» «Александра», на что получил утвердительный ответ.

Далее авторы журнала представляли зрителям свои произведения. Стихи сменялись разудалыми песнями, а воспоминания о казачьем братстве – лирическими, берущими за душу мотивами. Казаки-художники, представившие свои картины и скульптуры в «Александре», делились своими впечатлениями, способствующими развитию их творчества.

Изюминкой вечера стало выступление народного артиста Юрия Назарова и артистки Полины Нечитайло.

Дух казачества наполнил зал и стал прекрасным началом, новой вехой в истории литературно-исторического журнала «Александръ».

А 13 октября в Музейно-выставочном центре Тамбовской области презентовали книгу «Энциклопедия казачества. Тамбовская область». Над её созданием два года работали член правления Союза писателей России профессор Анатолий Труба и атаман регионального казачьего общества Владимир Векленко.

В зале собрались те, кто так или иначе связан с казачьим братством в Тамбовской области. К слову, оно в этом году справляет 30-летний юбилей.

«Казачество есть, оно развивается. Но самое главное, что у нас казачьи кадетские корпуса, школа-интернат и колледжи, которые обучаются по казачьей программе. Это главное, потому что здесь сегодня присутствуют дети. Им надо передавать опыт казачий, всю традицию казачества. Они будут поддерживать в дальнейшем возрождение казачества», – рассказал Владимир Векленко, атаман Тамбовского Отдельского казачьего общества.

С мыслями о преемственности поколений авторы кропотливо собирали информацию, которую потом и отразили на 193 страницах. Значения казачьих слов – от А до Я. Имена и судьбы представителей братства. Некоторые из героев книги присутствовали сегодня в зале, среди них генерал армии, почётный гражданин Тамбовской области Николай Рогожкин. К созданию энциклопедии автора идеи подтолкнуло чувство справедливости. Наткнувшись на иностранные издания о казачестве, Анатолий Труба был возмущён позициями авторов.

«Эта энциклопедия вышла в 1966 году. Одна издана в США, другая в Канаде. Там враги, я считаю, казачества, которые перешли на сторону фашизма, выставлены героями. А те казаки, которые работают в России, выставлены с неприглядной стороны. Для восстановления исторической истины мне и пришла в голову идея создать энциклопедию».

Гости праздника ознакомились с выставкой, на которой были представлены образцы казачьей формы одежды, холодного оружия, уникальные документы, казачьи медали.

В ходе праздника прозвучали казачьи песни.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru